

АССИРИОЛОГИЯ
и
ЕГИПТОЛОГИЯ

Искусство России
Санкт-Петербург
2006

Содержание

От редактора	5
Н. В. Козырева. К вопросу о датировочных формулах в старовавилонских документах	7
М. М. Юнусов. Фион Библский об одном аграрном культе в Финикии	30
И. В. Богданов. Староегипетское личное имя <i>Kz-s(w)-nb.f</i> .	48
В. В. Емельянов. К вопросу о царских МЕ в шумерской политической идеологии	68
В. В. Емельянов. Идея вечного возвращения в шумерской культуре	91
А. Г. Сущевский. О терминах «пиктограмма», «логограмма» и «идеограмма»	115
А. С. Четверухин. Грамматика, логика и философия в афразийской лингвистике	133
А. В. Шишова. Подход к палеографическому анализу и проблема идентификации иератических почерков	176
А. О. Большаков. Еще раз об Осирисе при четвертой династии	184
А. Н. Николаев. Развитие детерминатива-изображения на египетских стелах I—IV династий (первая половина III тыс. до н. э.)	218
Н. Б. Янковская. Манифестация власти — «Устрашающий Блеск»	236
А. В. Немировская. Отклик на статью В. В. Емельянова «О происхождении энкиду в аккадском эпосе»	266
Крылова Ю. В. Хозяева саркофагов Эль-Берше	273

© Авторы публикаций, 2006.
© Н. В. Козырева, отв. ред.,
2006.

От редактора

ВНИМАНИЮ читателей предлагается очередной, четвертый, сборник «Ассириология и Египтология», издаваемый Кафедрой истории стран Древнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Статьи сборника представляют собой переработку докладов, прочитанных на конференциях по Древнему Востоку, ежегодно проводимых на кафедре. Среди участников этих конференций и авторов сборника не только сотрудники и студенты Кафедры, но и наши коллеги из Института востоковедения и государственного Эрмитажа.

Надеемся, что знакомство с этим сборником даст возможность читателю познакомится с последними разработками и исследованиями петербургских ученых в области языков, истории и культуры Древнего Востока.

H. V. Козырева

Н.В. Козырева

К вопросу о датировочных формулах в старовавилон- ских документах

ИЗВЕСТНО, что в Южной Месопотамии в период, примерно, с середины 3 по середину 2 тыс. до н.э. существовала особая система датировок: предстоящий год получал официальное название по какому-либо важному событию общегосударственного значения, случившемуся в предшествующем году. Например, 7-й год правления царя Шульги назывался «год, когда барка богини Нинлиль была сооружена», 43-й год того же царя назывался «год, когда Шашру был разрушен», 8-й год правления царя Амар-Сина назывался «год, когда жрец-эн в городе Эриду был поставлен», 20-й год царя Гунгуннума — «год, когда высокие ворота в городе Уре были построены» (RLA 2 pp. 131—196). За редким исключением датировки писали исключительно на шумерском языке.

В конце каждого документа обычно указывали месяц и день его составления, и далее шло название года.

Таким образом датировали все документы, как административные, так и частно-правовые. Это обстоятельство, конечно, не может не радовать историков, для которых датировочные формулы являются одним из важнейших источников по истории Месопотамии этого периода.

В данной небольшой статье мы хотели бы по мере наших возможностей представить, какой была реальная практика составления и использования датировочных формул в Месопотамии старовавилонского периода (20—16 вв. до н. э.) и попытаться ответить хотя бы на некоторые из множества возникающих в связи с этим вопросов.

1. Кто создавал и утверждал датировочную формулу?

На этот вопрос в некоторой степени отвечает одно письмо из Мари. Адресатом и корреспондентом этого письма были Ясим-суму и Шунух-рахаль, крупные военачальники и приближенные царя Мари Зимри-Лима (1780—1760), чьи имена хорошо известны из других писем и документов из Мари.

«Шунух-рахалю скажи, говорит Ясим-суму. Относительно наименования (будущего) года ты написал мне следующее: «(Название года должно быть такое:) год после того года, когда царь Зимрилим подарил великий трон богу Дагану». Этот трон, однако, так до сих пор и не подарен. Я посылаю табличку царю, в которой говорится: «название года (должно быть следующее:) год, в который

царь Зимрилим пришел на помощь Вавилону и второй раз выступил против царства Ларсы». Обрати внимание царя на мое письмо и напиши мне ответ (Oppenheim 1970 р. 104—5).

Какие выводы можно сделать из содержания этого письма? Формула будущей датировки заранее обсуждается представителями высшей администрации и предлагается царю. Именно царь выносит окончательное решение по этому вопросу. В названии года, выбранном для датировки, обычно упоминались реальные события, которые уже произошли, однако, это, вероятно, не всегда соблюдалось. Иногда, как в данном случае, год назывался по запланированному, но еще не выполненному деянию в надежде, видимо, что это деяние в ближайшее время будет произведено.

2. По какому принципу отбирались события, достойные быть включенными в датировочную формулу?

Судя по сохранившимся спискам датировочных формул, существовал определенный набор тем, которые могли преимущественно служить для названия года. С небольшими изменениями этот набор тем сохранялся на протяжении всего периода. Чаще всего в датировочных формулах упоминаются следующие события:

1. военные победы,
2. строительство (храмов, городских стен или укреплений),

3. принесение даров в храмы (статуи из камня, меди, золота и серебра, иногда украшенные драгоценными камнями, золотые и серебряные троны и пьедесталы, эмблемы богов),
4. назначение жрецов и жриц в основные храмы государства.

Хотя имя царя в датировках упоминается достаточно редко, очевидно, что именно царь являлся главным действующим лицом тех событий, которые были сочтены наиболее важными для страны в тот или иной год. Именно царь одерживал военные победы, строил и одаривал храмы, назначал жрецов и жриц в главные храмы страны, и в датировочных формулах отражалось представление о царе как защитнике и строителе, хранителе единства и процветания страны. Само создание и функционирование на всей территории государства единообразной системы датировок было одним из важных условий такого процветания.

Частные события из жизни царя не могли служить темами для датировок, за исключением случаев, когда такое событие имело общегосударственное значение. Например, в датировках правления царя 3 династии Ура Шульги упоминается о замужестве его дочерей, которые были выданы за правителей соседних государств Марахши и Аншан (RLA 2 p. 141). Такие династические браки, целью которых было укрепление дружеских отношений с соседними государствами, естественно, могли считаться значимыми для всей страны. Еще одним

событием в жизни царской семьи, которое могло служить темой датировочной формулы, было назначение царских родственников главными жрецами или жрицами важнейших храмов страны.

Старовавилонский период добавил к устоявшемуся набору тем две новых, года стали называть также по объявлению царских указов об «освобождении» и по проведению масштабных ирригационных работ (RLA 2 pp. 164—191). И та, и другая проблема были весьма актуальны для этого периода.

3. Каким образом датировка распространялась по всей стране?

Точного ответа на этот вопрос у нас нет, но вероятно, это был централизованный процесс, который мог занять некоторое время. Писцы, еще не знавшие новой датировки, могли некоторое время датировать документы по названию предыдущего года, т.е. писали «год после года такого-то». Встречаются примеры, когда писцы, не зная, вероятно, официальной датировки или в ее отсутствие, датировали документы по собственному усмотрению, упоминая в датировочной формуле самое важное, по их мнению, событие года. Чаще всего это происходило в случае внезапной смены правителя, примеры см. ниже.

4. Менялось ли название года, если царь внезапно умирал и на престол вступал другой правитель?

Первый год правления нового царя в старовавилонский период обычно назывался стандартной формулой: «год, когда RN стал царем» (*mu RN lugal.e*). В самом Вавилоне первый год правления официально называли так же, но в документах здесь встречается и неофициальная формула, написанная по-аккадски: «год, когда RN в дом своего отца вошел» (*sanat RN ana bit abisu irubu*). Такие датировки известны для первого года правления царей Сабума и Апиль-Сина (RLA 2 р. 176).

Сложнее дело обстояло с датировками последнего года правления, т.е. года, когда правящий царь умирал, и на престол вступал другой правитель. Последний год правления (никто, конечно, чаще всего не предполагал, что он будет последним) носил обычное название по событию предшествующего года, но неофициально мог называться в документах и по-другому. Так, последний год правления царя Ларсы Гунгунума (1932—1904) назывался «год, когда канал Бау-ришат был прокопан», но, поскольку Гунгунум в этот год умер, в документе могли написать и такую датировку: «год, когда Гунгунум умер». Первый год преемника Гунгунума Абисаре (1905—1895) официально назывался «год, когда Абисаре стал царем», но пока писцы не знали точного названия, они писали в документах следующую датировку: «год после года, когда канал Бау-ришат был прокопан» (RLA 2 р. 156).

Э. Бикерман, говоря, правда, о более позднем периоде, отмечал, что в Вавилонии отрезок времени между вступлением нового царя на престол и наступлением Нового года (1 днем месяца нисанума) назывался Началом царствования, а первым годом правления нового царя считался начинавшийся полный календарный год (Бикерман 1975 стр.. 61).

Такая же практика, вероятно, существовала в Южной Месопотамии и в старовавилонский период. Анализ хозяйственных документов показывает, что в некоторых случаях от последнего года правления того или иного царя сохранились тексты, датированные почти всеми месяцами года, в том числе и последним месяцем, а датировки его наследника появляются с первого месяца следующего года. То есть, независимо от того, в каком месяце года умер правящий царь, до конца года сохранялась, вероятно, прежняя датировка, а новая вступала в силу только с начала нового года. К сожалению, примеров такого рода немного. Документы, датированные месяцем нисанумом первого года правления нового царя дошли до нас от Рим-Сина (YOS 8 70), Самсуилуны (YOS 12 3), Аммицадуки (YOS 13 26). От 12-го месяца последнего года правления дошел документ времени Абисаре (Walters 1970 № 17).

Интересные факты, подтверждающие предположение о том, что официально правление нового царя начиналось с первого месяца нового года, содержатся, как нам представляется, в одном документе из Ниппера

времени Хаммурапи, опубликованном Элизабет Стоун в автографии (Stone 1987 № 22). Транслитерация и перевод документа даны нами в конце статьи. Текст является записью судебного спора, которая датирована 15-м днем 7-го месяца (ташритума) 1750-го года.

1750-й год был последним годом правления Хаммурапи, который правил 43 года с 1792 по 1750 г. Есть основания считать, что Хаммурапи умер не позднее 10-го числа 5-го месяца (абума) 1750 г., хотя пока это только гипотеза (Charpen 2004 pp. 243, 333). Вероятно, сразу же после смерти Хаммурапи его сын и наследник Самсулунна написал письмо одному из наместников покойного царя в Южной Месопотамии Этель-пи-Мардуку. Текст этого письма, хотя и несколько поврежденный, сохранился и был опубликован (TCL 17 76). В нем Самсулунна сообщает о том, что в связи с произошедшими событиями, он объявил указ об «освобождении»: «таблицки долгов я разбил ... мишарум я установил по всей стране». Установление «свободы» (мишарума) означало освобождение от кабальных долгов, освобождение проданных в рабство за долги и возвращение проданной недвижимости (Kraus 1958). Далее в письме Самсулунна приказывает, чтобы Этель-пи-Мардук и «старейшины страны» срочно пришли к нему в Вавилон.

В датировочных формулах Самсулунны это событие отражено в датировке 1748 года, второго года его правления: «год, когда по указанию великих богов сво-

боду Шумеру и Аккаду он (т.е. царь) установил». Данная датировка указывает на важнейшее событие предшествующего года, т.е. первого года правления Самсулунны (1749 года).

Документ из Ниппуря, о котором идет речь, подтверждает, что указ царя об «освобождении» был провозглашен сразу же после смерти Хаммурапи, т.е. еще в 1750 году. Уже в середине 7-го месяца 1750 года (через 2 месяца после смерти великого царя?) в суде Ниппуря разбиралось дело, связанное с появлением этого указа. Судя по содержанию текста, участники спора знали не только о смерти Хаммурапи, но и о том, что предпринял его сын и наследник Самсулунна, т.е. об объявлении мишарума. Издание каждого такого указа сопровождалось множеством судебных исков, в ходе которых бывшие владельцы недвижимости, не надеясь, вероятно, несмотря на указ, вернуть проданную недвижимость, все таки, пытались получить какую-то дополнительную компенсацию за нее (Козырева 1988 стр. 72, 137).

Содержание документа: в правление Хаммурапи некий Амурру-шеми купил заброшенный городской участок площадью около 140 м², который располагался между его домом и домом продавца, Ватар-пи-ша. За этот участок Амурру-шеми заплатил 5 сиклей серебра. Как указано в документе, покупатель приобрел этот участок для застройки. К середине 1750-го года, если мы правильно понимаем этот текст, участок по-прежнему оставался заброшенным.

Продавец, узнав (скорее всего, услышав от глашата), о смерти Хаммурапи и намерении Самсуилуны объявить указ об освобождении, в соответствии с которым возможно было (теоретически) вернуть проданную недвижимость, сразу же обратился в суд с требованием компенсации. Одним из аргументов, которые он привел в свою пользу, был, по-видимому, тот факт, что покупатель так и не застроил купленный участок. Судя по содержанию текста, истцу удалось получить компенсацию от ответчика, сколько-то сиклей серебра, точная сумма остается нам неизвестной, поскольку документ поврежден.

И дата написания документа и само его содержание свидетельствуют, что он был составлен после смерти Хаммурапи, однако, в его датировке сохраняется название 43-го года Хаммурапи. Эта же датировочная формула содержится и в целом ряде административных документов из Ларсы, написанных в 6, 8 и 9 месяцах 1750-го года, т.е. уже после смерти Хаммурапи (TCL XI 180, 182; 183; 181).

Это подтверждает предположение о том, что при мирной смене царя на престоле, в целях сохранения порядка в отчетности, датировки официально меняли только с наступлением первого месяца (нисанума) нового года.

5. Что происходило с датировками в случае насильственной смены династии или завоевания страны другим правителем?

Известно, что когда стало распадаться государство 3 династии Ура, именно отказ городов от официальных общегосударственных датировочных формул и установление собственных местных датировок стали показателем самостоятельности и независимости этих городов, прекращения их сотрудничества с центральной властью. Таким образом, введение правителем собственных датировок было показателем его независимости, а принятие датировок другого царя свидетельством подчинения этому царю. Однако на практике этот процесс не всегда был таким прямолинейным, и в частных договорах даже после насильственной смены династии могли какое-то время сохраняться старые датировки.

Интересная ситуация с датировками отразилась в документах из Ларсы, составленных в 1835 г. до н.э., единственном году правления царя Цилли-Аада (Козырева 1988 стр. 146 сл.). Цилли-Аад, вступивший на престол в 1835 г., был, вероятно, внуком царя Нур-Аада и наследовал сыну последнего Син-икишаму (1840-1834). Датировочная формула года вступления его на престол была обычной: «год, когда Цилли-Аад стал царем». Так датированы частно-правовые сделки от 2 и 9 месяца этого года (UET 5 90, YOS 5 117, YOS 14 310). Однако где-то между 9 и 12 месяцами, по-видимо-

му, произошел переворот, и Цилли-Адад был свергнут. Новой официальной датировке, вероятно, не было, и писцы сами внесли некоторые корректизы в датировку последних четырех месяцев года. В одних случаях датировка стала звучать как «Цилли-Адад свергнут с царствования» (UET 5 206, 221, 771; YOS 5 8–11, 54–57), а в других — «Цилли-Адад не стал царем» (СВД 45). Во всяком случае, в течение всего года, независимо от ситуации фактически использовалась одна и та же формула с небольшими, правда, существенными изменениями. Такой же неофициальный характер носила, видимо, и упомянутая в одном старовавилонском документе датировка последнего года правления царя Исины Липит-Иштара (1934–1922), написанная к тому же на аккадском языке: «год, когда Аморей прогнал Липит-Иштара» (RLA 2 р. 148).

Сходная ситуация с датировками возникла в Ларсе в 1763 году в результате завоевания Ларсы войсками вавилонян и свержения царя Ларсы Рим-Сина. Ход этой военной компании Хаммурапи известен достаточно хорошо (Mieroop 1993, Charpen 2004 р. 320 ff.). По сведениям, которые содержатся в текстах из Мари, осада Ларсы началась в конце 1764 года и продолжалась около 6 месяцев (Mieroop 1993 р. 59). Город был, вероятно, захвачен вавилонянами незадолго до 6 месяца 1763 года. Возможно, это произошло до 2 числа 5-го месяца (абума) 1763 года (Charpen 2004 р. 320 п. 1661). Датировка аммурапи следующего 1762-го года, 31-го года его правления,

упоминает события предшествующего года (1763-го), в том числе взятие Ларсы и пленение царя Рим-Сина.

Документов из Ларсы от этого года — 60-го и последнего года правления в Ларсе Рим-Сина — сохранилось очень мало. Самый поздний известный нам частно-правовой документ (наем работника) из Ларсы, датированный 60-м годом правления Рим-Сина, был составлен в конце 5-го месяца 1763 г. (YOS 8 168). Ларса к этому времени была, возможно, уже захвачена войсками Хаммурапи, но использовалась старая датировка, поскольку новых писцы пока не знали, а для участников договора было очень важно правильно зафиксировать время его заключения, чтобы потом не могло возникнуть претензий.

Два самых поздних документа хозяйственной отчетности из Ларсы, упоминающие дату 6-го месяца 60 года РС (1763 г.), были опубликованы А.П. Рифтиным (СВД 121, 122). В одном из них, как считал издатель, упоминается о падении Ларсы. Документы представляют собой отчеты о расходе зерна (СВД 121), сезама и меди (СВД 122). В документе СВД 121 упоминается, если следовать переводу издателя, что часть израсходованного зерна «была взята при падении города», т.е. Ларсы (13—14. *ina lipit ali illiqui*). Это, по мнению А.П. Рифтина, указывало, что «завоевание произошло еще до шестого месяца последнего года Рим-Сина» (СВД стр. 144).

Д. Эдцард согласился с этим переводом (ZZ 1957, pp. 22–23), но М. Мируп и некоторые другие исследо-

ватели сочли перевод ошибочным и дали другое чтение и перевод второму слову этого фрагмента. Они прочли строки 13–14. *ina liwit ali*, т.е. «(зерно) из окрестностей города было взято» (CAD L, p. 193). Однако, в свете новых данных можно, как нам кажется, утверждать, что, скорее всего, был прав именно издатель.

Обычно такого рода отчетные документы составлялись в конце года. Чем была вызвана необходимость в составлении в каком-то отделении дворцового хозяйства отчетов о расходе продуктов и имеющихся остатках в середине хозяйственного года? Если вавилоняне действительно взяли город в начале пятого месяца (месяца абум), то отчеты, скорее всего, подготавливались уже для новой администрации, т.е. администрации Хаммурапи.

Если же город еще не был взят вавилонянами, зачем у осажденных вообще могла возникнуть надобность в составлении отчетов в середине года?

В этом контексте упоминание о «падении города» выглядит вполне логичным и единственным возможным. Перевести эту фразу «из окрестностей города», как предлагают сейчас, нельзя и исходя из самого жанра отчетного документа.

В расходных документах указывались обычно количество израсходованного продукта и расходные статьи, в конце подводился общий итог расходам. В таких документах не было и не должно было быть никаких упоминаний о том, откуда берется расходуемый продукт. Также и в следующем документе СВД 122 (вероятно черновой

или незавершенный отчет того же хозяйства) упоминаются только приход и расход продуктов (зерна, сезама и меди), а также имеющиеся излишки этих продуктов, но не указывается, откуда они взяты.

Смущает дата, упомянутая в обоих документах, 31-й год после того как Исин был взят (60-й год Рим-Сина). Казалось бы, если город завоеван Хаммурапи, а правитель города взят в плен, должна измениться и система датировок: датировочная формула свергнутого царя должна быть заменена датировочной формулой нового. Возможно, именно так произошло в Исине и Ниппуре. В самом начале 1763 г. войска вавилонян захватили эти города, и уже с 4-го месяца этого же года документы здесь стали датировать датировочной формулой 30-го года Хаммурапи (Mieroop 1993 p. 59) вместо датировочной формулы 60-го года Рим-Сина.

Однако Ларса была в это время крупнейшим политическим, хозяйственным и административным центром Южной Месопотамии, и вряд ли смена власти прошла здесь так быстро и безболезненно, как в других городах, захваченных вавилонянами. От первых шести месяцев правления Хаммурапи в Ларсе не сохранилось вообще никаких документов. Только в самом конце 1763 года (28 числа 12-го месяца, аддарума) был записан самый ранний известный нам из Ларсы документ, датированный 30-м годом правления Хаммурапи. К сожалению, издатель привел только краткое описание этого документа, содержащего отчет о расходе зерна за первые

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

Н. В. Козырева К ВОПРОСУ О ДАТИРОВОЧНЫХ ФОРМУЛАХ...

6 месяцев 1763 года (Arnaud 1976, p. 62 n. 92). Можно предположить, что и этот документ, составленный уже при Хаммурапи, был одним из отчетов прежней администрации перед новой.

От следующего, 1762 года, первого полного года правления Хаммурапи в Ларсе, дошло довольно много документов, самый ранний из которых (хозяйственная запись, связанная с поставкой жертвенных овец в храм Шамаша) датирован 10-м числом первого месяца (нисанума) 31 года Хаммурапи (Arnaud 1983 p. 268).

Датировки документов из Ларсы первых лет правления здесь Хаммурапи иногда весьма отличаются от официальных вавилонских датировок. Это могло быть связано как с недостатком информации у писцов, так и с попытками, сознательными или бессознательными, сохранить местную традицию датировок. Некоторые писцы могли не знать официальной датировки и писали на документах стандартную формулу первого года царствования: «Хаммурапи — царь» (Anbar 1978 №3, 9), но даже те, которые знали ее, могли для точности перед вавилонской датировочной формулой написать «Хаммурапи — царь» (Anbar 1978 №6 31 год Хаммурапи, Anbar 1991 №7, 8 34 год Хаммурапи, № 10 40 год Хаммурапи). На одной табличке в датировке написано просто слово «Хаммурапи», но на конверте записана полная дата 32 года Хаммурапи (Anbar 1978 № 17). Иногда, сохраняя местную традицию нумеровать годы, писцы писали в датировке сначала номер года правле-

ния Хаммурапи в Ларсе (ki 4, ki 6), но далее на табличке или только на конверте писали официальную датировку (Anbar 1978 № 5).

Заключение. Возвращаясь к вопросу о реальной практике использования датировочных формул в стававилонский период можно сказать следующее. Собственная датировка была показателем независимости и самостоятельности государства. Название года заранее выбиралось из традиционного набора тем представителями высшей царской администрации и утверждалось самим царем. В случае смерти царя, введенная в начале года датировка сохранялась до конца года, в случае насильственной смены династии, датировки меняли, не дожидаясь конца года.

Даже беглый взгляд на списки датировочных формул периода Ур 3 и стававилонского периода показывает существенные отличия между ними. Расширяется тематика надписей: в стававилонский период появляется тема «справедливого царя» (проповедование царских указов об «освобождении») и царя «устройителя сельскохозяйственных земель» (работы по проведению каналов). Изменяется и размер надписи. Из очень краткой (чаще всего от 2 до 4 слов), содержащей только информацию о событии без каких-либо комментариев или оценок, она превращается в длинное, иногда, сложносочиненное предложение.

Если в правление Шульги датировка могла звучать так: «Симурум побежден», «жрец-эн в Эриду назна-

чен» (RLA 2 p.137), то при Рим-Сине такие же по содержанию датировки звучат совсем по-другому (RLA 2 p. 150 ff.): «год, когда возвышенным оружием Ану, Энлиля и Энки Исин, город царский, и все его население, сколько его было, истинный царь Рим-Син завоевал, многочисленному его населению жизнь подарил, и имя царствования своего навеки заставил сиять». Иногда в названии года стали упоминать сразу несколько событий: «год, когда храм Адада в Ларсе и храм Бар-уль-эгара в Зарбильуме он (Рим-Син) построил, а также медную статую Варад-Сина в храм Эгальбара он ввел». Из сугубо утилитарной функциональной формулы, удобной для записи в хозяйственных документах, датировка постепенно превращается в своеобразную краткую царскую надпись, прославляющую царя и его деяния.

Система датировок, существовавшая в Южной Месопотамии с середины 3 по середину 2 тыс. до н.э., была тесно связана с институтом царской власти и менялась по мере изменения идеологии этой власти. Недаром первые следы существования такой системы мы находим в аккадский период, когда в Месопотамии впервые возникло единое централизованное государство под властью аккадского царя, а самые ранние известные нам датировки такого рода написаны на аккадском языке (RLA 2 p.153).

Большое значение, как представляется, имело бы изучение датировочных формул как одного из видов

официальных надписей. Этот вопрос заслуживает, конечно, отдельного исследования.

Приложение

Stone 1987 № 22

1. a[s-s]um 4 sar e2 ki.sub.ba
2. sa da e2 e2-a-na-sir
3. u3 da e2.sila sa d.EN.ZU-ga-mil
4. sag.bi e2 d.mar.tu-se-mi
5. [egir.b]i e2 wa-tar-pi-sa
6. sa d.mar.tu-se-mi
7. ki wa-tar-pi-sa
8. i-na d.ha-am-mu-ra-bi lugal
9. a-na 5 gin2 ku3.babbar
10. i-sa-mu-u2-ma i-pu2-su (?)
11. i-tu-ur-ma [wa-tar]-pi-sa
12. i-na d.sa-am-su-i-[lu-na] lugal
13. ki-ma si-im-da-at lugal
14. e2 ip-sa-am ib-ku-ur2-ma
15. um-[ma] su-u2-ma
16. e2 [ki.]sub.ba a-di-ma ki.sub.ba.e
17. [... n]i-id-di-nu-sum(?) qu2-ub-**bu-su**
18. k[i]-ma si-im-da-at sar-ri
19. [.]-x na nam
20. [e2 ki.sub.ba a]-di-ma ki.sub.ba.e
21. [.....]-ma-nim
22. [i-na mi]-it-gur-ti-su
23. [...] ku3.babbar

1. [a-na na-d]i-na-nu-um is?-qu2?-[-lu]
2. [.....]-a-ma
3. i-tu-ur-ma d.mar.tu-se-mi
4. a-na wa-tar-pi-sa is-qu2-ul
5. u4.kur.se3 wa-tar-pi-sa
6. u3 ibila.ni a-na me.a.bi
7. inim nu ga2.ga2.a
8. mu lugal.bi in.pad3.mes
9. igi a-hu-um ra-bi-a-nu
10. igi sa-na-nu-um
11. igi i3-li2-i-ma dumu 30-gal?.zu?
12. igi a-pil-d.utu dumu nu-ur2-d.utu
13. igi d.EN.ZU-sar-ma-tim nimgir
14. igi a-hu-wa-qar dumu SU.BA.AN-ili
15. igi be-la-nu-um dumu a-pil2-sa
16. igi ip-qu2-d.nin.subur sabra(?)
17. igi [...] x-x dub.sar
18. iti dul2.ku3 u4 15 kam
19. mu ud.kib.nun.ki irtu.ki ul
20. [d.ut]ju.ke3
21. [bad.bi] sahar.gal.ta
22. [...] -ma mu.un.ga2.ar.ra.as

Перевод

1) Относительно (участка в) 140 кв. м (занятого) разрушенным строением, 2) что возле дома Эа-нацира 3) и возле дома (на) улице, принадлежащего Син-гамилю, 4) передняя сторона его — дом Амурру-шеми, 5) за-

дняя сторона его — дом Ватар-пишу, 6) который Амурру-шеми 7) у Ватар-пишу 8) при Хаммурапи, царе, 9) за 5 сиклей серебра 10) купил и застроил, 11) он (продавец, к делу о доме) вернулся.

Ватар-пишу 12) при Самсуилуне, царе, 13) в соответствии с указом царя 14) дом построенный оспорил и 15) на суде) сказал так: 16) «Разрушенные строения так и остаются (букв. до сих пор являются) разрушенными, 17) [...] продали ему (?).» Жалоба его 18) в соответствии с царским указом 19) [...] 20) (и поскольку) [разрушенный участок до сих] пор остается разрушенным, 21) [...] ? 22) [... в сог]ласии с ним 23) [х сиклей] серебра, R. 1) [которые про]давцу он отвесил (?), 2) [...] и 3) (к делу о доме) вернулся. Амурру-шеми 4) Ватар-пишу (серебро доплаты?) отвесил.

5) В (том, что в) будущем (ни) Ватар-пишу, 6) (ни) его наследники, кто бы то ни было, 7) судебное дело (относительно участка) не будут возбуждать, 8) именем царя своего они поклялись. 9) Перед Ахумом, старостой, 10) перед Шананумом, 11) перед Илима, сыном Син-..., 12) перед Апиль-Шамашем, сыном Нур-Шамаша, 13) перед Син-шар-матим, глашатаем, 14) перед Аху-вакаром, сыном Шубан-или, 15) перед Беланумом, сыном Апильша, 16) перед Ипку-Ниншубур, глашатаем (?), 17) [перед ...) писцом.

18–22) Месяц ташриту, день 15-ый. Год «В Сиппаре, городе священном [бога Шам]аша, у стен его великую земляную насыпь [...] и соорудил».

Список литературы

- Бикерман 1975 — Э. Бикерман, Хронология древнего мира.
М.
- Козырева 1988 — Н. В. Козырева. Древняя Ларса. М.
- Anbar 1975 — M. Anbar, Textes de l'époque babylonienne ancienne. RA 69, pp. 109—136
- Anbar 1978 — M. Anbar, Textes de l'époque babylonienne ancienne II: les archives de Sep-Sin. RA 72, pp. 113—138
- Anbar 1991 — M. Anbar et M. Stol, Textes de l'époque babylonienne ancienne III. RA 85, pp. 13—36
- Arnaud 1976 — D. Arnaud, Catalogue des texts et des objets inscrits trouvés au cours de la sixième campagne. Syria 53, pp. 47—81
- Arnaud 1983 — D. Arnaud, Catalogue des documents inscrits trouvés de la huitième campagne (1978), avec une annexe de texts divers concernant le royaume de Larsa/ in: Larsa et Quelli, travaux de 1978—1981. Paris pp. 229—290
- Charpen 2004 — D. Charpen, Histoire Politique du Proche-Orient Amorrite (2002—1595). In: Mesopotamien. Die altbabylonische Zeit. Pp. 25—403. Freiburg Schweiz
- Kraus 1958 — F.R. Kraus, Ein Edict des Königs Ammi-saduqa von Babylon. Leiden
- Mieroop 1993 — Marc Van De Mieroop, The Reign of Rim-Sin. RA 87, pp. 47—69
- Oppenheim 1970 — L. Oppenheim, Letters from Mesopotamia. Chicago
- Stone 1987 — E. Stone, Nippur Neighborhoods. Chicago
- Walters 1970 — S. D. Walters, Water for Larsa. An Old Babylonian Archive Dealing with Irrigation. New Haven and London

Список сокращений

- СВД А.П. Рифтин, Старо-вавилонские документы в собраниях СССР.
- CAD The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago
- RA Revue d'Assyriologie et d'Archéologie Orientale. Paris
- RLA Reallexicon der Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie. Berlin, Leipzig
- RN royal name
- TCL Textes cunéiformes. Musée du Louvre. Paris
- UET Ur Excavations. Texts. London
- YOS Yale Oriental Series, Babylonian Texts. New Haven
- ZZ D. O. Edzard, Die «zweite Zwischenzeit» Babyloniens. Wiesbaden 1957

М. М. Юнусов

ФИЛОН БИБЛСКИЙ об одном аграрном культе в Финикии

ВАЖНЕЙШИМ и по своему систематизированным античным источником по мифологии Финикии является произведение Филона Библского, жившего на рубеже I и II вв. н. э., «Финикийская история», отрывки из которой сохранились в «Приготовлении к Евангелию» Евсевия Кесарийского (около 260—340 гг. н. э.).

Согласно Евсевию основой сочинения Филона было произведение Санхунайатона из Берита, жившего, как он пишет, еще до Троянской войны. Полагают, что Филон не только перевел труд беритянина, реальность существования которого в настоящее время признается многими исследователями¹, но и значительно переработал его сведения, исходя из собственных философских представлений. Значительное влияние эллинистических представлений сочетается в изложении Филона с напластованием религиозно-исторических традиций финикийских городов: Библа, Тира и Берита.

30

Помимо описания происхождения и деяний богов и культурных героев Филон приводит некоторые данные, которые отражают один реально существовавший обряд, связанный с общефиникийским аграрным божеством, особо почитавшимся в Библе. Точнее речь идет о двух персонажах под именами Агр (Ἀγρός — поле) и Агруэр (Ἀγροῦ Ἕρως — букв. герой поля), или иначе Агрот (Ἀγρότης — крестьянин)². Согласно Евсевию/Филону³, в Финикии существовала древняя деревянная статуя Агруэра/Агрота, особенно почитавшаяся библиями с эпитетом Бог Величайший (θεός μέγιστος), а также его святилище, которое перевозилось на повозке, запряженной парой быков. Агр и Агруэр/Агрот, как пишет Филон, придумали строить при домах дворы, заборы и сооружать гроты (σπήλαια). От них произошли земледельцы и охотники, названные Алетами (Ἀλῆται — скитальцами) и Титанами.

Имена Агр и Агруэр/Агрот являются очевидными переводными с финикийского языка на греческий словами, интерпретация которых, однако, вызывает трудности, т.к. не поддается надежному отожествлению с известными божествами⁴.

На основе анализа этих имен, а также общего историко-мифологического контекста сочинения, исследователи предлагают разные варианты их толкования:

Еще Э. Ренан, вслед за И.К. Орелли, автором первого отдельного издания текста 1826 г., полагал, что имя Ἀγρός появилось в греческом переводе в результате дво-

31

якого значения в оригинальном тексте известного из Библии эпитета šadday⁵.

Подтверждение данной точки зрения Э. Ренан видел в многочисленных греческих надписях начала I в. н.э. из окрестностей Библа, храма в Амрите, севернее Библа, и на среднем Ливане, в Сахуне, посвященных Всемогущему Зевсу ($\Delta\mu\mu\gamma\sigma\tau\omega$) и Всеышнему Богу ($\Theta\omega\ \bar{\psi}\iota\sigma\tau\omega$) (Rénan 1864, 103, 224, 233—234.)

Р. дю Мениль дю Бюиссон, привлекая пальмирский эпиграфический материал⁶, приходит в итоге к несколько иному выводу, согласно которому Филон воспользовался текстами эллинистической или даже римской эпохи, написанными на арамейском языке, где речь шла о Дагоне и Хададе. При этом, по его мнению, если Агр — это Дагон, то Агруэр — это Баал Эльун, он же — Хаддад, т.е. Юпитер Гелиопольский, который долго сохранял свою функцию покровителя зерна — бога растительности, сын зерна — $b\eta\ dgn$ (не сын Дагона, как считают большинство авторов), известный своими изображениями в Баальбеке на быках и с пшеничным колосом в руках. Более того, исследователь полагает, что Филон включал в состав Финикии территорию Баальбека, и что именно в баальбекском храме (sic!) хранился древний идол Хадду/Агруэра (du Mesnil 1970, 48—52).

Относительно языка оригинала «Истории», с которого Филон переводил текст Санхунайатона, можно заметить, что, несмотря на наличие в повествовании нескольких имен собственных в арамеизированной

форме⁷, большинство других имен все же достаточно верно передают финикийские имена средствами греческой орфографии.

И. Ш. Шифман, отмечая, что невозможно надежно отожествить эти божества с известными местными божествами переднеазиатского Средиземноморья, полагал, что в действительности могло иметь место «расщепление образа» некоего прежде единого «сельскохозяйственного» божества с именем по типу — Владыка/Покровитель поля — $b^l\ sdn$ ⁸. Этим образом стало, как полагает автор, первоначально хурритское, а затем ханаанейско-арамейское божество Гилель (ФМ 231—232).

С. Рибикини, в свою очередь, считает возможным идентифицировать Агруэра с Баал Аддиром⁹ (Всемогущим Баалом) и Плутоном африканским, сравнивая образ Алетов (скитальцев), потомков этого героя Филона, с Рапантами, известными из угаритской мифологии (Ribichini 1986, 136—137).

По мнению Э. Липинского под именем Агрота может скрываться Баал Библа или Адонис, а его второе имя Агруэр подобно угаритскому эпитету Баала: « $zbl\ b^l\ 'ar\mathfrak{sh}$ » — правитель, владыка земли (Lipinski 1995, 101—104)¹⁰.

Как было отмечено выше, основная проблема в интерпретации данного отрывка из «Финикийской истории» заключается в идентификации Агруэра с известными нам божествами семитского пантеона и очевид-

но, что при отсутствии дополнительных данных, этот вопрос еще долго будет оставаться предметом споров исследователей.

Дошедшие до нас части «Финикийской истории» представляют собой лишь малую часть объемного труда, однако эти фрагменты мифологического содержания, изъятые из своего первоначального контекста, но рассматриваемые раздельно, тем не менее выглядят заключенными и относительно последовательными в изложении событий.

Как отмечали еще Г. Эвальд, Б. А. Тураев и другие (ФМ 66), «Финикийскую историю» в изложении Евсевия можно тематически разделить, не считая предисловия, на три части, каждая из которых достаточно условно соединена с другими: космогонию, созданную не без влияния античных мифов о творении¹¹ (Euseb., Praer. Evang., 1, 10, 1–8); теогонию тирского происхождения, подвергшуюся значительной обработке в традициях евгемеризма (1, 10, 9–14); теогонию и теомахию библского происхождения (1, 10, 15–39).

Сравнивая две последние части, можно заметить их существенное отличие по объему, количеству персонажей и по насыщенности событиями в изложении. Если тирская теогония, за исключением рассказа о Гипсурании и его брате Усое, представляет собой сухое изложение фактов о происхождении и действиях культурных героев, их изобретениях в разных областях человеческой деятельности, то библская дает развернутый и

сравнительно подробный рассказ о большом количестве богов, с хорошо узнаваемыми именами, их нравах и деяниях.

Тирская теогония начинается с рассказа о первых обитателях Тира, позднее обожествленных братьев Гипсурания и Усоя, отражающего мифологическую традицию этого города. От них произошли герои с достаточно условными именами: Агрей-охотник, Галией-рыболов, Хрисор¹² и его безымянные братья, Технит-ремесленник и Автохтон — исконный житель земли, каждому из которых приписывается изобретение какого-либо новшества в жизни людей. Столь же условны имена и других культурных героев: Агр — поле, Агруэр — герой поля/Агрот — крестьянин, Амин, Mag, представляющие собой искусственные построения для объяснения поступательного культурного развития человечества благодаря деятельности этих мифических первооткрывателей. Однако в случае с «полевыми» героями автор как бы отступает от формальной схемы изложения: происхождение героев, их имена и чему они научили людей, и дополняет рассказ деталями, которые кажутся лишними в данном контексте — о статуе ($\zeta\alpha\alpha\nu\omega\nu$), святилище ($\nu\alpha\omega\zeta$) и особом почитании Агруэра в Библи (Θεός Μέγιστος), что явно указывает на логическую неуместность этого дополнения в данном месте текста. Кроме того, об этом рассказывается в настоящем времени, как о современном автору факте, хотя все предыдущее и последующее повествование относится ис-

ключительно к прошедшему времени. Если допустить, что это позднейшая вставка в оригиналную версию, то возникают вопросы: почему в списке тирских героев-богов выделен именно Агруэр в качестве библского верховного божества, чем его изобретения более значимы, чем его предшественников и какое отношение его новшества, по сути рядового, «коммунального» характера (устройство дворов, строительство заборов и гротов) имеют к сельскому хозяйству? Кроме того, неясно, почему указывается не имя этого божества, а только самый общий эпитет?¹³

Отчасти это обстоятельство может быть объяснено тем, что две версии, тирская и библская, длительное время существовали вместе и в них фигурировали, в разных составах, с измененными именами и функциональными обязанностями, божества из общего для всей ханаанейско-аморейской культурной общности «репертуара богов» (ср. Циркин 2002, 131). Конечно, тирская теогония больше напоминает отчет о технических достижениях отцов-основателей города, да и сами тирияне не могли бы похвастаться большей древностью своего города и соответственно мифологической традиции, чем например библиты или сидоняне. Вместе с тем, божества Тира никогда не воспринимались другими финикийцами как иноземные или чужеродные. В обоих случаях верховные финикийские божества, тирский Шамерум и библский Элиун, дают начало божественным династиям, их по-

томки основывают реальные города и изобретают конкретные вещи, за что, собственно, их и почитают люди.

Возвращаясь к прообразу Агруэра можно заметить, что в оригинальном финикийском тексте этот культурный герой, вероятно, имел к земледелию лишь косвенное отношение как первый поселенец¹⁴. Не случайно его заслугой является лишь устройство первых дворов при жилищах, заборов и гротов¹⁵. Под последними, вероятно, имелись ввиду ямы или погреба для хранения зерна и продуктов охоты, тем более, что на месте раскопок Библа и других ближайших городов обнаружено огромное количество объемных глиняных сосудов с остатками зерн пшеницы, вики, олив, ракушек улиток, костей животных и птиц¹⁶. Не исключено, что происхождение от Агруэра земледельцев подсказало переводчику-интерпретатору (Филону?), что имя этого героя как-то связано с земледелием. Во всяком случае в греческом переводе «Финикийской истории» под именем Агруэр имелся ввиду уже не поселенец, а просто крестьянин, на что указывает и второе его имя-синоним Агрот. И только после этого переводчиком или одним из последующих переписчиков греческого текста «Истории», могла быть сделана приписка о статуе и святилище Крестьянина, т.е. идентификация этого культурного героя тирской теогонии с почитаемым во всей Финикии и особенно Библе Всевышним Богом.

Что касается земледелия в библской традиции, то создателем серпа из железа является Крон/Эль (Euseb.,

Praep. Evang., 1,10,18). Заслуга изобретения хлеба и плюга принадлежит Дагону, названному Аротрием (*ἀροτῆρ*), брату Крона (1,10,25). В другом месте, в качестве прозвища Дагон назван Ситоном, т.е. хлебным зерном (*Σίτον* — 1,10,16). Таким образом эта пара из библского пантеона сближается с тирскими культурными героями греческого перевода «Истории». Место Агруэра/Крестьянина занимает Крон как безусловный лидер в библском пантеоне, так и общепризнанный покровитель плодородия. Ему посвящаются статуя, святилище и обряды. Дагон-зерно становится скромным Полем¹⁷.

Другим косвенным указанием на идентичность Агруэра и Крона является их происхождение. Последний является главным персонажем библской теогонии, он же Эль, прямой потомок Эпигея/Автохтона/Урана ('Επίγειος/Αὐτόχθων: 1,10,15), рожденного Вышним-Элиуном ('Ελιοῦν)¹⁸. Агруэр также рожден земнымАвтохтоном (Γήϊνον/Αὐτόχθονα: 1,10,12) и является потомком верховного божества тирского пантеона Шамемрума/Гипсурания.

В библской части «Истории» мы читаем далее, что Крон, кстати, рожденный в районе будущего Библа, окружает свое жилище стеной и основывает этот первый (!) город в Финикии. Из тирской версии известно, что Агр и Агруэр также придумали устраивать при жилищах дворы и окружать их заборами¹⁹, т. е. положили начало основанию поселков (городов?)²⁰. Это совпадение также не могло быть не замеченным внимательным

читателем эпохи эллинизма, и вполне могло укрепить его в уверенности, что в обоих случаях речь идет об одной божественной паре.

Сведения о статуе божества, передвижном святилище и религиозной церемонии, с использованием идола, не являются достоянием исключительно финикийцев. Сохранилось достаточно свидетельств о подобной практике на всей территории Восточного Средиземноморья. Однако представляется, что автор приписки к греческому переводу «Истории» и последователи общефиникийского культа, особенно библиты, под этим божеством имели ввиду разных богов.

Для античного интеллектуала, знакомого с библской теогонией, под Величайшим богом имелся ввиду без сомнений Крон/Эль, бог-основатель Библа, передавший город под покровительство своей сестры Ваалтиды. С одной стороны удивительно, что даже в период античности хранились воспоминания о том, что эта богиня, известная как Баалат Губль, гораздо старше и значимее для Библа, чем аморейский Хадду, пришедший в страну вместе с приникновением степняков еще в конце III тыс. до н.э. С другой стороны, история Эля и Баалат Губль могла сохранится благодаря хранителям священной традиции, которые тщательно берегли от непосвященных «истинные» сакральные знания, записанные условными письменами, в тайниках храмов (Euseb., Praep. Evang., 1, 9, 26). И если Санхунайатону действительно удалось познакомиться с этими письме-

нами аммунеев²¹, то в них он и мог почерпнуть сведения, составившими основу его библской теогонии.

Во всяком случае в тексте Санхунайатона Адод/Хадду ничем себя не проявляет, хотя и наделяется властью над богами и всей землей решением самого Крона/Эля (1, 10, 31). Этот факт, означающий переход первенства от отца к сыну, нашел отражение в угаритской литературе, финикийских надписях, ономастике и т.п. Чуть позднее, со второй половины II тыс. до н.э., имя Хадду постепенно заменяется почти повсеместно эпитетом Баал и этот эпитет становится практически именем собственным западно-семитского бога-громовержца, подателя дождя и урожая (Lipinski 1995, 79–80, 169). И вероятно, именно этого бога библиты, далекие от тщательно скрывающей от них священной мудрости посвященных, считали Величайшим, в греческой передаче Зевсом, устраивая дважды в год в его честь пышные церемонии.

Литература

- Винников 1952 — Винников И.Н. Эпитафия Ахирама Библского в новом освещении // ВДИ, 1952. №4, стр. 141–152.
- ФМ — Тураев Б. А. Финикийская мифология; Шифман И. Ш. Финикийская мифология и античная традиция // Финикийская мифология. Под редакцией Ю. С. Довженко. Санкт-Петербург, 1999.

- Циркин 2002 — Циркин Ю. Б. «Финикийская история» Санхунайатона // Вестник древней истории. М., 2001, № 2.
- Шифман 1987 — Шифман И. Ш. Культура древнего Угарита (XIV–XIII вв. до н. э.). М., 1987.
- Cantineau 1931 — Cantineau J. Textes palmyréniens provenant de la fouille du Temple de Bêl // Syria, Paris, 1931. Vol. XII.
- Cantineau 1933 — Cantineau J. Tadmora // Syria, Paris, 1933. Vol. XIV.
- Cors i Meya 1999–2000 — Cors i Meya J. Traces of the Ancient Origin of some Mythic Components in Philo of Byblos' Phoenician history // Aula Orientalis. Barcelona, 1999–2000, vol. XVII–XVIII, pp. 341–348.
- Du Mesnil 1970 — du Mesnil du Buisson R.. Etudes sur les dieux phéniciens hérités par l'empire romain. Leiden, 1970.
- FHG — Müller C. Fragmenta Historicorum Graecorum. Parisiis, 1849, volumen III.
- Hvidberg-Hansen 1973 — Hvidberg-Hansen O. Baal-Malagê dans le traité entre Asarhaddon et le roi de Tyr // Acta Orientalia, 1973, № 35, pp. 69–73.
- KAI — Donner H., Röllig W.(eds.) Kanaanäische und aramäische inschriften. Banden I–III. Wiesbaden, 1962–1964.
- Lagrange 1903 — Lagrange M.-J. Etudes sur les religions sémitiques. Paris, 1903.
- Lipinski 1995 — Lipinski E. Dieux et déesses de l'Univers phénicien et punique. Leuven, 1995.
- Lipinski 2000 — Lipinski E. The Arameans: Their Ancient History, Culture, Religion. Leuven, 2000.

Mras 1954 — Mras K.(ed.) *Die Praeparatio Evangelica // Eusebius Werke*. Berlin, 1954, Band 8.

Rénan 1864 — Rénan E. *Mission de Phénicie*. Paris, 1864.

Ribichini 1986 — Ribichini S. *Agrouheros, Baal Addir et Pluton Africain // Histoire et Archéologie de l'Afrique du Nord*. Paris, 1986, pp. 133—140.

Tomback 1974 — Tomback R.S. *A Comparative Semitic Lexicon of the Phoenician and Punuc*.

(Footnotes)

¹ О Санхунайатоне и композиции первоначального текста «Истории»: (Циркин 2002, 121—133).

² В дошедших до нас рукописях «Истории» имя Аргуэроса (в 4 случаях) пишется с маленькой буквы как нарицательное, а имя Агрота один раз, но в старейшем парижском списке 914 г. н. э., встречается написанным с маленькой буквы как ἄργρότης (Mras, 1954, LIX, 46).

^{3, 4} «ἀπὸ τούτων ἐγένοντο ἔτεροι, δύν ό μὲν Ἀγρός ἐκαλεῖτο, δὲ Ἀγροῦ Ἡρως ἢ Ἅγρότης, οὗ καὶ ξόανον εἶναι μάλα σεβάσμιον καὶ ναὸν ζυγοφορούμενον ἐν Φοινίκῃ παρὰ δὲ Βυθλίοις ἔξαιρέτως θεῶν διέγιστος ὀνομάζεται. ἐπενόησαν δὲ οὗτοι αὐλάς προστιθέναι τοῖς οἴκοις καὶ περιβόλους καὶ σπήλαια. ἐκ τούτων ἀγρόται καὶ κυνηγοί. οὗτοι δὲ καὶ Ἀλῆται καὶ Τιτᾶνες καλοῦνται» (Euseb., Praep. Evang., 1, 10, 12—13).

⁵ И. Ш. Шифман переводит имена этой пары как Поле и Полевик (Шифман 1987, 162).

⁶ В Библии šadday (שַׁדָּי) означает в большинстве случаев эпитет «Всемогущий/Шаддай» (Vulgata — omnipotens; Sept: παντοκράτορ, но Ez.10, 5 — Σαδδαῖ), а sâday (שְׁדָי — Je 4, 17; Но 10, 4) — «поле», редкая поэтическая форма от šâde (שְׁדֵה). Имя Ἀγροῦ Ἡρως, согласно Ренану, в тексте Санхунайатона могло быть записано как šadday gibbor — Шаддай Всемогущий. Ренан вообще исходил из того, что евреи и библиты гораздо ближе друг другу, чем последние к ханаанеям (т. е. финикийцам) Тира и Сидона. Похожей точки зрения придерживался и Ф.Моверс. По Ренану, библиты называли своего бога Эль, Адонай и, возможно, Шаддай, а сам Библ был своего рода Иерусалимом Ливана, местом паломничества, где находился передвижной храм и где правили старейшины — זקן־גָּבֵל (Ez., 27, 9; Sept: φρεδβύτεροι Βιβλιών) (Rénan 1864, 215). Тем не менее, финикийский язык библитов XI—Х вв. до н.э., как показал И.Н. Винников, был гораздо ближе не к древнееврейскому языку, а к угаритскому (Винников 1952, 148).

⁷ Известны надписи в храме Бола с посвящениями Šdy' (Cantineau 1931, 131—132; он же 1933, 194):

5) I Bôl[!] 'Štr [w Šdy'] — для Bôl[!] 'Štar [и Šdy']

6) 'lhym tby' 'I hyhun — добрым/благим богам за их спасение

9) Bôl 'Štr w Šdy'... — Bôl[!] 'Štar [и Šdy'] ...

10) ... I bnyn' dy 'lh — ... для храма богов

Ссылаясь на эти надписи, а также эпитет языческих богов-демонов в Библии šêdîm (Deut: 32:17; Sept: δαιμόνιον), дю Мениль делает вывод, что Филон встретил в арамейском

ком тексте слово šēd и перевел его как с финикийского — «поле», а второе слово šēdaîa' как «относящийся к полю, Полевик». Так получились божества Agr и Агуэр. А между тем эти имена следовало бы переводить, по его мнению, первое как «Господин» и второе как «Всемогущий» в соответствии с этой пальмирской надписью, где слово šdî' относится к Болу. А что касается библейского эпитета šadday, то он больше всего соответствует Jupiter Optimus Maximus именно из баальбекского храма. В любом случае, по мысли дю Меснила, эти имена не имеют никакого отношения к полям (du Mesnil 1970, 52).

⁸ В первой книги «Финикийской истории» (Euseb., Praep. Evang., 1, 10, 7) упоминается Beel Samen (Βεελσάμην) — это арамейская форма, финикийская была бы Baal или Bal Samem. Кроме того, Beel Samen представлен как бог солнца и отождествляется с Зевсом, что было достаточно распространено на переднеазиатском берегу Средиземноморья, особенно в арамейской Пальмире (ФМ 89, 220). Е.Липински полагает, что это единственное имя этого божества, которое знал Филон (Lipinski 1995, 86). Также в слове Zophasemin (Ζοφαστημίν) — «стражи неба/наблюдающие за небом», окончание «-in» арамейское (Euseb., Praep. Evang., 1, 10, 2). Корень šp' встречается в арамейском языке со значением «ждать, высматривать, сторож» (Tomback, 1978, 279), а в неопуническом, как определение при имени собственном, означает: «прорицатель, ясновидец» (KAI № 159). С другой стороны, М. Лаграндж объясняет эти арамеизмы тем, что грекам, ввиду особен-

ностей фонетики их языка, просто было трудно произносить семитские слова, оканчивающиеся на «-т» и они заменяли это окончание, как в речи, так и на письме, на «-н» (Lagrange 1903, 366).

- ⁹ Опечатка в издании 1999 г. Правильно b'l šdh и b'l šdy.
- ¹⁰ Упоминание о Баал Аддире в Финикии встречается в надписи на саркофаге сына Шипитба'ала V в. до н.э. и около 20 раз в пунических и неопунических надписях на севере Африки, особенно в Константине эпохи нумидийских царей II в. до н. э., где, возможно, он мог относиться и к Баал Хаммону, культ которого носил аграрный характер. Латинские эпитеты Баал Аддира: deo patrio Baliddiri augusto, Baldiri Augusto, deus sanctus.
- ¹¹ О других мнениях по этой проблеме см. Hvidberg-Hansen 1973, 69—73.
- ¹² О спорном влиянии «Теогонии» Гесиода на космогонические мифы Филона Библского см. (Cors 1999—2000, 341—348).
- ¹³ О этом герое и его вавилонских и угаритских корнях см. подробнее (ФМ 227—230; Lipinski 1995, 108—112). Отметим к слову, что по сведениям Псевдо-Мелитона Хрисора, отец Таммуза, являлся царем финикийцев и жил в Библе.
- ¹⁴ Объяснение дю Мениля, что Филон здесь сознательно не упоминает имен живших и затем умерших в эти доисторические времена Дагона и Хаддада (Поле и Крестьянина), т. к. он не смог бы их представить вновь живыми уже в

эпоху Эля/Крона, кажется не совсем понятным и убедительным (du Mesnil 1970, 51).

¹⁵ Второе значение греческого слова *αὐρος* — деревня, поселение.

¹⁶ В качестве гипотезы можно осторожно высказать предположение, что на греческий язык как Агр было переведено слово, производное от корня 'gr, несохранившееся в дошедших до нас финикийских надписях, но достаточно хорошо представленное в других семитских языках со значением «наемный рабочий, работник». А, соответственно, Агруэр — «хозяин, господин» (ср. например: угар. 'grt — «хозяйка»; пальм. 'gōg — «откупщик»; араб. 'āgīr — «наниматель, хозяин»).

¹⁷ Большинство этих остатков в сосудах конечно найдены в погребениях более раннего периода. Однако подобные сосуды изготавливались для каждодневного использования в быту на всем протяжении истории города и лишь небольшая часть их требовалась для ритуальных целей.

¹⁸ Интересно, что античные историки нередко путали Крона с Дагоном, Баал Хаммоном, Зевсом-Баалем и т. п.

¹⁹ Слово 'Елюӯн, которое наиболее точно отображает финикийское произношение эпитета «Вышний» — 'Eliyūn, встречается только один раз в уже упомянутом парижском списке 914 г. н. э. В поздних списках встречаются неточные написания 'Елюӯм и 'Еньюӯм.

²⁰ В данном случае речь идет именно о заборах, а не об одежде, как полагал И.Ш.Шифман (см. ФМ 230 и прим. 4 переводчика). Причина неточности заключается в том, что

в одном из списков Евсевия (Codex Paris 465, XIII в. н. э.), а также в сборнике К. Мюллера (FHG III, 567), которым пользовался и Б. А. Тураев, данное слово записано как περιβόλαια (вин. п., мн. ч. от περιβόλαιον — одежда), в то время как в четырех других списках это περιβόλους (от περίβολος — забор, ограда). (Все сохранившиеся варианты написания: см. Mras 1954, 46.)

²¹ Важно заметить, что дети или внуки Агруэра Амин и Маг не являются авторами идеи поселков-деревень, а только научили людей жить в них (κατέδειξαν κώμας — 1,10,13).

²² Никаких других сведений об аммунаях не сохранилось. И. Ш. Шифман предполагал, что эти хранители храмовой традиции могли использовать т. наз. библское псевдоиероглифическое письмо (ФМ 204).

И. В. Богданов

Староегипетское личное имя *Kz-s(w)-nb.f^l*

В СТАРОЕГИПЕТСКОЙ ономастике группа имен с элементом *k3* — одна из самых многочисленных. Она подразделяется на ряд моделей, и во всех случаях под *k3* подразумевается ребенок или его Ка¹:

I. Имена с элементом *k3(j)*, где адресат — это ребенок, а имя дает его отец (или мать). Ребенок ассоциируется с Ка отца и его созидающей силой, что, впрочем, и так включено в понятие Ка (образ — создание образа — созидающий образ и т.п.).

1. Псевдопричастное предложение *K3(j)-‘pr* «мой Ка состоятелен», *N(j)-k3(j)-‘nḥ* «мой Ка (букв. «мой Двойниковый») зажил», *K3(j)-jj.w* «мой Ка явился», *K3(j)-wđ-‘nḥ* «мой Ка изволил жить».

- 2. Псевдоглагольная конструкция *K3(j)-m-hzt(j)* «мой Ка меня почитает», *K3(j)-m-‘nḥ* «мой Ка жив».
- 3. Имперфектная относительная форма *K3(j)-jrr(w.j)* «мой Ка — мое создание».
- 4. Перфектная относительная форма, где *k3(j)* — логический предикат *K3(j)-dbḥ.n(j)* «то, что я снискал — мой Ка», *K3(j)-gm(jw).n(j)* «то, что я нашел — мой Ка».
- 5. Именное предложение, где субъект — имя, нисба или субстантивированное прилагательное, а *k3(j)* — прямое дополнение *Jst-k3(j)* «место моего Ка», *Hnjt-k3(j)/ Hnt(j)t-k3(j)* «обладатель(ница) моего Ка», сп. *Hnji-k3w.s* «хозяйка своих Kay», *‘nht-k3(j)* «живая моего Ка» (fem.), *Špss-k3(j)* «богатый моего Ка», *Nfr-k3(j)/ Nfrt-k3(j)* «совершенство моего Ка», сп. *Nfrt-njswt* «благость царя» (masc.), *Nfrt-k3w* «совершенство Kay» (fem.), иначе: *Nfr-m³t* «совершенство правды»².
- 6. Именное предложение, где part. imperf. activi является грамматическим предикатом, а *k3(j)* — субъектом *Mrr-w(j)-k3(j)* «мой Ка, тот, кто меня любит», *Sšm-w(j)-k3(j)* «мой Ка, ведущий меня», *K3(j)-ddd(j)* «мой Ка, пребывающий вечно».

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ**И. В. Богданов****СТАРОЕГИПЕТСКОЕ ЛИЧНОЕ ИМЯ...**

**7. Предложение с
адвербальным имен-
ным предикатом**

*K3(j)-m-jb(j) «мой Ка — в моем
сердце»,
K3(j)-hr-jst.f «мой Ка — на своем
месте»,
K3(j)-hr-jb-R^c «мой Ка приятен
Ра»,
K3(j)-m-rhw(j) «мой Ка — среди
(моих) товарищей»,
s-n-k3(j) «ее рука — моему Ка»
(fem.).*

**8. Именное предло-
жение, где предикат —
прилагательное**

*Snb-w(j)-k3(j) «как же здоров мой
Ка!».*

**9. Именное предло-
жение с вводной нис-
бой *n(j)* как регентом
прямого генитива (где
субъект-ректум —
имя₁) или датива (где
субъект-ректум —
имя₂). Конструкция
спорная.**

50

**10. Именное предло-
жение, где логическим
субъектом выступает
имя₂:**

**a) имя₁ - существи-
тельный
б) имя₁ - субстантиви-
рованная нисба**

*Snnw(j)-k3(j) «мой Ка — мой то-
вариш»,*

*Jrw(j)-k3(j) «мой Ка — мое тво-
рение»,*

B3(j)-k3(j) «мой Ка — моя душа».

*(J)m(j)-jst(j)-k3(j) «мой Ка — тот,
кто на моем месте»,
Shtnjw-k3(j) «мой Ка — выдаю-
щийся».*

**11. Именное предло-
жение, где логическим
предикатом выступает
имя₂
(особый вариант:
*n(j)+имя₂, n(j) как
имя₂*)**

*K3(j)-sšm(j,j) «мой Ка — мой
вождь»,*

*K3(j)-h3(j,j) «мой Ка — мой за-
ступник»,*

*K3(j)-hntj «мой Ка — впереди»,
Z3t(j)-k3(j) «моя дочь — мой Ка»
(fem.),*

*K3(j)-tp(j) «мой Ка — лучший»,
K3(j)-(n(j))-njswt «мой Ка — цар-
ский» (с факультативной нисбой
n(j)),*

*K3(j)-n(j)-jt.f «мой Ка — тот, кто
принадлежит его отцу».*

51

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

И. В. Богданов

СТАРОЕГИПЕТСКОЕ ЛИЧНОЕ ИМЯ...

12. Именное предложение с *pw* в качестве субъекта (masc.), или местоименным субъектом (fem.).

K3(j)-pw «это — мой Ka!» (другие, спорные варианты приводятся ниже),
K3(j)-s(j) «она — мой Ka!»; стандартное чтение — с констатацией: *K3.s* (см., например: Brunner 1974, 57 f., Abb. I. Жертвенник Tübingen 370. Известно в Среднем царстве: PN I, 341,7).

13. Именное предложение, где part. perf. pass. — логический субъект

K3(j)-jrj.s «ее (*матери*) создание — мой Ka».

14. *sdm.f* с оттенком сослагательного на- клонения, где *k3(j)* — субъект или часть субъекта

Jj-k3(j) «иди, мой Ka!»,
'h3-k3(j) «сражайся, мой Ka!»,
Mr(j)-w(j)-k3(j) «да полюбит меня мой Ka!»,
'nh-jr(j)-k3(j) «да живет то, что создал мой Ka!».

15. *sdm.f* с оттенком сослагательного на- клонения с *k3(j)* в со- ставе обстоятельства

'nh(j)-m(-n)-k3(j) «жив буду благо- даря моему Ka!».

16. Обстоятель-ственный *sdm.f* с вы-несенным субъектом

17. Форма *sdm.n.f*

18. Бытийное предло-жение

K3(j)-h(w)jj.f «мой Ка — он бьется (= созиадает?)»,
K3(j)-'h3.f «мой Ка — он бьется (= оберегает?)».

Ph.n-w(j)-k3(j) «мой Ка достиг меня».

N-lyftj-k3(j) «нет врага (у) моего Ка!»,
N-ksmm-k3(j) «нет противного (у) моего Ка!» (Fischer 1996, 31, 39, pl.5).

II. Имена с элементом *k3.f/ k3.s*, где адресат — ребенок. Ка ребенка ассоциируется с Ка отца.

19. Именное предло-жение, где логическим предикатом выступает имя₂

K3.s-jt.s «ее Ka — ее отца» (с про-пуском нисбы *n(j)?*); возможен пропуск нисбы *n(j)* как регента генитива (= *N(j)-k3.s-jt.s*) — тогда это иная модель, что маловеро-ятно. Возможно чтение *K3-s(j)-jt.s* «она — Ка ее отца».

20. Предложение с адвербиональным именным предикатом

K3.s-hr-jt.s «ее Ka — в ее отце».

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

И. В. Богданов

СТАРОЕГИПЕТСКОЕ ЛИЧНОЕ ИМЯ...

21. Именное предложение, где *k3* — дополнение *Mr(j)t-k3.s* «возлюбившая свой Ка» (ср. *Mr(j)t-jt.s* «любящая своего отца»; сходные конструкции с иным смыслом: *Mr(jw)t-jb(j)* «возлюбленная моего сердца» (part. pass.); *Mr(jw)t-n-NN* «желанная NN»(?); *Jn(j)-k3.fl Jn(j)t-k3.s* «принесший / принесшая свой Ка» (ср. сходную конструкцию: *Jn(j)-jt.f* «несущий своего отца»³ или *Jn(jw)-jt.f* «принесенный своим отцом (с substantивацией?, т.е. *приношение его отца*)»).

III. Имена с элементом *k3/ k3(j)*, где адресат — божество или образ созидания (сам Ка). Ребенок ассоциируется с Ка божества.

22. Именное предложение, где логическим субъектом выступает имя₂ *Jr(j)w-k3(j)-Pth* «Птах — создатель моего Ка», *Jr(j)w-k3(j)-k3(j)* «мой Ка — создатель моего Ка»; ср. имя *Nfr-n-k3wj(?)* с неясным смыслом (ASP, pl.68).

23. Именное предложение с *rw* в качестве субъекта (?) *K3-pw-Jnprw* «это — Ка Анубиса», *K3-pw-njswt* «это — Ка царя»; ср. иначе: *Nfr(j)-pw-njswt* — «царь — (мой?) бог». Чтение *K3(j)-pw-njswt* (равно как и *K3(j)-pw-Jnprw* и т.д.) все же возможно (Cp. Fischer 1978, 42).
 24. *sdm.f* с оттенком сослагательного наклонения, где *k3* — субъект *Wr-k3-Pth* «да будет велик Ка Птаха», *Nht-k3-R^c* «да будет сильным Ка Ра».

Отличительная черта всех этих моделей — почти полное отсутствие упоминаний о Ка самого ребенка. Исключение — II группа имен, но и здесь о нем говорится в 3-м лице. Иными словами, сам ребенок никогда не выступает адресантом собственного имени. Поэтому взрослый египтянин *Nfr-k3(j)* мог с трудом представить свое имя даже в виде «(у меня) — добрый Ка», поскольку изначально речь шла о нем самом как о Ка его отца (или матери — в женских именах), а отвлеченная интерпретация его имени как сложения основ — «Добродвойниковый» (вроде Богдан, Ярослав, Friedrich или Wolfgang) — была невозможна. И все же имена с элементом Ка, адресованные самим носителям безо всяких ассоциаций, принципиально выделяемы. Эта IV группа имен имеет сложную структуру и построена по одной модели — именного предложения, где

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

логическим субъектом выступает имя; *K(3)-z(j)-nb.f* «Ка человека — владыка его» (PN I, 340,7; PN II, 392; Fischer 1974, 247 f.), [*K3]-n(j)-z(j)-jšt.f* «Ка человека — его имущество» (idem 1975, 247 f.).

Этому типу специальное внимание уделил Г.Дж. Фишер, который рассматривал имя *K(3)-z(j)-nb.f* в качестве одного из примеров имени, в котором местоимение-суффикс 1 лица ед. ч. выражено идеограммой *zj* — «человек». Он приводит целый ряд случаев употребления имени и его вариантов, и везде *k(3)* выступает грамматическим субъектом в именном предложении (Fischer 1974, 247-249; idem 1975, 247 f.). Самые общие выводы этого обзора таковы:

1. Чтение *K3-z(j)-n(j)-nb.f* «Ка человека (- тот, кто) принадлежит его владыке» исключено, т.к. *n* во всех именах такого рода выступает фонетическим дополнением к *nb*. Параллельные имена, не имеющие в составе знака A1, построены по иной модели (логическим предикатом выступает имя); например, *K3(j)-(n(j))-nb.f* «мой Ка — тот, кто принадлежит его владыке» (PN I, 340,7); *K3(j)-nb(j)* «мой Ка — мой господин»⁴.
2. Особый случай — имя *K3-nb-z(j)* (PN II, 321,10; Fakhru 1935, 26 sq., figs.17-18) «Ка — господин человека», которое является вариантом имени *K(3)-z(j)-nb.f*.
3. Другой особый случай — имя *K(3)-zj-s(w)-nb.f*, согласно Г.Дж.Фишеру — «Ка человека — вот владыка его».

Всего Г. Дж. Фишер приводит 4 случая употребления имени *K(3)-z(j)-nb.f* с комплементом A1, не считая двух особых случаев. Позже его мнение, базирующееся на предположении, что идеограмму A1 следует читать *zj* — «человек», подтвердилось новым примером имени *K3-z(j)-nb.f*, зафиксированном в двух вариантах: и (PM III, 448; Martin 1979, 32 f., pls. 31-32 (74-75). С.Саккара). Налицо сочетание идеограммы A1 и знака *z*, поэтому и в простом варианте этого имени предполагаемое чтение знака A1 как суффикса 1 лица ед.ч. следует исключить.

И все же это имя оставляет ряд загадок.

Во-первых, почему из всех имен с элементом *K3* только это включает знак «человек», что бы он ни значил?

Во-вторых, каковы возможности унификации значений сходных имен такого типа, относящихся к разным моделям?

Исходя из существующего материала по моделям имен с элементом *k3*, предварительно можно сделать такой вывод: дополнение A1 указывает на носителя имени, выступая идеографической заменой суффикса 1 л. ед.ч., дабы избежать смешения адресантов — в противном случае им бы стал отец. Если признать, что имена с A1 имели сходный смысл, то и такое имя, как *K3-nb-z(j)* следует понимать как «Ка господина человека» (а не «Ка — господин человека»), т.е. как констатирующий вариант имени «Ка человека — владыка его». В этом имени A1 не может быть даже детерминативом, это фо-

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

нетическая составляющая. При таком подходе имена, как включающие знак A1, так и опускающие его, унификации поддаются лишь в том случае, если допустить в них пропуск *s(w)* как грамматического субъекта или *z(j)* как части предиката. Тогда во всех случаях имя реализует одну мысль: представить своего владельца как «Ка своего господина».

Стоит обратить внимание, что некоторые из носителей имени были моряками или как-то связаны с речными поставками. Один из них — *K3-nb-z(j)* был *shd n(j) skd(w)* «начальником матросов» (Fakhry 1935, 26 sq., figs.17-18), а другой — *K3-z(j)-nb.f* (Martin 1979, 32 f., pls. 31-32 (74-75)) — носил целый ряд флотских титулов; один из них, в частности, Дж.Т.Мартин читает как [z(j) () *n(j)*] (*wj3*) 3, и сравнивает с другим, уже известным из Среднего царства: *z n(j) kbnt 3t*⁵. Сюда же следует добавить и такие среднеегипетские титулы, как *z n(j) d3t*, *z n(j) (d3t) 3t*, *jmj-r3 zw n(w) (d3t)*⁶. Во всех случаях *z(j)* «человек» — это «моряк», причем более удобные, на первый взгляд, формы — *kprtj* и *d3jw* (Ward 1982, 180 (1560), 186 (1607) (собственно, не «паромщик», а «перевозчик») не были распространены. В текстах Старого царства эти формы смешивались, например: , (*skd n(j) wj3*) (IAET, 981 (3621)), , (*skd wj3 (3)*) (IAET, 981 (3621-22), ср. CG 1494 (в названии поселения)). Последнее написание вообще можно понять как идеограмму, ср. обычный вариант (*skd* или *hmj*) (IAET, 981 (3620)). Вероятно, вариант *n(j)-(d3t)* в языке казался ло-

И. В. Богданов

СТАРОЕГИПЕТСКОЕ ЛИЧНОЕ ИМЯ...

гичнее искусственно принятой на письме нисбы — *d3tj* (или *wj3w*, *kbntj* и т.п.), и это повлияло на то, что детерм. , благодаря переносу на задний план вместе с показателем генитива, вскоре стал восприниматься как идеограмма A1 (с чтением «человек»-*z(j)*) и занял место впереди титула. Рассматриваемые имена построены по сходной модели, они как бы переносят принцип образования титула в область ономастики, и занятия носителей этих имен как будто это подтверждают. Иначе говоря, имя человека выдает его профессию. С другой стороны, эти примеры единичны и исключительны.

Абсолютно уникальным и в то же время сочетающим в себе все элементы и принципы моделирования является имя   <img alt="Egyptian hieroglyph of a person

никами экспедиции Х.Юнкера, неверна, т.к. вместо знака стоит обычный A1. Поэтому он прочел имя как *K(3)-z(j)-s(w)-nb.f*, в котором обе части совершенно равноправны грамматически, но логическим предикатом выступает имя *K(3)-z(j)*, аптонированное имени *nb.f* при поддержке *sw* (как «второго» субъекта). Однако этот вариант мало вероятен, т.к. *sw* как грамматический субъект может занимать место лишь после *nb.f*, что дало бы искомый смысл «Ка человека — он его владыка»⁸. В противном случае *sw* остается лишь выполнять функцию указательного местоимения вместо обычного *rw* («это» > «он»), но, поскольку и здесь логическим субъектом остается *nb.f*, имя с чтением «владыка его — это Ка человека» теряет смысл. Напротив, чтение первого элемента имени как *kz* в грамматической структуре предложения было бы более оправданно, но уточнение Г.Дж.Фишера как будто все разрушает.

И все же перепроверка чтения знака дает не столь уж решающий аргумент, поскольку старое чтение опирается и на другие свидетельства, уже самого памятника. Слово *kz* было переведено как «солдат» на том основании, что хозяин гробницы, карлик *Snb*, служил в качестве *hrp 'prw kzw* («капитана» отрядов ладей-*kzw*) (JG V, 15, 38, 109, Abb. 5A, 29A; IAET, 706 (2577)⁹), и *htmtj-njr (nj) wn-hr-b3w* («казначея бога» ладей-*wn-hr-b3w*) (JG V, 15, 41, Abb. 6; параллелей нет (IAET, 770 (2798))). Значение названий судов, на которых служил *Snb*, не установлено. Собственно, интерес в рамках вопроса пред-

ставляет только одно из них — *kz*, которое Х.Юнкер возводил к одноименному глаголу, известному только из Руг. 1048¹⁰. Это имя упоминается, кажется, еще в одном месте ложной двери *Snb* — в одной из сцен, посвященных плаванию *Snb* на Запад. С этим сюжетом связаны как минимум три сцены памятника. Две из них характеризуются по надписям¹¹. В третьей *Snb* вообще не участвует, однако 4 пояснительные приписки к изображенным здесь ладьям вызывают интерес (JG V, 69, Abb. 16, Taf. 6A). Х.Юнкер толковал три из них, в общем, как названия ладейных носов: *wnl* — анхерштевень верхней ладьи; *jd3* — анхерштевень средней ладьи; *hk* (с детерм. «кукушка»?) — форштевень нижней ладьи. Скудость источников, впрочем, не позволяет предложить какое-либо конкретное объяснение этим именам, кроме *wnl*, которое к тому же в других источниках с корабельной терминологией не связывается. Ничто не мешает даже трактовать эти приписки, как относящиеся к разным объектам¹². Пояснение *kz-n(j)-htpt(?)* (без детерминации) у форштевня средней ладьи Х. Юнкер понял как личное имя моряка — *z(j)-n(j)-htp-k3* (JG V, 21, 66 (ср. JG XII, 161), с параллелями: PN I, 427, 23, 25; II, 279, 10). Г. Дж. Фишер не определился в чтении этого имени, указав на то, что в таком случае непонятна омиссия A1, иначе было бы вполне допустимо чтение *z(j)-n(j)-htp-k3*, где *htp-k3* — личное имя в составе другого (Fischer 1996, 70 f.). Но в оригинале стоит не *htp-k3*, а *htp-(kzn)* ()¹³, что я склонен понимать как личное имя *kz-n(j)-htp(t.j?)* «мат-

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

рос (моей?) милость(ю?)»(?). Изображенные суда, впрочем, имеют совсем иной тип сравнительно с детерминативом к *kzw* в титуле *SnB*, однако в данном случае это не существенно, так как элемент *kz* в этом имени может быть связан с судном *kz* лишь по основе. Надо отметить, что и чтение слова *kz* условно (возможно, надо читать *k(3)z* или *!(3)z*), и связывать лексему лишь с судами и матросами не вполне обоснованно.

В результате старое чтение имени писца из гробницы *SnB*: *Kz-sw-nb.f* «он — матрос(?) ладьи-*kz* своего господина» вполне может быть оправдано. Оно было определено родом занятий этого человека в ведомстве карлика *SnB*. По среднеегипетским титульным параллелям его следует читать как *Z(j)-sw-(nj)-kz-nb.f* (впрочем, для Среднего царства этот тип имени уже стал анахронизмом). Хотя это имя и выпадает из серии рассмотренных выше (с элементом *k3*), оно оказывается как будто близким им по особенностям орфографии, и по принципу употребления.

Сокращения

- Abusir V* - *Abusir V. The cemeteries of Abusir South I*. Ed. by M. Bárta. Praha, 2001.
AG - *Edel E. Altägyptische Grammatik I-II*. Roma, 1955-1964.
ASP - *Posener-Krieger P., de Cenival J.L. The Abu Sir-Papyri*. L., 1968.
Brunner 1974 - *Brunner H. "Der Bekannte des Königs"* // *SAK*. 1974. Bd. I.

И. В. Богданов

СТАРОЕГИПЕТСКОЕ ЛИЧНОЕ ИМЯ...

- CG 1-1294 - *Borchardt L. Statuen und Statuetten von Königen und Privatleuten im Museum zu Kairo. Teil 1-5*. Berlin, 1911-1936.
 CG 1295-1808 - *Borchardt L. Denkmäler des Alten Reichs. I-II*. B. 1937-64.
 Doret 1986 - *Doret É. The Narrative Verbal System of Old and Middle Egyptian*. Genève, 1986.
 Erman 1901 - *Erman A. Der Name Antef* // *ZÄS*. 1901. Bd.39.
 Fakhry 1935 - *Fakhry Ahmed. Sept tombeaux à l'est de la grande pyramide de Guizeh*. Le Caire, 1935.
 Fischer 1958 - *Fischer H.G. A Scribe of the Army in a Saqqara Mastaba of the Early Fifth Dynasty* // *JNES*. 1959. Vol.18.
 Fischer 1974 - *Fischer H.G. The Ideographic Use of in a Group of Old Kingdom Names* // *JEA*. 1974. Vol.60.
 Fischer 1975 - *Fischer H.G. A further occurrence of ideographic in an Old Kingdom name* // *JEA*. 1975. Vol.61.
 Fischer 1976 - *Fischer H.G. Notes, Mostly Textual, on Davies' Deir el Gebrâwi*, BA 6307 // *JARCE*. 1976. Vol.13.
 Fischer 1978 - *Fischer H.G. Five Inscriptions of the Old Kingdom* // *ZÄS*. 1978. Bd.105.
 Fischer 1996 - *Fischer H.G. Varia Nova*. New York, 1996.
 Fischer 1996a - *Fischer H.G. Notes on Some Texts of the Old Kingdom and Later* // *Studies in Honor of William Kelly Simpson*. Vol. I. Boston, 1996.
 Galán 2000 - *Galán J.M. Two Old Kingdom officials connected with boats* // *JEA*. 2000. Vol.86.
 Hannig-Lexica 4 - *Hannig R. Ägyptisches Wörterbuch I. Altes Reich und Erste Zwischenzeit*. Mainz, 2003.

- IAET - Jones D. An Index of Ancient Egyptian Titles, Epithets and Phrases of the Old Kingdom. Vol. I-II. Oxford, 2000.
- JG - Junker H. Gîza I-XII. Wien-Leipzig, 1929-1955.
- Martin 1979 - Martin G. T. The Tomb of Hetepka and Other Reliefs and Inscriptions from the Sacred Animal Necropolis North Saqqâra. 1964-1973. London, 1979.
- PM III - Porter B., Moss R.B. Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings. Vol. III, 1-2. Memphis. Oxf., 1974-81²
- PN I-II - Ranke H. Die ägyptischen Personennamen. Bd. I-II. Glückstadt-Hamburg-New York, 1935-1952.
- Redford 1986 - Redford D.B. Egypt and Western Asia in the Old Kingdom // JARCE 1986. Vol. 23.
- TPC - Firth C.M., Gunn B. Teti Pyramid Cemeteries. I. Text. II. Plates. Le Caire, 1926.
- Urk. I - Urkunden des Alten Reichs. Hrsg. von K. Sethe. Leipzig, 1932-33.
- Ward 1982 - Ward W.A. Index of Egyptian Administrative and Religious Titles of the Middle Kingdom. Beirut, 1982.
- Wb. - Wörterbuch der ägyptischen Sprache. I-V. Blgst. I-V. Hrsg. von A. Erman und H. Grapow. B., 1982⁴

Приложение

¹ Автор признателен «Фонду содействия отечественной науке» за финансовую поддержку.

Примечания

- ¹ Примеры выбраны в основном из справочника Х. Ранке (PN I-II).
- ² Во всех случаях грань между абстракцией и эпитетом зыбкая («совершенство» = «добряк», «красавец» или «красавица», «благой» или «благая», и т. п. качественная или внешняя характеристика), но во всех случаях отмечается управление NN + NN посредством прямого генитива (ср. Fischer 1996, 65 f.). То же касается прочих имен, построенных по такой модели; например, «богатый/ богатая моего Ка» (букв.) = «богатство моего Ка» (но не «богатый моим Ка»), «живая моего Ка» (букв.) = «жизнь моего Ка» (но не «живая моим Ка»).
- ³ сп. Erman 1901, 147.
- ⁴ PN II, 392. Параллели, которые приводит Г. Дж. Фишер из ономастики (Fischer 1974, 248, п. 6), кстати, не бесспорны. Имена *K3.s-jt.s* и *K3(.j)-n-jt(.j)* можно прочитать и иначе (во втором имени возможно слияние двух *f* — дерминатива к *jt* и суффикса, если не допустить, что речь идет об отце отца ребенка; о первом имени см. выше).
- ⁵ Чтение идеограммы как *kbnt* (варианты: *kprt* / *kpnj*) — «библосское судно» — согласно титулу: Ward 1982, 144 (1239).
- ⁶ Ibidem, 144 (1240, 1241; 41 (312). Расшифровка названия ладьи, как (*d3t*), которое обычно переводят, как «паром», согласно титулу № 1240 по У. Уорду. В остальных случаях возможны иные варианты чтения (ср. Fischer 1996, 71). Вариант титула № 1241 «Индекса титулов»

У. Уорда содержится в жертвенной формуле на одной статуэтке Среднего царства (CG 483, Bl. 80. Абидос) и читается очень неважно, так как Л. Борхардт, предложивший транскрипцию легенды, часть знаков не понял, а на приложенной к публикации фотографии что-либо разобрать затруднительно. Тем не менее, чтение Л. Борхардта — — явно подлежит исправлению. В моем варианте — *m3c-hrw* — первая часть может обозначать титул этого лица — *z n(j)* (*w3*) *z*, а имя, как бы реально оно не звучало, связывало его носителя с флотом. Возможно, его следует читать *Jj-n-hnt* — это имя известно и шире (PN I, 9,24; cf. PN I, 45,12; Fischer 1976, 16).

⁷ Принадлежность женщин, изображенных на левой внешней панели ложной двери *Snb*, к работницам «дома-*hst*» можно установить по параллельной сцене (JG V, 43, Abb. 7) и данным из других гробниц. О «доме-*hst*» см. Fischer 1996a, 273–274.

⁸ Ср. имя *K3(j)-nb.f-w(j)*, которое Б. Ганн читал *K3-nb.f-w(j)* «я — Ка своего владыки!» (TPC I, 186; II, pls.74, 76), а Г. Дж. Фишер (Fischer 1974, 248 f., n.9) допускал вариант *K3(j)-nbw(j)*, где *nbw* — северный диалектный вар. слова *nb* (лит. см. Doret 1986. P. 14–15, n.24). В первом случае имя следует читать как *K3-w(j)-(n(j))-nb.f*, что не так просто, т.к. *w* стоит все-таки в конце имени. На мой взгляд, имя следует рассматривать как так наз. бадальную аппо-

зицию с выносом логического предиката: *K3(j)-nb.f-w(j)* «мой Ка — я его владыка».

⁹ Второе свидетельство — титул *nhw* («барабан» ложной двери Córdoba 1981/1/299; Galán 2000, 145–147, fig.1).

¹⁰ В Словаре приводится только этот пример, с переводом «свободный ход» (Wb. V, 139).

¹¹ Если судить по пояснению к изображению моряка-глазшата (JG V, 63, Abb. 14B). На второй сцене изображено плавание в ладье с участием самого *Snb* (ibid., 62, Abb. 14A). Ее имя — *z3bt* — обычно связывается с ритуальными путешествиями (о *z3bt* см. ibid., 69 f.).

¹² Ibid., 66; *wnt* и *jd3* были объектами титула *z3 m3c njswt* на одном из рельефов *K3(j)-pr* (Fischer 1958, 257, 262–265, pl. 8; Abusir V, 143 ff., к титулам: 179 ff.). Г. Дж. Фишер собрал все староегипетские источники по термину *wnt*, основное значение которого — «крепость» (см., например, Urk. I, 103, 12 (надп. *Wnj*)). К проблеме интерпретации *wnt* и *jd3* см. также: Redford 1986, 138, note bn). Вполне вероятна связь названий судов (или их частей) с местностями (Fischer 1996, 71; Hannig-Lexica 4, 244, 347, 753).

В. В. Емельянов

К вопросу о царских МЕ в шумерской политической идеологии

ИЗ ШУМЕРСКИХ текстов всех родов известно, что судьбоносные магические силы МЕ присущи только богам, демонам, священным предметам, а также абстрактно-логическим категориям сознания. У животных, растений и смертных людей нет ни прав, ни возможностей обладать ими (Емельянов, 2003, 71—74). Все исследователи шумерской религии отмечали, что в некоторых случаях в виде исключения МЕ могут обладать обожествленные цари. Но этими исключениями никто не занимался.

Предлагаемая сводка собрана впервые. Отдельные контексты гимнов с упоминанием царских МЕ приводились в грамматических разделах книги Г.Фарбер-Флюгге (Farber-Flügge, 1973, 95—164) и в числе других цитировались у И. Розенгартен (Rosengarten, 1977, 75—84). Однако они не были собраны воедино для изучения политической идеологии Шумера.

Сразу нужно сказать, что анализ проводится не на формульном, а на контекстном уровне, поскольку единой формулы дарения МЕ царю, равно как и постоянного места этой формулы в ряду других, обнаружить не удалось. Сообщение об обладании МЕ правителем всякий раз попадает в разные места гимнов и может встречаться в любой их части — от вводной до заключительной (отсутствует разве что в колофонах). Всего мне известно 19 случаев дарения МЕ царю, из них 16 отмечены в царских гимнах, 1 в храмовом гимне, 1 в гимне богу и 1 в эпосе. Данные по царским и храмовым гимнам можно расположить в хронологическом порядке. Сведем эти данные в таблицу¹.

Гимн	Строка	Контекст
Э-Хурсаг Шульги	121, 126, 131	ša ₃ me-nun si u ₄ -zalag-ga e ₃ -a Нутро (храма), исполненное МЕ владычества, - си яющий свет выходящий. Ki-tuš-mah-zu ni ₁ -mah me-šar ₂ -nam-nun-na Твое высокое жилище почтенно, все МЕ владычества (здесь есть). (Шульги) — великий ураган, украшенный МЕ, определяющими судьбы (im- iug ₁ -un-gal-la me še-er-ka-an-di nam-tar- re-da) ²

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

В. В. Емельянов

К ВОПРОСУ О ЦАРСКИХ МЕ...

Ишме-Даган А	138—140	<p>¹³³inim dug₄-ga a-a ⁴en-lil₂-la₂-še₃, ¹³⁸e₂-kur-ra me-bi hu-mu-un-ur₄-ur₄ ¹³⁹miš-hur libir-a-ba en₃ he₂-/[bi₂\-[in-tar] ¹⁴⁰marza šu-ta šub-ba-bi ki-bi /he₂\-[bi₂-ingi₄]</p> <p>По слову отца Энлиля... МЕ Экура он собрал, Древние предназначения почтил, Ритуалы заброшенные восстановил.³</p>
Ишме-Даган Н	17—18	<p>¹⁷e₂-kur-ra ša₃-bi /galam kad₄\-am₃ ni₃ lu₂ nu-zu-am₃, ^{18d}iš-me-^dda-gan miš-hur me zid-bi si ha-ra-ab-sa₂-sa₂-e</p> <p>Интерьер Экура прекрасно украшен, и никто об этом не узнает. Пусть Ишме- Даган приведет в порядок его предназначе- ния и истинные МЕ!</p>

70

Липит-Иштар В	4	<p>^{1d}li-pi₂-it-e₄-tar₂ lugal sam il₂ nun barag-ga ²he₂-du₇ ⁸isimu₂^{sar} nam-lugal-la ^{3d}utu-gin₇ du še-er-zi kalam-ma ⁴nam-nun-še₃ mah me gal-la u₅ ⁵ub-da 4 um₃ ki gar-ra ⁶še-ga ⁴en-lil₂-la₂ ⁴nin-lil₂-le ki am₂ ⁷šul zid igi gun, barag-ga tum₂-ma ⁸men aga zid sam me-te-mal₂, ⁹šibir šu du₈ (1 ms. Has instead: du,) sam mig₂-ga ¹⁰nun ⁴li-pi₂-it-eš₄-tar₂ dumu ⁴en-lil₂-la₂ sipad igi-mal₂ tuku</p> <p>Липит-Иштар, горделивый царь, вла- дыка, достойный престола, отрыск царственности, шествующий подобно Уту, свет Страны, во власти своей высо- кий, великие МЕ оседлавший, в четырех странах света людей расселивший, отме- ченный Энлилем, любимый Нинлиль, праведный юноша с сияющими глазами, предназначенный для престола, чья голова украшена короной-теп, тиарой истинной, держащий в руке стрекало черноголовых, владыка Липит-Иштар, сын Энлиля, праведный пастырь...!</p>
---------------	---	---

71

Липит-Иштар С	25, 46	<p>²⁵me mah-a me sam-ki-a-ba ²⁶nam-lugal ni₃-kal-kal-la-am₃ ²⁷li-pi₂-it-e₄-tar₂ dumu ⁴en-lil₂-la₂-ra ²⁸an gal-e sam-e-e mu-ni-in-rig,₇</p> <p>С помощью высоких и превосходных МЕ Ан даровал Липит-Иштару, сыну Энлиля, драгоценную царственность.</p> <p>⁴⁶en-ki-ke₄ me nam-nun-na-ka e-er-ka-an hu-mu-<ra>-ni-in-dug₄</p> <p>Энки украсил Липит-иштара МЕ владычества.</p>
---------------	--------	---

Ур-Нинурта А	11–13, 73, 80	<p>"[X] nam tar-ra me zid hal-ha dingir gal-gal-e-ne- e₃, ¹²e₂-kur ki-tu kug an ⁴en-lil₂-la₂ ni₂ su-z₁ gur₃-ru- e₃, ¹³lugal-ra u-ni im-ma-an-dab₅ sun₅-na-bi mi-ni-in-kur₉,</p> <p>В место определения судеб, где среди великих богов распределяются истинные МЕ, В Экур - священное жилище Ана и Энлиля, испускающее подлинный ужас, За руку царя она привела, робко войти заставила.</p> <p>^{72d}inana dumu gal ^dsuen-na nitalam ki am₂-ma₂-ni ⁷³sam-KE₂ me ni₃-nam-ma mu-un-ur₄-ur₄ šu-ni-še₃ mu-u₈-mar</p> <p>Инанна, любимая супруга Ур-Нинурты, собрала в связку все МЕ и вложила в его руку.</p> <p>^{80d}ur-^dnin-urta me kal-kal-la-zu ša₃-ab-mu₁₀ im-mi-ir</p> <p>О Ур-Нинурта! Я решила дать тебе твои драгоценные МЕ!</p>
Эллиль-бани А	9	Эллильбани опоясан многочисленными МЕ (me-šar,-ra gu,-ed.).

Син-ид-динам Е	49, 73	<p>⁴⁶miš-hur eridug^{ki}-ga si sa₂-sa₂ ⁴⁷nidba ⁴⁸dingir-re-e-ne šu du₇-du₇ ⁴⁹gal-an-zu me libir² ⁵⁰/ki-bi\ bi₂-in-gi₄-a</p> <p>Предначертания Эреду он в порядок привел, Жертвы богов совершенными сделал, Он — мудрец, древние МЕ На место вернувший.</p> <p>⁷³miš-hur me mah-bi ⁷⁴ki-bi mi-ni-in-kim₂-kim₂</p> <p>Он восстановил предначертания и высокие МЕ (трона Ишкура).</p>
Рим-Син F	1	<p>¹⁴ri-im-^dsuen lugal me nun-na kingal me šar₂-ra nam-nun-na sam il₂</p> <p>Рим-Син — царь, владеющий всеми МЕ владычества, высоко голову поднявший.</p>
Рим-Син G	20	<p>^{20d}ri-im-^dsuen lugal urim^{ki}-ma me mah ki- ur₃-ra ²¹ki-bi šu bi₂-in-gi</p> <p>Рим-Син, царь Ура, восстановил МЕ Киура.</p>

Цари, которым посвящены цитированные гимны, по большей части были обожествлены. Об этом говорит

детерминатив DINGIR перед именами Шульги, Ишмэ-Дагана, Липит-Иштара, Ур-Нинурты и Рим-Сина. Что касается Эллиль-бани и Син-иддинама, то первой частью их имен были имена богов, перед которыми и так должен ставиться божественный детерминатив. Двойных детерминативов DINGIR, по-видимому, не было. Поэтому вопрос о божеском статусе последних двух царей остается открытым, эпиграфически здесь ничего не доказать. Впрочем, в пользу божеского статуса Эллиль-бани говорит его именование «великим сыном Энки».

Обладание МЕ выражено в текстах различными способами: 1) царь назван обладателем всех МЕ, а от кого он их получил — не говорится. Употребляются выражения «владыка МЕ», «оседлавший МЕ»; 2) царя называют собравшим и восстановившим МЕ по приказу какого-то бога. Используются глаголы «собирать», «возвращать на место», «приводить в порядок»; 3) бог или богиня вручают МЕ царю или украшают его МЕ. В этом случае употребляются глаголы «вручать», «дарить», «украшать».

В большинстве приведенных контекстов существительное *те* должно пониматься как «ценность» в смысле «все необходимое и должно для жизни и власти». Исключениями являются: а) гимн Шульги, где, судя по некоторым строкам, МЕ — сияние, исходящее от храма и от его хозяина; б) гимн Ур-Нинурты, где речь идет о наделении МЕ как судьбами, и происходит это

в Ниппуре — традиционном месте определения судеб; в) гимн Син-иддинама, где под МЕ понимаются, в том числе, и жертвы богам.

Ишме-Даган удостаивается МЕ царской власти от Энлиля и Нанны; Липит-Иштар получает их от Ана и Энки, Ур-Нинурта — от Инанны. Эллиль-бани тоже считается «опоясанным многочисленными МЕ» (в мифологическом тексте «Инанна и Шукалетуда» опоясанной МЕ названа Инанна (*Inanna and Shukaletuda*, 275)). Обожествленные цари Исины провозглашаются в гимнах или детьми богов (например, Липит-Иштар называет себя сыном Энлиля и тем самым отождествляет себя с Нинуртой), или благочестивыми государями, восстановившими порядок в стране после некоей катастрофы (как Ишме-Даган). Этим обосновано их право на владение МЕ.

Описывая МЕ, авторы гимнов из Исины изображают их то подобными стаду, которое собирается при помощи пастушеского стрекала (*Ur-Ninurta E*, 14), то похожими на пестрое одеяние, сияющее многоцветными нитями (*Ishme-Dagan D, F 3*). Задача царя — в том, чтобы сделать МЕ явными (ра-е₃, т.е. исполнить должное), совершенствовать их (šu-du₇, совершенно исполнять обряды и точно отмеряя количество жертв), восстановить утраченные МЕ (ki-bi-še₃ gi₄, починить храм или возобновить жертвы там, где по какой-то причине они не были вовремя поставлены богам). Наиболее почитаемым городом в гимнах Исины (начиная с Ишме-

Дагана) является Ниппур. Он назван изначальным городом: здесь Энлиль зачинает, а Нинлиль рождает МЕ (*Ishme-Dagan W*, 74), которые затем сторожит визирь Энлиля Нузы (*Ishme-Dagan C*, 6-7); здесь происходит распределение МЕ среди богов, а затем совет богов торжественно передает МЕ царю.

В последний раз в истории шумерской гимнографии формула дарения МЕ применяется уже к Хаммурапи — правителю Вавилона, не имевшему божеского статуса.

Hammurapi C

^{1d}en-ki-ke₄ eš₃-e ki⁷ mah²-a mi₂ zid mu-ni-in-dug₄
²ugal-e lu₂ šu-luh-e ki am₂ me sikil-la tum₂-ma
³ugal miš-hur kal-kal gal zu²-a ni₂-tuku inim sag₉-sag₉-ge u-ni- e₃
/mal₂ \ -la
⁴sipad ša₃ še-ga en ⁴nu-nam-/nir\-[ra] ki am₂ ama ⁴/nin\-[lil₂-la₂]
⁵nidba gal-gal e₂-kur-ra ba-[...]
⁶X a₃ dug₃-ga nun gal ⁴en-ki-ke₄ X [...]
⁷mi₂ dug₄-ga kug ⁴dam-gal-/nun\-[na] sipad zid ⁴ha-am-/mu\-[ra-bi]
⁸ugal-e eš₃ e₂-kiš-[nu-mal₂] ni₃-nam mi-ni-in-X [...]
⁹ha-am-mu-ra-bi X-a-ni X [...]
^{10d}nanna ⁴nin-gal-bi ud šu₂-/uš\ [...]]
¹¹ugal ni₃-hul₂-la-ni X [...] šu-luh miš-hur me X [...]
¹²ki-bi-še₃ bi₂-in-[gi₄-gi₄]

Энки в святилище, месте высоком, ласково с ним обошелся.

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

Царь, который обряды омовения рук любит, который предна-
значен для чистых МЕ,
Царь, сведущий в драгоценных предначертаниях, исполнен-
ный страха, верный слову, ...,
Пастырь, любезный владыке Нунамниру, любимец матери
Нинлиль,
Который великие дары в Экур (приносит),
Кого избрал (?) великий владыка Энки,
Кто мил светлой Дамгальнунне, — праведный пастырь
Хаммурапи!
Царь все (дары) в святилище Экишнугаль принес.
Хаммурапи,...
Нанну с Нингаль денно (и нощно)...
Царь с радостью... обряды омовения рук, предначертания,
МЕ...
На место вернул.

Сообщение о предназначенности МЕ для Хаммурапи сопровождается здесь информацией о восстановлении им всех МЕ и ритуалов страны. То есть, можно говорить о воспроизведении топоса гимнов Ишме-Дагана при отсутствии прежнего идеологического наполнения формул⁴. Что же касается значения, которое принимает здесь существительное *те*, то сочетание «чистые МЕ» согласуется с упомянутыми перед тем «обрядами омовения рук». Имеются в виду именно эти обряды, без которых не существует культ Эреду.

В. В. Емельянов

К ВОПРОСУ О ЦАРСКИХ МЕ...

Остаются загадочными два контекста. В гимне Нанше, дошедшем от начала II тыс. до н. э; говорится об отношениях богини с правителем Лагаша Гудеа:

Nanše Hymn

³⁶sipad-ra midri mah mu-na-an-šum₂,
³⁷gu₃-de₂-a me kal-kal-la-na šu mu-na-ab-du,-du,
³⁸sipad ša₃ kug-ge bi₂-in-pad₃-da-ni
³⁹gu₃-de₂-a ensi₂ laga ki-a-ke₄
⁴⁰ab₂ he-nun tigi-a mu-ni-gub
⁴¹balam kug da-ba mu-ni-gub
⁴²šir₃ kug šir₃ ha-mun-na mu-un-na-du₁₂-a
⁴³und⁴kin-tur-re e₂ im-mi-i-i
⁴⁴a₂ tarah nar gal-e šu mu-na-ab-tag-ge
⁴⁵e₂ abzu-ta me nam-ta-ba
⁴⁶e₂ sirara^{ki}-ka šir₃ kug-ba me nun-ba mu-un-du₁₂

Она даровала пастырю высокий скипетр,
Она наградила Гудеа своими драгоценными МЕ.
Пастырь, названный в ее сердце, Гудеа, энси Лагаша,
Поставил лиру «Корова Изобилия» между барабанами,
Священную арфу на ее сторону он поставил.
Пока священные песни, сладкие песни ее воспевают,
Кинтур храм прославляет.
Главный певец на газельем роге для нее играет,
Песню «Храм, которому дарованы МЕ Абзу»,
Священную песню храма Сирара, о царственных МЕ испол-
няет.

Если я правильно понимаю текст, Нанше наделяет Гудеа частью своих МЕ, после чего по приказу Гудеа музыканты, прибывшие из Лагаша, начинают в ответ прославлять оставшиеся МЕ Нанше, расположенные в ее храме Сирара. То, что наделение МЕ следует сразу за дарованием скипетра, а также тот факт, что МЕ названы «властными» (*nun*) или царственными, дает основание понимать существительное *te* в значении «власть». Глагол, выражающий дарение МЕ, означает «совершенно исполнять», так что буквально сказано «Нанше свои драгоценные МЕ совершенно для него исполнила».

О процессии Гудеа к Нанше мы знаем из Цилиндра А Гудеа. Там он отправляется к ней за толкованием священного сна. Но из данного гимна совершенно очевидно, что Гудеа отправлялся к Нанше за священными МЕ для Лагаша, и столь же очевидно, что он получил их в ее храме Сирара (куда они попали от самого Энки). Следовательно, нужно рассматривать процессию Гудеа в цилиндрах как один из видов путешествия к старшему богу за МЕ. Интересно то, что такое путешествие совершают правитель, а не младший бог⁵. И вдвойне интересно, что смертный правитель получает право пользоваться божественными МЕ. Как это объяснить при отсутствии подобных формул в текстах эпохи Гудеа и при том, что последний не был при жизни ни богом, ни даже царем? Скорее всего, перед нами текст, составленный уже в период посмертного обожествления Гудеа⁶. В нем Гудеа, наряду с Ур-Нанше, служит образцом благо-

честивого правителя, избранного самой Нанше. Можно датировать этот текст эпохой III династии Ура, заметив, что МЕ в это время получает не царствующий бог, а обожествленный правитель прошлых лет.

Второй примереще интереснее и загадочнее. В эпосе «Энмеркар и владыка Аратты» есть эпизод, где эн Урука Энмеркар просит богиню Инанну: *me₂₆-e abzu-ta za₃-mi₂ dug₄-ga-mu₁₀-ne / eredu^{ki}-ta me de₆-a-mu₁₀-ne / nam-en-na men eš₃ bar-gin₇ sig₇-ga-mu₁₀-ne / unug^{ki} kul-aba₄^{ki}-a sam men kug mal₂-la-mu₁₀-ne / [PA.A] eš₃ gal-la-ke₄ mi₆-par₄-ra hu-mu-un-tum₂-mu / [PA.A] mi₆-par₄-ra-ke₄ eš₃ gal-la hu-mu-un-tum₂-mu / [nam]-/lu₂\-ulu₃ u₆ dug₃-ge-eš hu-mu-un-e / [d]/utu\ igi hul₂-la he₂-em-ši-bar-bar-re* «(Когда) мне в Абзу хвалу пропоют⁷, когда из Эреду МЕ я получу, (когда) в должности эна короной-men, подобной ... святынищу, я украсюсь, (когда) священную корону-men в Кулабе Урука на голову надену, — (тогда) ... из великого святилища в Гипар пусть меня доставят, ... из Гипара в великое святилище пусть меня доставят, люди пусть удивленно возглашают, Уту пусть радостный взгляд на меня бросит!» (Enmerkar and Lord of Aratta, 57—64). Из этого отрывка становится ясно, что получение МЕ в Абзу дает Энмеркару право на обладание короной-men, равно как и Инанной в обряде священного брака, совершаемом в Гипаре. Радостный взгляд бога правосудия Уту означает только то, что все эти действия правителя были справедливы и его власть признана легитимной. Значение существительного *te* в данном контексте —

«сила (дающая право на обладание властью или женщиной)».

Недавно Дж. Ашер-Грев опубликовала рецензию на искусствоведческую книгу И.Фарлонг о головных уборах Месопотамии Раннединастического периода. Содержание этой рецензии представляет большой интерес для нашего исследования. Ашер-Грев сравнивает два вида короны — корону *теп* и корону *ага*. Собранные ею контексты весьма красноречивы. Корона *ага* предназначена для ношения царями, верховными жрецами или правителями-энси (Энхедуанна, Гудеа). Наиболее частые эпитеты и сочетания с этим словом: *aga-zî* «корона истинная», *aga-zî-mah* «корона истинная высокая», *aga-nam-lugal-la* «корона царственности» (с эпохи Аккада до конца III династии Ура), *aga-nam-til-la* «корона жизни» (только со старовавилонского периода). Корона *теп* является атрибутом правящих богов (Энлиля, Инанны, Энки, Нанны), к ней применяются такие эпитеты: *men-ku₃-luh-ha* «корона из чистого серебра», *men-ku₃* «корона священная», *men-zî-mah* «корона истинная высокая», *men-huš* «корона красная (=яростная, испускающая ужасный блеск)», *men-dalla* (аналогично), *men-u₄-sud-ra₂* «корона долгих дней», *men-an-ki* «корона Неба-Земли», *men-eden* «корона степи» (от Раннединастического до Старовавилонского периода) (Asher-Greve, 1995–1996, 181–188). Корону *теп* могут носить только обожествленные правители, первым из которых о своем облада-

нии этой короной заявил Шульги (*Shulgi C*, 24; *Shulgi D*, 8–9, 295; *Shulgi X*, 10, 57–59, 155–156)⁸.

Высшая власть, власть, даваемая короной-*теп*, — именно власть эна, господина в священном браке. Ашер-Грев совершенно правильно цитирует суждение С.Н.Крамера о том, что корона *теп* может быть метафорой власти эна, а корона *ага* — метафорой власти лугалля (Asher-Greve, 1995–1996, 186, fn. 48). Следовательно, мы получаем возможность заглянуть в те глубоко архаические представления, которые невозможно найти уже в старошумерских надписях. Если слова Энмеркара не являются позднейшей вставкой Старовавилонского периода, получается, что в эпоху Урука высший тип власти, воплощенный в короне-*теп*, давался смертному правителю вместе с МЕ, полученными в Абзу, и с богиней, предназначившей его для священного брака. Значит, в ту эпоху владеть МЕ и *теп* мог и человек, совсем не имевший божественного статуса, — избранник-приимак богини типа Думузи.

Таким образом, разобранный материал позволяет реконструировать историю идеологемы царских МЕ. В самом начале Раннединастического периода, если верить отрывку из эпоса, правитель-эн, не будучи богом, получал МЕ вместе с властью над богиней. Власть воплощалась в акте священного брака и в положенной супругу богини короне-*теп*. Под МЕ, вероятно, понималась магическая сила эна, позволявшая ему овладевать как богиней, так и окрестными странами (что мы и

видим на примере Аратты). Далее вплоть до эпохи третьей династии Ура речь о царских МЕ не шла, а корона-мен стала исключительно атрибутом богов (правители носили только корону-aga). Путешествия в Эреду за МЕ также стали исключительно божеской прерогативой. В эпоху Ура встречается единственное упоминание МЕ обожествленного царя Шульги и только в гимне его храму (значение «сияние, блеск»). В царских гимнах формулы вручения МЕ царю в эту эпоху отсутствуют. Это говорит о том, что в личности царя рациональное и культурное начало стало брать верх над прежней, магико-экстатической стороной власти. Тогда же обладание МЕ, полученными от Нанше, приписывается обожествленному посмертно Гудеа на основании переосмыслинного текста Цилиндра А. Активные упоминания о получении МЕ царями начинаются только в эпоху Исины и Ларсы при Ишме-Дагане. В религиозных представлениях этого периода царит полнейший произвол. Так, в гимнах Ишме-Дагана объясняется, что МЕ даются царю ради восстановления прежнего порядка в стране. Он получает их по воле Энлиля или четверки великих богов, ранее бывших инициаторами потопа. В гимнах Липит-Иштара объяснение иное: этот царь провозглашается сыном Энлиля и, следовательно, претендует на права Нинурты. Поэтому он получает МЕ по праву первородного сына божьего. Этую тенденцию подхватывают другие правители этой эпохи, для которых, как впоследствии и для Хаммурапи, пассаж о вручении

МЕ царю становится не более чем литературным клише. Этот третий и последний этап в развитии представлений о царских МЕ свидетельствует о желании аморейских правителей, захвативших юг Двуречья, уподобиться владельцам прошлого, божеский статус которых они плохо себе представляли. Отсюда неправомерное приписывание себе религиозно-магических атрибутов, которые как раз отсутствовали у последних. Вместе с тем, это еще и введение нового представления, согласно которому МЕ даются за личное благочестие и организаторские способности правителя. Среди значений МЕ в это время — «власть», «обряд», «жертва» и даже «судьба», а общий смысл всех значений — «ценность».

Из аккадских текстов формула дарения МЕ царю исчезает по двум причинам. Во-первых, семантические поля шум. МЕ и акк. рагу не полностью пересекаются; рагу не имеет такой многозначности, как МЕ. Поэтому многие оттенки шум. МЕ передаются аккадскими словами, образованными от различных основ. В частности, значение те «подобающее, надлежащее» передается другим аккадским словом simtu. Во-вторых, с утратой царской божественности отношения между богами и царем превратились из родственных в служебные, потому и не мог существовать акт непосредственного пожалования магической силы царю.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Емельянов, 2003 — Емельянов В.В. Категория МЕ в старошумерских и саргоновских текстах // Вестник древней истории 1 (2003). С. 71—84
- Asher-Greve, 1995—1996 — Asher-Greve, J.M. Reading the Horned Crown // AfO XLII—XLIII (1995—1996). P. 181—189
- CH — Codex Hammurabi (Липин Л.А. Аккадский язык. Ч. 1. Хрестоматия с таблицами знаков. Л; 1957)
- ETCSL — Black, J.A.; Cunningham, G; Flückiger-Hawker, E; Robson, E; Zolyomi, G. The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature (Oxford, 1998—): <http://www-etcsl.orient.ox.ac.uk/>
- Farber-Flügge, 1973 — Farber-Flügge G. Der Mythos 'Inanna und Enki' unter besonderer Berücksichtigung der Liste der ME. Roma, 1973 (= Studia Pohl 10)
- Heimpel, 1981 — Heimpel, W. The Nanshe Hymn // JCS 33 (1981). P. 65—139
- Klein, 1997 — Klein, J. The Sumerian ME as a Concrete Object // Altorientalische Forschungen 2 (1997). P. 211—218
- Limet, 1968 — Limet H. L'anthroponymie sumérienne. Paris, 1968
- Rosengarten, 1977 — Rosengarten, Y. Sumer et le Sacré. Paris, 1977
- Sallaberger, 1993 — Sallaberger, W. Der kultische Kalender der Ur III Zeit. Bd. I-II. Berlin and New York, 1993
- Selz, 1997 — Selz, G.J. 'The Holy Drum, the Spear, and the Harp'. Towards an understanding of the problems of deification in

Third Millennium Mesopotamia // Sumerian Gods and Their Representations. Groningen, 1997. P. 149—194.

TCS 3 — Sjöberg A.W. and Bergmann A. Sumerian Temple Hymns. New York, 1969 (= Texts from Cuneiform Sources 3)

Tinney, 1996 — Tinney, S. The Nippur Lament. Royal Rhetoric and Divine Legitimation in the Reign of Ishme-Dagan of Isin (1953—1935 B.C.). Philadelphia, 1996

Примечания

- ¹ Здесь и далее все шумерские тексты цитируются по электронной публикации в ETCSL, с учетом печатных первоизданий.
- ² В первом издании гимнов храмам О.Шеберг переводит строк. 131 «the one adorned with me's» (TCS 3, 24), имея в виду принадлежность МЕ самому Шульги. Я.Клейн понимает эту строку иначе: «The one who adorns (you) with the me's, determining destiny» (Klein, 1997, 213). Он полагает, что Шульги сам украшает свой храм какими-то МЕ (по его мнению, эмблемами и символами). Однако для нашей темы этот спор не имеет большого значения. Неважно, украшает ли Шульги свой храм при помощи МЕ. Важно, что при обеих интерпретациях он этими МЕ обладает. Ср. также имя собственное МЕ-Šul-gi (Limet, 1968, 492).
- ³ Похожая формула обретения МЕ и восстановления обрядов после потопа встречается в плаче по Ниппуру, также составленном в эпоху Ишме-Дагана: ²⁶⁸ni, babbar-bi sag₂

ba-ab-dug₄ ga-ba sug-ge₄ ba-ab-gu₇-a^{269d}en-lil₂ lugal kur-kur-ra-ke₄ ki-bi-še₃ in-mar-ra-am₃²⁷⁰nam-lu₂-ulu₃gud₃ us₂-sa-ta²ni₂im- i-ib-ten-na²⁷¹nibrū^{ki} kur-me gal-gal-la-ka miri₃/kur₂\[ba-ra-an]-/dab₅\-be₂-eš-a^{272d}a-nun-na inim-^den-lil₂-la₂-ta e₂/bi₂\-[in]-šub-bu-uš-a²⁷³gi₁₆-sa ul-ta mar-mar-ra-ba tumu-e ba-ab-de₆-a²⁷⁴ki-bi-e₃ku₄-ku₄-da bi₂-in-eš-am₃en nam tar-re-ne²⁷⁵ša₃-bi-a u₂sug₄-sug₄ a₃ hul₂-la ša₃-ba mi-ni-in-mar-ra-am₃^{276d}iš-me-^da-gan ita ud-da gub hul₂ni₂tuku-ni-ra²⁷⁷u₂-[bi] kug-ge a-bi sikil-e in-na-an-dug₄-ga-am₃²⁷⁸me [šu] pel₂-la₂-bi sikil-e in-na-an-dug₄-ga-am₃²⁷⁹marza suh₃-a bir-a-bi si bi₂-in-sa₂²⁸⁰kug-kug-ga šub-ba šu pel₂-la₂-a-ke₄ ki-bi-še₃ in-mar-ra «Егосияющее имущество, рассеянное, уничтоженное, Энлиль, царь стран, на место его вернулся. Там, где люди, построив гнезда, в тени отдыхали, в Ниппуре, на горе великих МЕ, откуда они направились неведомым путем, — по слову Энлиля Анунна, определяющие судьбы, приказали восстановить упавшие храмы, вернуть на место сокровища, положенные туда прежде, унесенные ветром! С радостью их обеденную трапезу установил он! (Энлиль) приказал Ишме-Дагану, своему радостному, трепетному жрецу, служащему ежедневно, освятить его пищу, очистить его воду, он приказал ему очистить его оскверненные МЕ, Обряды разбросанные, рассеянные в порядок он привел, Все святое, брошенное и оскверненное, на место свое он вернул» (NL, 268—282; см. также характеристику Ишме-Дагана как любимца Энлиля и восстановителя Ниппуре в Tinney, 1996, 82—83). Эта же

формула употребляется в мифе о потопе, где свое желание восстановить страну после катастрофы заявляет неизвестный герой, и в тексте «Смерть Гильгамеша», где царем, восстановившим МЕ после похода к Зиусудре, объявляется Гильгамеш: zi-ud-su₃-ta¹-aš ki-tuš-bi-a sam im-ma-ni-/tig₄\ /me ki-en-gi-ra-ke₄ ki ud-ba ha-la-me-eš ud ul-li-še₃ /a₂am₂-ma₂ bi-lu-da₁₀ kalam-ma-aš im-ta-/a²-ni\ / šu /luh\ ka /luh\ X (X) /si mu-un-si-sa₂\-e «...ты достиг Зиусудры в его жилище, вернулся (?) в Страну МЕ Шумера, которые были забыты навсегда, советы, обряды, привел в порядок обряды омовения рук и уст...» (GD, Tell-Haddad F, 10—18).

⁴ В прологе к Законам Хаммурапи есть упоминание о восстановлении обрядов Эреду, но отсутствует формула вручения МЕ царю или предназначенности царя для МЕ: šaggum li-ia-um / mu-tir URU.NUN.KI / a-na aš-ri-šu / mu-ub-bi-ib / šu-luh E₂.ZU.AB «Могучий царь, вернувший Эреду на свое место, очистивший обряды омовения рук Э-Абзу» (CH I 63—66 — II 1).

⁵ Первый издатель гимна Нанше В.Хаймпель понимает строку ⁹nanše nin me kal-kal-la ki na-mu-un-gi₄-gi₄ как «Нанше, госпожа драгоценных МЕ, воистину вернулась» и делает вывод, что Нанше под Новый год возвращается из путешествия в Абзу, где она получила от Энки МЕ (Heimpel, 1981, 101—102). Его гипотеза больше ничем не подтверждена. Но в случае правоты Хаймпеля получается еще интереснее: под Новый год Нанше возвращается из Абзу с переданными ей МЕ, а затем транслирует часть своих МЕ царю, совершившему паломничество в

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

ее город. Выстраивается цепочка «старший бог-младший бог-правитель», и в этом случае становится понятно, что расстояние от МЕ Энки до МЕ Гудеа составляет два путешествия. Одно совершается накануне Нового года, другое — в самом его начале.

⁶ Следует признать неслучайным тот факт, что в эпоху III династии Ура лагашский весенний месяц *ezēn-še-il₂-la* «праздник принесения ячменя», заместивший *ezēn-še-ku₂-^dpanše*, включал в число своих обрядов приношение ячменя, муки и пива обожествленному Гудеа (Sallaberger, 1993, 294–295). По-видимому, в символике этого обряда отразилась историческая память о процессии самого Гудеа к Нанше и Нингирсу с первым урожаем ячменя

⁷ Конструкцию *R-a-gu₁₀-NE* можно прочитать и перевести двумя способами: а) «воспевание хвалы мое они» (*ne < e-ne*) = «хвалу они мне пропоют»; б) «чтобы воспеть мне хвалу» (*NE = de₃*).

⁸ Не исключено, что *te* и *men* — однокоренные шумерские слова. Аккадский эквивалент *men* = *me'ānu* (< *me-an-na?*) (почему-то в силлабариях он считается эквивалентом *aga*), а знак *MEN* состоит из изображения контейнера (*GA₂*), в который вписаны *ME+EN* «МЕ эна» (см. также Selz, 1997, 190, fn. 67). В таком случае в архаической шумерской древности получение короны-*men* было материализацией идеального акта получения МЕ.

В. В. Емельянов

Идея вечного возвращения в шумерской культуре

ИДЕЯ ВЕЧНОГО возвращения играет значительную роль в культуре шумеров. Но, к сожалению, она до сих пор не стала предметом специального рассмотрения. Настоящая работа носит ознакомительный характер и призвана ввести читателя в материал, который во всей своей полноте будет рассмотрен позднее.

«Возвращение» передается в шумерском языке следующими глаголами: *gi₄*, *gur*, *bal*, *nimin*. Все они в различных контекстах могут иметь значения: «вращать», «возвращать», «брать назад, отнимать», «обращаться», «переворачиваться», «удалять, устраниять» (AHw, 1332-1336; PSD, B, 48)¹. Однако интересующий нас процесс вечного возвращения выражается только глаголом *gi₄*.

В шумерском языке есть два словосочетания, передающих идею возвращения: *ki-bi-še₃ gi₄* «на место свое вернуть», *ama(-ra)-gi₄* «вернуть к матери». Тексты пока-

зывают, что оба эти термина связаны с идеей календарного возвращения времени. Но время воспринимается не как таковое, а в связи с совершающимся действием.

Enki and the World Order, 451—453²

⁴⁵¹i₃-ne-eš₃ šag₄ gu₂-bi nam-gi₄ kalam ki-bi he₂-em-gi₄

⁴⁵²šag₄ /⁴En-lil₂-la₂ gu₂-bi nam-gi₄ kalam ki-bi he₂-em-gi₄

⁴⁵³šag₄ gu₂-bi gi₄-a nam-lu₃-u₁₈-lu-ka

«Ныне сердце к берегу своему вернулось — Страна на место свое вернулась,
Сердце Энлиля к берегу своему вернулось — Страна на место свое вернулась,
Возвращение сердца к своему берегу — судьба человечества!»

Этим строкам вторят первые строки Цилиндра А Гудеа:

¹A1.1 ud /an ki\ -a nam tar-[re]-/da\

²A1.2/Lagaš[⁴]-e me-gal-la [sam] an-še₃ mi-ni-ib₂-il₂

³A1.3⁴En-lil₂-e en-^dNin-mir₂-su₂-še₃ igi-zid mu-ši-bar

⁴A1.4iri-me-a ni₃-du₂ pa nam-ed₂

⁵A1.5šag₄ gu₂-bi nam-gi₄

⁶A1.6šag₄-^dEn-lil₂-la₂ gu₂-bi nam-gi₄

⁷A1.7šag₄ gu₂-bi nam-gi₄

⁸A1.8a-mi₆ uru₁₆ nam-mul ni₂ il₂-il₂

⁹A1.9šag₄-^dEn-lil₂-la₂-ke₄ ^{1d}Idigna-am₃ a-dug₃-ga nam-de₆

«Когда судьбы Неба-Земли были определены,
Лагаш в великих МЕ голову к Небу поднял,
Энлиль на владыку Нингирсу взглянул благосклонно,

(И) в городе нашем необходимое явным стало:

Сердце к берегу своему вернулось,

Сердце Энлиля к берегу своему поднялось,

Сердце к берегу своему поднялось,

Могучие волны сверкнули, страх нагоняя,

Сердце Энлиля — Тигр — благодатную воду принесло».

Итак, возвращение Шумера «на свое место», а именно начало года, связано здесь с разливом реки Тигр (она разливается раньше Евфрата). Страна возвращается на место, когда к своему берегу возвращается «сердце Энлиля» и начинается половодье, несущее благодатную воду, дарующую изобилие. Заметим, что в Цилиндре А начало половодья непосредственно связано с определением судеб всего мироздания. То есть, Страна возвращается на место сразу после того, как происходит определение судеб Неба и Земли и Земле посыпается весенний разлив рек.

Если Страна возвращается на место, то новый месяц «входит в свой дом», т.е. возвращается из странствия по небу.

⁸⁶³B3.5mu men-na-am₃ iti til-la-am₂

⁸⁶⁴B3.6mu-gibil an-na im-ma-gub

⁸⁶⁵B3.7iti e₂-ba ba-a-kur₉

⁸⁶⁶B3.8iti-bi ud 3-am₃ im-ta-zal

⁸⁶⁷B3.9^dNin-mir₂-su Eredu^{ki}-ta men-am₃

⁸⁶⁸B3.10i₃-ti sa-sa im-ed₂

⁸⁶⁹B3.11 kalam-ma ud mu-mal₂ e₂-ninnu ⁴Suen u₃-tu-da

⁸⁷⁰B3.12 sam im-ma-da-ab-sa₂

«Год прошел, месяц закончился,
Новый год на Небе встал,
Месяц в дом свой вошел,
Третий день его прошел.
Нингирсу из Эреду пришел —
Месяц свет испустил,
В Стране свет воссиял, Энинну с новорожденным Зуэном
Сравнялся».

Этот трудный фрагмент нуждается в пересказе. Здесь сказано, что в конце года месяц не был виден на протяжении трех дней. Новолуние совпало с возвращением Нингирсу из путешествия к своему отцу. После этого лунный свет (свет новорожденного бога луны Зуэна) осветил храм Нингирсу Энинну. От света луны и свечения храма засияла и вся страна. Мы видим два синхронных события — возвращение лунного диска в свой дом по прошествии месяца и возвращение бога Нингирсу в свой храм из длительного путешествия. Оба возвращения приурочены к концу года.

Таким образом, «возвращение на свое место» — прежде всего событие календарное, но не умно-философское, а переживаемое и эмпирически ощущимое. Каждый житель Шумера мог наблюдать весенний разлив рек и даже оказаться его жертвой, и точно так же

каждый мог смотреть на вечернее небо, ожидая новой луны и Нового года.

Дальнейшие метаморфозы идеи возвращения относятся уже к области идеологии. В царских надписях и царских гимнах «возвращать на свое место» можно: а) город; б) храм или любое другое строение; в) посвятительную стелу или пограничную стелу³. Автор Цилиндров Гудеа говорит о храме Энинну, возведенном этим правителем для бога Нингирсу, именно как о «возвращенном на свое место» (A XXX 13). Почему же идея возвращения применяется у шумеров к строительным объектам? Ответ на этот вопрос дают плачи по городам, где богов, устроивших потоп, призывают вернуть на место разрушенные храмы и жилища людей. Автор обращается к богине, оплакивающей свой погибший город:

Ur Lament, 382-384

^{382d}En-lil₂ lugal-kur-kur-ra-ke₄ nam-zu he₂-eb-tar-re

³⁸³uru₂-zu ki-bi ha-ra-ab-gi₄-gi₄ nam-nin-bi ak-a

³⁸⁴Nibru^{ki} ki-bi ha-ra-ab-gi₄-gi₄ nam-nin-bi ak-a

«Энлиль, царь всех стран, судьбу твою пусть определит:
Город твой на место пусть для тебя вернет — правь в нем,
Ниппур на место пусть для тебя вернет — правь в нем!»

Отсюда ясно, что город, храм или Страна восстанавливаются после своего временного уничтожения, которое может иметь климатический или социальный

характер. Аналогичным образом герой мифа о потопе говорит:

Deluge 3 ⁴nin-tu-ra ni₃-dim₂-dim₂-ma-mu₁₀ sig₁₀-[sig₁₀]-/bi\-[a]
ga-ba-ni-ib-gi₄-gi₄

«Ради Нинту уничтожение моих тварей вернуть (=прекратить)
я хочу!»

Следовательно, «возвращение на свое место» означает прекращение неких деструктивных процессов, нарушающих мировой порядок, и восстановление этого порядка в пространственном и временном аспектах⁴. Порядок утверждается высоким зданием или стелой, или совокупностью зданий (город), или появлением на небе новой луны, или приходом благодатной воды после разрушительного потопа⁵.

Обратимся теперь к рассмотрению идеи *ama-gi₄* «возвращение (к) матери». В известных нам шумерских текстах она связана с освобождением человека из состояния несвободы. Первоначальную суть этой идеи хорошо демонстрируют слова Гильгамеша, обращенные к Энкиду в эпической песни «Гильгамеш и Хувава». Победив Хуваву, Гильгамеш хочет отпустить пленника на свободу и говорит: *tušen-dab₅-ba ki-bi-še₃, ha-ba-min / muruš-dab₅-ba ur₂-ama-na-še₃, he₂-gi₄-gi₄* «Пусть пойманная птица на место свое вернется, пусть пойманный молодец к лону матери своей вернется!» (Gilgamesh and Huwawa A, 161–162). Сравнение освобождения плен-

ника с отпусканiem птицы на свободу имеет отнюдь не случайный характер. Вспоминается весенний обряд выпускания на волю пленных птиц. В.К.Шилейко замечает, что этот обряд, проводимый у христиан во время весеннего праздника Благовещения, впервые зафиксирован в вавилонском заклинании, которое мы приводим в его переводе:

Ты, небесная птица, порождение Ану!
Я — человек, рождение Эа,
западня птицелова есть у меня,
Я пленил твою душу, я явил тебе свет:
ты, о Шамаш, храни меня:
как этой птице жизнь подарил я,
мне мою жизнь ты подари.

В. К. Шилейко пишет: «Символику обряда, сопровождающегося вавилонским заклинанием, нетрудно разгадать. Жизнь и свобода возвращаются воздушной пленнице как выкуп за жизнь освободителя. Этот благостный выкуп противоположен жестокому обряду жертвы, при котором жизнь покупается ценой уничтожения и смерти» (Шилейко, 1922, 80–81).

Стало быть, можно предположить, что идея «возвращения к матери» как освобождения ассоциировалась с неким весенным обрядом выпускания на волю птиц в качестве выкупа за жизнь освободителя⁶. Такой же могла быть и логика Гильгамеша, желавшего отпуш-

тить Хуваву «к луну своей матери», дабы не прогневать своим поведением великих богов. Однако заметим, что освобождение здесь — не просто возврат на прежнее место, а именно возврат к исходному состоянию, изначально определенному богами⁷.

Разумеется, творцы политической идеологии не преминули по-своему истолковать «возвращение к матери», связав эту идею с идеями амнистии и социальной справедливости. Так, в надписях Энметенес и Урукагины, равно как и в шумерских юридических текстах, неоднократно встречаются утверждения о «возвращении к матери» как освобождении долговых рабов, освобождении граждан от наказаний, повинностей или от уплаты налогов⁸. Уже в послешумерское время государи I династии Исина периодически объявляли *ama-gi₄* (аккад. *andurārum*) или *mīšārum* «справедливость» как полное очищение времени от долговых обязательств, сделок о кабальном рабстве, как прощение недоимок по налогам и сборам, а иногда и отмену сделок купли-продажи полей и возвращение их первоначальным владельцам (см. ИДВ I, 326). Корни такого политического обновления времен, несомненно, лежат в шумерской традиции, из которой до нас дошел только один зафиксированный на письме пример очищения времени от событий — текст так называемых «реформ» Урукагины. В предпоследней части текста, завершая перечисление своих законодательных действий, этот правитель пишет: *dumu-Lagashki ur₅-ra ti-la*

gur-gub-ba še-si-ga ni₃-zuh-a sam-miš-ra-a e₂-eš₂-bi e-luh ama-gi₄-bi e-mar «Сыновей Лагаша от процентов (по долгам) жизни, «меры положенной», «насыпания зерна»⁹, воровства, убийства, заключения он очистил, их возвращение к матери установил» (Ukg. 4 XII 14—22 = 5 XI 12—29). Это означает, что были одновременно проведены амнистия преступников и освобождение граждан от долгов и повинностей.

Единственный раз в известных мне текстах религиозного характера идеи «возвращения на свое место» и «возвращения к матери» встретились в гимне Шульги:

Shulgi C, B 69'—70'
ki mi-ni-ib₂-dib-be₂-na-mu-u₃ ama-gi₄ he₂-mi-du₁₁
un-lu-a ki-tuš-ki-mar-ra-bi-e šu-a he₂-im-mi-gi₄
 «Где я ни прохожу — (всюду) возвращение к матери провозглашаю,
 Многочисленных людей на прочные места их проживания я
 возвращаю!»

В аккадской литературе существовала калька с шумерского оборота *ki-bi-še₃ gi₄*: *ana ašṭšu tāru¹⁰* «на свое место вернуть» (AHw, 83). Однако это аккадское выражение не имело никакого семантического расширения и означало «восстанавливать (культовый объект)» (CDA, 401). Чрезвычайно показательно в этом случае сравнение одного и того же мифологического мотива в шумерской и аккадской версиях эпоса о Гильгамеше¹¹.

В Прологе (I 39-41) аккадского эпоса одно за другим упоминаются два события — путешествие Гильгамеша к Утнапиштиму и восстановление Гильгамешем святилищ, разрушенных потопом.

[ha]-a-a-it kib-ra-a-ti muš-te-'u-u₂ ba-la₂-ti
ka-ši-id dan-nu-us-su a-na "Ut-ZI ru-u-qi,
[mu]-tir ma-ha-zi ana aš₂-ri-šu-nu ša₂ u₂-hal-li-qu a-bi₁-bu

Исходивший все страны света в поисках жизни,
Достижий своей мощью дальнего Утнапишти,
Вернувший на свои места святилища, погубленные потопом.

В тексте «Смерть Гильгамеша» сказано, что после похода на Хуваву Гильгамеш посетил жилище Зиусудры (шумерское имя праведника, известное по тексту мифа о потопе), после чего восстановил все МЕ, культовые сооружения и обряды, некогда уничтоженные потопом. Таким образом, становится известен прототип строк Пролога.

har-ra-an di-id-bi-a a-na-am, me-a-bi /^šerin miš dili kur-bi
ga-an-/e-de₃\ /^šHu-wa-wa tir-bi-ta sam miš ra-ra-za / na-ru₂-
a ud ul-la₂-še₃ me-gub-bu-uš me-da ud-še₃/ e₂ dingir-re-e-ne
ki mar-mar-ra-a-ba / Zi-ud-su₃-ta'-aš ki-tuš-bi-a sam im-ma-
ni-/tig\ /me ki-en-gi-ra-ke₄ ki ud-ba ha-la-me-eš ud ul-li-še₃
/ a₂ am₂-ma₂ bi-lu-da₁₀ kalam-ma-aš im-ta-/a²-ni\ / šu /luh\
ka /luh\ X (X) /si mu-un-si-sa₂\-e

«После того, как все пути ты изведал, кедр, ценное дерево, с гор его вывел, Хуваву в лесу его убил, установив на вечные времена, на постоянные МЕ стелу, на (вечные) дни — храмы богов, Зиусудры в его жилище ты достиг, МЕ Шумера, которые были забыты навсегда, советы, обряды в Страну вернул (?), обряды омовения рук, омовения уст в порядок привел...» (GD, Tell-Haddad F, 10—18).

Мы видим, что в шумерском тексте Гильгамеш возвращает в Страну старый порядок, существовавший до потопа. Этот порядок состоит из установленных стел, восстановленных храмов и возобновленных обрядов, сопровождающих жертвоприношения. В Прологе ассирийской версии речь идет только о реставрации старых храмов, погубленных потопом. Налицо редукция шумерской идеи возвращения порядка к починке старого материального объекта (пусть и имеющего сакральное значение).

Категория «возвращение к матери» аккадской кальки не получила. Но самое интересное заключается в том, что понятие «возвращение» часто имело в аккадской словесности семантику деструктивного превращения (что соответствует шумер. bal). Некое целое могло быть уничтожено через редукцию к своим частям или к первоначальной основе. В частности, устойчивым было выражение «вернуть в глину». Например, в аккадском эпосе о Гильгамеше спасенный праведник видит после потопа следующую картину:

Gilgamesh XI 133 ap-pal-sa-am-ma UD-ma ša₂-kin
qu-lu

134 u₃ kul-lat te-ne₂-še-e-ti i-tu-ra a-na ti-it-ti
«Я взглянул на день — тишина установилась,
И все человечество возвратилось в глину»

В эпосе об Эрре семеро демонов требуют, чтобы Эрра проклял и тем самым уничтожил всех зверей Вавилонии:

Erra I 74 [bu]-lum li-ru-ur-ma li-tur a-na ti-it-[ti]
«Зверя пусть он проклянет, да возвратит (его) в глину»

В эпосе о Нинурте и Анзу Таблица судеб, захваченная злодеем Анзу, способна уничтожить лук Нинурты путем возвращения-превращения частей лука в их первоначальный материал.

Anzu II 63 qa-nu-um-ma ša₂ [tal]-li-ku tu-ri a-pu-uk-ka
64 mu-um-m[u GIŠ.BAN] <a>-na q̄i₂-ša₂-ti-ki
65 šer₂-a-nu a-na ša₂-šal-li UDU.NITA₂ kap-pu ana iy-yu-ri GUR.

MEŠ
«Ты, стрела летящая, стань снова тростинкой!
Ты, рама лука, стань ветвью древа!
Ты, тетива, — сухожильем барана! Перья, вернитесь к птицам!»

Точно также будет обращено в глину любое существо, которое захочет сразиться со злодеем Анзу, захватившим Таблицы судеб. Герои, которых Собрание богов умоляет одолеть злодеев, отказываются от подвига и мотивируют это так:

I 127 [a-bi a-na ša₂-ad la 'a-ri li-hiš man-ṇu]
128 [a-a-u₂ ka-a]m an-zi-i-i-na DINGIR.MEŠ DUMU.MEŠ-ka
129 [DUB.NAM.ME]Š <ik-šu>-d[a qa-tuš-šu]
130 [⁴EN.LIL₂-u₂-t]i il-te-<qe₂> [na-du-u₂ par-yi]
131 [an-zu-u ip-p]a-riš-ma KUR-[us-su ig]-guš
132 [it-tab-ši yi-it p]i-i-šu₂ ki-i DINGIR DINGIR DUR.AN.KI
133 [iq-bi-ma ša₂ ir-r]a-ru im-me ti-it-ti -iš
134 [a-na yi-it pi]-<i-šu> DINGIR.MEŠ i-šah-hu-hu
«Отец! Кто пойдет в недоступные горы?
Кто справится с Анзу из твоих сынов, богов великих?
Таблицу судеб рука его настигла,
Эллильство схватила, нисровергla обряды,
Взлетел Анзу, на гору свою поднялся,
Выходящее из его уст подобно богу Дуранки,
Кого Анзу проклянет — тот обратится в глину,
Выходящего из его уст все боги должны опасаться!»

В вавилонском эпосе об Атрахасисе богиня, проклинаящая день, когда было принято решение о потопе, восклицает: «Да померкнет день тот, во мрак да вернется!» (Atr. III 34—35; пер. В. К. Афанасьевой; Когда Ану, 82). Возвращение дня во мрак означает его небытие, но

никак не благоприятное «возвращение к матери» (т.е.; к истокам). Аналогичная ситуация возникает в XI таблице эпоса о Гильгамеше, когда та же самая богиня восклицает: UD-mu ul-lu-u₂ a-na ti-it-ti lu-u₂ i-tur-ma «Пусть тот день возвратится в глину!» (XI 119).

Весьма своеобразно понимается в аккадской литературе и «возвращение к матери». В Таблице IV эпоса об Эрре правитель города, устрашенный безысходностью существования и близостью гибели, обращается к своей матери со следующими словами:

IV 89 <i>-[n]a u₄-mu tu-li-din-ni lu-u₂ ap-pa-rik ina A₃-bi-[ki]
 90 [n]a-[p]i -ta-ni lu-u₂ iq-<tu>-ma lu-u₂ ni-mut <it>-[ti?]
 91 [a?]-ha-m[i₂?]
 «В день, когда ты меня родила, мне бы в утробе остаться,
 Испустить бы нам дух, умереть бы нам вместе!»

Совершенно очевидно, что возвращение в утробу матери понимается здесь как прекращение жизни, исчезновение духа.

Таким образом, мы видим существенное расхождение шумерских и аккадских текстов в семантике возвращения. В шумерских текстах «возвращать», помимо буквального смысла, означает также «возрождать, восстановливать» либо «прекращать (в смысле «положить конец какому-либо бедствию»)». То есть, восприятие возвращения исключительно позитивно. В аккадской

литературе и культуре идея возвращения имела совсем иной смысл. Возвращение понималось либо нейтрально — как реставрация материи, существовавшей в прошлом, либо в негативном ключе — как умерщвление целого путем его превращения в первоначальный материал. Но шумерский пафос вечного обновления миропорядка и возрождения справедливости здесь совершенно отсутствует, поскольку у вавилонян было представление о линейном ходе времени, а значит — и о невозвратности прошедшего.

* * *

Идея вечного возвращения была обстоятельно рассмотрена М.Элиаде в монографии «Миф о вечном возвращении» (1931). Исследователь цитирует многочисленные свидетельства существования у разных народов мира представлений о вечном возвращении времени и делает следующие выводы:

«Приведенные нами примеры можно было бы умножить, но мы не собираемся давать исчерпывающий анализ всех затронутых в нашем очерке тем, а всего лишь размещаем их согласно общей его направленности: выявлению необходимости периодического обновления путем отмены времени, существовавшего в архаическом обществе. Как коллективные, так и индивидуальные, как циклические, так и спорадические, все обряды возрождения всегда содержат в своей структуре и своем значении элемент возрождения посредством воспроизведения архетипическо-

го действия, преимущественно космогонического действия. Мы же должны подчеркнуть, что эти архаические системы, отменяя конкретное время, пытаются таким образом избавиться от истории. Отказ хранить память о прошлом, даже о самом недавнем, кажется нам признаком особого устройства человеческого менталитета. Это, если говорить кратко, отказ архаического человека воспринимать свое бытие как историческое, отказ наделить значимостью «память» и, как следствие, нерегулярные события (то есть события, не имеющие архетипической модели), которые, в сущности, и составляют конкретное течение времени. В конечном счете мы полагаем, что глубинный смысл всех этих обрядов и установок состоит в стремлении обесценить время. Доведя эти обычаи и варианты установочного поведения, о которых мы упомянули выше, до их логических пределов, можно прийти к следующему заключению: если времени не придают никакого значения, стало быть, оно не существует; более того, как только время начинают ощущать (из-за «прегрешений» человека, то есть тех случаев, когда человек удаляется от архетипа и попадает в течение времени), его беспрепятственно аннулируют. В сущности, если представить себе подлинную перспективу жизни архаического человека (жизнь, сведенную к повторению архетипических действий, то есть к категориям, а не к событиям, к беспрестанному воспроизведению одних и тех же первомифов и т. д.), то хотя она и протекает во времени, человек тем не менее не ощущает его бремени, не замечает необра-

тимости событий, иными словами, совершенно не отдает себе отчета в том, что характеризует и определяет осознание времени. Подобно мистику или же человеку глубоко религиозному, первобытный человек всегда живет в настоящем. (Именно в этом смысле можно сказать, что религиозный человек является человеком «примитивным»; он повторяет действия некоего другого, и благодаря этому повторению постоянно живет во вневременном настоящем)...

Следует подчеркнуть, что доминирующим аспектом всех лунарных космомифологических теорий является циклическое возвращение того, что было раньше, иначе говоря, «вечное возвращение». Так же в них прослеживается мотив повторения архетипического действия, проецируемого на все уровни: космический, биологический, исторический, социальный и т. д. И в этом мы также усматриваем циклическую структуру времени, возрождающегося при каждом новом «рождении», на каком бы уровне оно ни происходило. Подобное «вечное возвращение» свидетельствует об онтологии, не затронутой проблемами времени и становления. Подобно тому, как греки мифом о вечном возвращении пытались удовлетворить свою метафизическую жажду «оптического» и «статичного» (ибо с точки зрения бесконечности становление вещей, постоянно возвращающихся в прежнее состояние, имплицитно аннулируется, и, таким образом, можно утверждать, что «мир остается на месте»), также и «примитивный»

человек, наделяя время цикличностью, аннулирует его необратимость. Прошлое — это всего лишь предопределение будущего. Ни одно событие не является необратимым, и никакое изменение не является окончательным. В определенном смысле можно даже сказать, что в мире не происходит ничего нового, ибо все, что есть, — это всего лишь повторение прежних первичных архетипов; данное повторение, актуализируя мифическое время, в которое было совершено архетипическое действие, постоянно поддерживает мир в одном и том же всеобщем изначальном времени. Время всего лишь делает возможным появление и существование вещей. Но никакого решающего влияния оно на их бытие не оказывает, ибо оно само постоянно возрождается» (Элиаде, 1998, 131—132, 138—139).

Вряд ли можно усомниться в справедливости сказанного М. Элиаде относительно самого представления о возвращении времени в архаических культурах мира. Однако вызывает возражение стремление приписать древнему человеку исконную любовь к неким «первичным архетипам» и «архетипическим действиям». Такая тенденция обнаружит себя достаточно поздно, в конце II тыс. до н.э. (тогда будут созданы первые комментарии к древним ритуалам). И объясняется это тем, что для стремления к традиции нужна длительная рефлексия этой традиции, позиционирующая ее как совокупность не просто норм жизни, но вечных ценностей бытия. Ценности становятся вечными после того, как проходят осмысление в письменной культуре. Но письменная культура стано-

вится способна к интерпретации и сакрализации ранней древности только к концу II тыс. до н. э. Следовательно, не стоит думать об идее возвращения времени как об исторически неизменном желании древних людей вернуться к первичным образцам поведения и сознания.

Что же можно теперь сказать по поводу идеи возвращения времени в шумерской культуре? Вопреки Элиаде, шумеры желали этого возвращения не ради отказа от исторического сознания, не ради целительного приобщения к религиозным архетипам, а по причине невозможности существования коллективного земледельческого хозяйства без весенних разливов Тигра и Евфрата. С весной были связаны надежды людей на новую жизнь, поэтому и политическая история приобрела в сознании шумеров черты календаря. Весенний разлив возвращается к своему берегу после длительного отсутствия благодатной воды, первый месяц года возвращается в свой дом после небесных странствий, плененный человек возвращается к матери после пребывания в зависимости или в плена, разрушенный город восстанавливается после потопа. Между этими событиями установилась прочная ассоциация, они попали в единое семантическое поле под названием «возвращение/возрождение». Но никакой альтернативы такому мировосприятию шумерская культура не знала. Поэтому мы имеем дело не с традиционализмом, а с естественным включением человеческой деятельности и человеческого сознания в ритмы окружающей природы.

Библиография

- Дьяконов, 1990 — Дьяконов И.М. Люди города Ура. М; 1990
- ИДВ I — История Древнего Востока. Часть I. Древняя Месопотамия. М; 1983
- Когда Ану — «Когда Ану сотворил Небо...» Литература древней Месопотамии. М; 2000
- Шилейко, 1922 — Шилейко В.К. Родная старина // Восток, кн. 1. Пг; 1922
- Элиаде, 1998 — Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М; 1998
- AHw — von Soden, W. Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1956—1981
- Anzu — Annus, A. The Standard Babylonian Epic of Anzu. Helsinki, 2001
- CDA — Black, J; George, A.R; Postgate, N. A Concise Dictionary of Akkadian. Wiesbaden, 2000
- Cohen, 1993 — Cohen, M.E. The Cultic Calendars of the Ancient Near East. Bethesda, 1993
- ETCSL — Black, J.A; Cunningham, G; Flückiger-Hawker, E; Robson, E; Zolyomi, G. The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature (Oxford, 1998-): <http://www-etcsl.orient.ox.ac.uk/>
- Erra — Cagni, L. L'epopea di Erra. Roma, 1969
- GABW — Behrens, H; Steible, H. Glossar zu den Altsumerischen Bau— und Weihinschriften. Wiesbaden, 1983
- Gilgamesh — Parpola, S. The Standard Babylonian Epic of Gilgamesh. Helsinki, 1997
- JNES — Journal of the Near Eastern Studies

PSD — Pennsylvanian Sumerian Dictionary. Philadelphia, 1984-

UET — Ur Excavation Texts

YOS — Yale Oriental Series

Примечания

- ¹ Семантика глаголов возвращения в шумерском языке еще не изучена. На сегодня можно сказать, что *gi₄* часто может значить «поворачивать назад», «отходить, отступать», «передавать назад» (т.е; он связан по преимуществу с попутным движением) (AHw, 1332; GABW, 138-140). Глагол *bal* устойчиво связан со значением перевоза, передачи, транспортировки, а также делегирования полномочий. В качестве второго значения, как видно из текстов, выступает вражда как «оборачивание кого-то против кого-то», на третьем месте — разрушение как деструктивное изменение материи (PSD, B, 48f.). Глагол *nimin* связан преимущественно с кругом и круговым движением (AHw, 1005, 1205, 1332). Исходное значение *gur* мне неизвестно, но чаще всего этот глагол встречается в значении «вернуться откуда-либо» (AHw, 1007, 1011, 1332, 1335; Shulgi A, 61).
- ² Здесь и далее все шумерские тексты, кроме царских надписей, цитируются по ETCSL. Царские надписи старошумерского периода цитируются по GABW.
- ³ [^dNin-m]ir₂-su-ra Gir₂-su^{ki} [ki]-be₂ mu-na-gi «Богу Нингирсу (город) Гирсу он на место его вернул» (Ean. 2, 3:4-6; Ean. 3, 3:3-5); u₄...^dNin-dar lugal-uru₁₆-ra e₂-ni ki-be₂ mu-ni-gi₄-a «Когда он... Ниндару, могучему царю, храм его на место

его вернул» (En. I 20, 1:9–2:3); na-*tu₂*-a-Me-salim-ma ki-be₂
bi₂-gi₄ «Стелу Месилима он на место ее вернул» (Ent. 28,
2:6–8 = 29, 2:23–25; GABW, 193).

- ⁴ В этой связи характерно выражение из Цилиндра В Гудеа:
ni₃-egim₂ e₂-ba im-ma-an-/gi₄
«Вражду в ее дом он вернул» (В XVIII 3) (то есть, Гудеа прекратил все распри в городе на время праздника освящения храма).

- ⁵ В царских гимнах и плачах эпохи Исины и Ларсы вместо *gi₄* возможен глагол *tag* «устанавливать» (здесь — в значении «восстанавливать»): *ni₃ babbar-bi sag₂ ba-ab-dug₄-ga-ba sug-ge₄ ba-ab-gu,-a ⁴en-lil₂ lugal kur-kur-ra-ke₄ ki-bi- e₃ in-mar-ra-am₃*, «Его (Ниппур — В.Е.) сияющее имущество, рассеянное, уничтоженное, Энлиль, царь стран, на месте его поставил» (Nippur Lament, 268–269). См. также Siniddinam, E: ⁷*mi -hur me mah-bi*
⁷⁴*ki-bi mi-ni-in-kim₂-kim₂* «Он восстановил (букв: «на место свое вработал») предначертания и высокие МЕ (трона Ишкура)» (73–74).

- ⁶ Ср. *arnī MUŠEN ana šamē lišēli* «пусть птица унесет мой грех в небо» (JNES 15, 140:22; Lipšur). Напротив, в шумерском календаре из Ура четвертый месяц был назван в честь праздника *ezen-u₅-bi₂^{mušen}-ku₂* «праздник поедания птицы уби» (UET 3, 342; YOS 4, 228; Cohen, 1993, 147–148). Эта же птица упоминается в школьном тексте о собирании всех птиц богиней Нанше (к сожалению, контекст разбит; Cohen, 1993, 148). Интересно, что И. М. Дьяконов переводит название месяца «Праздник поедания птицы

искупления» (Дьяконов, 1990, 293), т. е. он полагает, что эту птицу (или этих птиц) убивали во искупление пропчинностей общинников перед богами. Вполне возможно, что в раннее время птиц приносили в жертву силам плодородия, и только одной из них даровалось помилование. Позднее же жертвоприношение было заменено ритуалом искупительного выпуска всех птиц. Впрочем, это только гипотеза.

- ⁷ Следует заметить, что представление о возвращении всего сущего к первоистоку в равной мере распространялось и на явления природы, ср. шумерское наименование ночи *u₄-ama-bi-še₃-gi₄-a* «возвращение дня к своей матери» (акад. *lNiātum*; AHw, 552).

- ⁸ Контексты собраны в PSD, A 3, *ama-ar-gi₄*. Самым ранним является контекст из надписи Энметены: ⁴*Nanše E₂-engur-ra-zu₂-lum-ma mu-na-du₃ mu-ni-tum₂ ama-gi₄-Lagaš^{ki} [e]-mar ama dumu i₃-ni-gi₄ dumu ama i₃-ni-gi₄ ama-gi₄-še-ur₃-ka e-mar u₄-ba En-me-te-na-ke₄ ⁴Lugal-e₂-muš₃-ra E₂-muš₃-pa₅-ti-bir₅-ra^{ki}-ka...mu-na-du₃ ki-be₂ mu-na-gi₄ dumu-Unug^{ki} dumu-Larsa^{ki} dumu-Pa₅-ti-bir₅-ra-ka [ama]-gi₄-bi e-mar ⁴Innin-ra Unug^{ki}-še₃ šu-na i₃-ni-gi₄ ⁴Utu-[ra] Larsa^{ki}-še₃ šu-na i₃-ni-gi₄ ⁴Lugal-e₂-muš₃-r[a] E₂-muš₃-še₃ šu-na i₃-ni-gi₄* «Для Нанше Энгурразулума он построил, ей преподнес, возвращение к матери (для) Лагаша он установил: мать к сыну своему вернулась, сын к матери своей вернулся. Возвращение к матери для выплаты долгов по зерну в рост он установил. Когда Энметена для Лугальэмуша Эмуш в Бад-Тибере... построил, на место

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

его вернул, — для сыновей Урука, Ларсы и Бад-Тибры возвращение к матери он установил: к Инанне в Урук вернул, к Уту в Ларсу вернул, к Лугальэмушу в Эмуш вернул» (Ent. 79, 3:6—6:6). Здесь не просто отождествляются, а ставятся в каузальную связь три разнoplановых факта: восстановление старого храма, отмена долговых обязательств по выплате ячменя с процентами, освобождение и возвращение домой граждан других городов. Вполне возможно, что все эти события происходили в начале года.

- ⁹ Термины, означающие различные виды взяток, которые общинники давали чиновникам и жрецам.
- ¹⁰ Основными значениями аккадского глагола *tâgi(m)* являются «поворачивать, поворачивать назад; вновь становиться (кем или чем-либо)»; затем идет «превращать(ся)» (CDA, 401). Это означает, что совершается поворот назад, но полного кругового оборота на 360 градусов не происходит. Для вавилонянина «возвращение» — это «вращение назад» или «превращение», но не повторение всего цикла в шумерском смысле.
- ¹¹ Подробный разбор генезиса этого мотива сделан в нашей работе «Путешествие Гильгамеша к Утнапиштиму», готовящейся к печати.

А. Г. Сущевский

О терминах «ПИКТОГРАММА», «ЛОГОГРАММА» и «ИДЕОГРАММА»

ЭТИ ТЕРМИНЫ привычны всякому прошедшему подготовку по древневосточной специализации, поскольку история письменности древних Египта и Месопотамии без них не обходится. Однако, привычка к терминам еще не есть понимание их содержания. А неразрешенность ряда проблем при научном описании иероглифики и клинописи определяет размытость концептуальной основы, — достаточное условие для формирования неадекватной терминологии или наполнения ее не соответствующим предмету содержанием. Например, при анализе парфянских, ахеменидских и сасанидских деловых надписей, выполненных арамейским письмом, специалисты нередко употребляют термин «идеограмма». По существу, в этом случае имеется в виду запись арамейской лексемы, которая интерпретируется по-персидски и снабжается персидскими же аффиксами.

Как станет ясно далее, эта форма записи заслуживает обозначения «логограмма» (точнее, «лексемограмма»). Опасность здесь состоит в том, что затверженная при обучении, эта терминология полагает предел исследовательскому потенциалу и определяет направление исследования, которое не расширяет наши описания, а, в лучшем случае, возвращает к давно известному.

Разумеется, много раз доводилось слышать, что практического значения «копание в терминологии» не имеет. Это, де, типичный чжен мин, «исправление имен», знаем эти конфуцианские штучки. Как неадекватность терминологии сужает наш когнитивный и исследовательский потенциал я покажу в конце статьи. А теперь перейдем к собственно содержательному контексту терминов, вынесенных в заглавие.

За отправную точку отсчета, казалось бы, следует принять формулировки в грамматиках Э. Х. Гардинера и В. фон Зодена, которые в отзывах специалистов все-таки устойчиво упоминаются как «базовые курсы», определившие современные представления о знаках письменности Египта и Месопотамии. Однако в действительности, именно современные терминологические описания знаков письма восходят к положениям работы Игнация Дж. Гельба *A Study of Writing*, Chicago-London, 1963. Поэтому корректным будет представить терминологическую парадигму всех трех авторов последовательно.

В грамматике В. фон Зодена описание характера так называемой клинописи дано следующим образом: «шумерская система представляет собой смешанную словесно— и слоговую письменность» (*einer gemischten Wort— und Silbenschrift*; фон Зоден 1952, § 5, С. 6). Фон Зоден для описания знака пользуется термином *Wortzeichen*, которому дает только функциональное определение: «словесный знак (менее удачное выражение «идеограмма») использовался для аккадских слов,... шумерское *an* «небо» читалось бы теперь по-аккадски *Samu*,...» (фон Зоден, 1952, § 5, С. 7). Таким образом, автора интересует только интерпретация знака читающим, но не то, что же фиксировал писавший. Другими словами, термин *Wortzeichen* представляет проблему с позиции восприятия (в том числе, современного) и соответственно, навязывает эту позицию.

Между тем, сразу стоит установить, что знак просто не в состоянии представлять слово, поскольку последнее есть элемент верbalного, а не визуального описания объекта. Кроме того в структуре языка, равно как и в речи представлена всегда словоформа, т. е. основа, операции с ней и аффиксы. В слове отражены элементы структуры языка в едином морфологическом комплексе, который принципиально далек от «образного» описания объекта и не может быть представлен визуально, ведь тогда надо изобразить картину из лингвистических объектов, что абсурдно.

Мы можем, используя образы визуального описания, изобразить число и род, но как быть с видом, классом, падежом, каузальной атрибуцией? Эти элементы описания представлены только на уровне вербальном и визуальному опыту просто не доступны. Необходимо пройти путь накопления опыта, который позволил бы осознать проблематику перехода от визуальной репрезентации к отражению вербальных структур, не представленных в формальной реальности. Поэтому, как пишет И. Т. Канева, «лишь с 2500 г. до н. э. стало возможным передавать, как правило, все главнейшие грамматические морфемы,...» (Канева, 1996, С. 12). Она так же отмечает, что «каждый знак являл собой идеограмму, так как задавал не произношение какого-либо отдельного слова или его отрезка, но указывал на употребление любого слова в пределах определенного семантического поля» (Канева, 1996, С. 11), т. е. идеограмма, по существу, представляла скорее «семантическое поле», нежели чем собственно «слово». В связи с этим попутно замечу, что термин «идеограмма» оказывается вполне достаточным для описания данного явления и нет никакой необходимости для ввода термина «семограмма», который незаслуженно получил широкое применение.

Э. Х. Гардинер дает определения знака, вполне заслуживающее английского *tantalizing*: «Даже в полностью развитой форме иероглифического письма следует четко различать только две группы знаков: (1)

смысловые знаки или идеограммы (от греч. *idea* «образ», «понятие» и *gramma* «письмо»); (2) звуковые знаки или фонограммы (от греч. *phone* «звук» и *gramma* «письмо»). И несколько далее: «1. Идеограммы или смысловые знаки обозначают непосредственно изображенный предмет, ...2. Фонограммы или звуковые знаки — это знаки, используемые для обозначения звуков» (Гардинер, 1957, §§ 6—7). Следует ли заключить, что знак, представляющий «непосредственно изображенный предмет», является просто рисунком, тогда как знак письма должен по необходимости представлять элемент структуры языка?

Именно эта концептуальная некорректность привела к представлению о бинарной модели записи слова «фонетическая часть и детерминатив». Последний понимается как «немой знак», т. е. не представляющий «звучашего слова». И эта же модель привела к идее так называемой «пиктограммы» (для начала, это термин крайне некорректный с точки зрения анализа его основ: *pictus* > *pingo* есть латинский перевод для γράμμα > γράφω). Одна некорректность рождает другую. Идеограмма и «пиктограмма» терминологически оказываются аналогичны, но лингвистам известно, что «пиктограмма» не является, как таковая, знаком письма, т.к. не представляет элемент языковой структуры. И если последовательно анализировать бинарную модель «фонетическая часть-детерминатив», то получится, что собственно знаками письма являются

только «фонограммы». Следовательно, в основе египетского письма лежит все же запись звуков речи!

Насколько мне известно, сам Э. Х. Гардинер этот вывод в его предельном выражении не делал (иначе он получил бы набор моноконсонантных фонограмм в середине IV тысячелетия до н. э.), но его сделал лингвист И. Дж. Гельб. У него мы находим: «На протяжении всей своей многовековой истории египетское письмо оставалось словесно-слоговым («лого-силлабическим»), то есть употребляющим как знаки для слов (логограммы), так и знаки для отдельных слогов (силлабограммы). Термин «силлабарий», применяемый нами для обозначения египетских фонетических (несемантических) знаков, следует понимать в его самом обычном смысле, то есть как систему, содержащую слоговые знаки» (Гельб, 1976, С. 279).

Описание «несемантический» вводится Гельбом как характеристика самого знака, а не как частная его функция; без этого постулата нельзя построить систему специализированных фонограмм в египетском письме и вывести из нее систему семитских графем; если же показать, что египетский знак принимает функции и идеограммы, и морфемограммы, и графемы для морфа, то силлабарий в ней нельзя будет представить как устойчивую и даже ведущую систему.

Поэтому: «Сходство структуры египетских фонетических знаков и знаков семитского письма очевидно» (Гельб, 1976, С. 285). Помимо всего прочего,

положения И. Дж. Гельба о египетских знаках на СС. 280—285 просто не нуждаются в критике, например, С. 284: «В исключительно редких случаях (для «забавы») в египетском письме в качестве силлабем употреблялись и трехсогласные знаки, в обычном письме имевшие лишь логографические чтения (...). Не специалисту сразу не видна терминологическая подмена: под «египетским письмом» И. Дж. Гельб разумеет не собственно древнюю письменность (у него «обычное письмо»), а так называемую «новую орографию», которая появилась в XV веке до н. э. под влиянием аккадского силлабария. Это действительно была фонографическая система, но принципиально отличная от традиционной модели идеографии в так называемой иероглифике.

Однако, это были уже мелкие частности. Наиболее разрушительным было, конечно, положение о так называемой «логограмме». Это положение было принято многими ведущими лингвистами, например, И. М. Дьяконовым в ассириологии и В. Шенкелем в египтологии.

Рассмотрим их позиции. В знаменитом у нас предисловии к книге Иоганнеса Фридриха «История письма» (Фридрих, 1979) Игорь Михайлович писал: «(С. 10) Во всех этих письменностях имеются системы знаков, называемых графемами, каждая из которых соответствует строго определенной единице речи: слову определенного звучания — в словесном письме,

последовательности значащих звуков (не обязательно именно слогу) — в «слоговом», значащему звуку (фонеме) — в буквенном письме, или алфавите». И далее: «Трудность перехода к словесному письму заключается в том, что человек лишь постепенно овладевал искусством связывать мнемонические знаки с отдельными элементами речи — словами».

Итак, «логограмма» — это графема, которая соответствует звучащему слову. Это положение устраивало далеко не всех филологов и даже вносило путаницу. Яркий пример — это полное терминологическое смешение в Тюбингенской школе египтологии, которую представлял В.Шенкель. В его многократно переизданной грамматике есть и такой пассаж, который остается здесь без перевода, от которого он только проигрывает:

«(3.1.2 Notation und Kennzeichnung)

- a) Grundsätzlich ist es möglich, sprachliche Einheiten wie Phonogramfolgen, Morfeme, Wörter mit Hilfe einer einfacher Abbildung in Schriftelelemente... zu notieren;.... Semogramme in dieser Funktion heißen Logogramm, d.h. Wortzeichen, oder — üblicher — Ideogramm, d.h. Begriffszeichen» (Шенкель, 1994, С. 41).

Все, что только возможно, В. Шенкель соединил в единое терминологическое тождество.

То же положение вещей обнаруживаем и у А. Лоприено: «... many items of the basic vocabulary of the Egyptian are expressed by semograms which indicate their own semantic meaning. They do this iconically(...), through rebus(...) or symbolically(...). These signs are called logograms (also labeled ideograms by Egyptologists):...» (Лоприено, 1995, С. 12 след.). За этим встает призрак полного абсурда, не правда ли?

Работа Пьера Мериджи о хеттских иероглифических текстах и их грамматике вполне разрешила проблему, но осталась не замеченной. У П. Мериджи мы встречаем: «...я отклоняю попытку Гельба заменить термин “идеограмма” термином “логограмма”. Предлагаемый им термин можно применять как перевод нем. *Wortzeichen* для всего комплекса ... LUGAL-ti-s: весь комплекс можно назвать логограммой, но LUGAL — идеограмма. Только в тех случаях, когда идеограмма остается без дополнений, применим как тот, так и другой термин» (Мериджи, 1980, С. 238, п. 1).

Среди филологов нашего Университета Ю. С. Маслов, описывая принципы древнего письма, предложил следующее: «Идеограммами мы называем письменные знаки, передающие значение единицы языка непосредственно (не через передачу звучания). ... Важнейшим типом идеограмм являются логограммы (лексемограммы), соотносимые с целыми словами... . Встречаются также морфемограммы, служа-

щие обозначением морфем...» (Маслов, 1998, § 270, СС. 239—240). Важно то, что термин «логограмма» показался автору «Введение в языкознание», по-видимому, неудобным, и он предпочел его скорректировать. Здесь, в сущности, мы возвращаемся к положению И. Т. Каневой о представленности в знаке не слова, а семантического поля, элементом которого лексема и является.

Складывается впечатление, что среди последователей И. Дж. Гельба сложилось две линии интерпретации термина «логограмма»: дифференцирующий, как более корректный, в котором «логограмма» представляет все же не элемент речи, а элемент семантической структуры языка, лексему; и контаминирующий, представляющий идеограмму, семограмму и логограмму друг через друга. А. Лоприено отмечает, что «семограмма» может представлять и само слово, и следовать за «фонетической частью», т. е. быть «немым знаком» в терминологии Н. С. Петровского.

Для самого Николая Сергеевича такое положение было бы неприемлемым, поскольку он строил «систему знаков» и определял конкретный знак строго по его функции. При этом Петровский определял элементами подсистем не сами знаки, а их частные функции: «у системы звуковых знаков три элемента: односогласные, двусогласные, трисогласные, знаки». Т. о. характеристики знака описывались не когнитивными

особенностями сознания, а местом в логико-классификационной модели.

Описывая элементы идеографической системы, Н. С. Петровский отмечал, что «она состояла из:

1) пиктографических знаков, при помощи которых писались слова без расчленения на звуки, но которые произносились ...

2) идеографических знаков, при помощи которых записывались отвлеченные понятия, связанные по смыслу с рисунком. Они тоже произносились;

3) детерминативов общих...

4) детерминативов частных...

Три элемента системы звуковых знаков выступают как низшие элементы подсистемы. Элементами элементарных подсистем являются сами знаки» (Петровский, 1978, С. 63).

«Системный подход» представлял модель описания, в которой логическая структура на несколько уровней важнее/выше условий, определяющих характеристики знака письма и формирующих само явление письменности. Знак перемещался в искусственно построенный контекст. Н. С. Петровский сам не смог определить место своим «морфографемам» среди «фонетических знаков» и, тем более, «идеограмм» и «пиктограмм».

Исходным пунктом формирования знака был для Н. С. Петровского как и для всех других процесс чле-

нения «речевого потока», хотя известно, что условием появления идеограмм этот процесс не является.

Мы так же твердо знаем, что впервые структуры языка начали передавать именно идеограммы (так их определяют, отличая от пиктограмм). Следовательно, членение речевого потока в лучшем случае вторично в истории формирования знака письма. Сбивает с толку как будто появление в первой половине III тыс. до н. э. указания аффиксов. Но аффикс — это не элемент речевой деятельности. Это элемент морфологической структуры, морфема!

В принципе это означает, что писец стремится не к указанию звучания, а к указанию формы, уточняющей содержание, семантику (илл.1). Другой вопрос, что строй языка может подсказать различные средства для указания морфологии, которые удобно отразить на письме. В шумерском этим средством оказался слог и это было принято в аккадском, что обеспечивалось грамматической нагрузкой на гласный. В египетском указание на слог оказалось не актуальным, как и в китайском, но по различным причинам (отсутствие трансфикса и изолирующий строй).

Что же все-таки представляет на письме идеографический знак? По Маслову, это лексема. Но знак для биконсонантных основ чаще всего представляет и предмет, и его привходящее свойство, объекты лексически дифференцированные. Скажем, в русском «клей» представляет все-таки две лексемы: «вещество»

и «действие», хотя внешняя форма аналогична. Это и определяется тем обстоятельством, что лексема есть результат акта номинации объекта с категориально-семантической характеристикой (либо предмет, либо свойство).

Знак для биконсонантных основ дифференциацию для пары «объект — свойство» не отражает (илл. 1). Следовательно, он представляет не акт номинации, а описание концепта, объекта только мыслимого, которому могут соответствовать несколько лексем, что, собственно, мы и наблюдаем в феномене так называемой «полисемантичности» (знак распознается через соответствие разным основам) (илл. 2).

Итак, идеографический знак представляет визуальное описание концепта, объекта идеального, а не формального. Идеальным объектом в структуре языка является морфема, поскольку идею, мыслимый образ, она представляет, но «название», номинация, через нее не происходит.

Теперь перейдем к «логограмме». Какой, собственно говоря, *λόγος* она представляет? Уточним содержание греческой основы *λόγος*: ее латинские эквиваленты: *dictum*, *oratio*, *ratio*, т.е. слово сказанное, не грамматическое; а так же «речь, рассказ, историческое сочинение, книга»; помимо того, положение (философское), разумное основание, понятие, смысл (т.е. рациональное истолкование).

Так что же следует понимать под означаемым «логограммой»: словоформу, как она представлена в речевой реализации или рациональное истолкование типизированного образа, «рисуночного знака»?

Когда связывают термин «логограмма» с *Wortzeichen*, очевидно, имеют в виду первое. Когда говорят о представлении знаком «абстрактных понятий», то, по-видимому, «рациональное истолкование семантического содержания визуально представленной формы».

Однако, адекватно ли такое применение термина «логограмма» условиям, в которых складывался визуальный образ как знак письма? Уже достаточно ясно установлено, что такой знак представлял не элемент членения звучащей речи, а некий концепт, имеющий вербальное соответствие, интерпретацию вне собственно грамматических отношений.

Что касается второй интерпретации «логограммы», то где показано наличие «понятия» как концепта, тем более понятия абстрактного, в системе описаний IV—III тысячелетий? Как это ни странно, но подлинно документально продемонстрировать проблему формирования знака письма удалось Дениз Шман-Бессера на материале далеко не филологическом (Шман-Бессера, 1990). Она показала, что первым шагом в формировании знака было перемещение информации из создавшего ее контекста. Второе ее важное положение состоит в том, что знак «отделяет знание

от знающего» при фиксации сообщения в статичной визуальной форме, а не в изменчивой устной форме, которая предполагает модуляцию голоса и собственно речь. Символ, согласно Дениз Шман-Бессера, появляется в строго определенном социально-историческом контексте, как инструмент контроля при перераспределении произведенных продуктов.

Формулируя иначе, из широкого описания связей объекта актуальна только одна, та что представляет его как продукт распределения. Эта узость описания или, если угодно, его сфокусированность, позволяет представить объект через условный образ.

Перенос образа из широкого контекста описаний в узкий, когда актуальны только номенклатура и количество, делает образ инструментом презентации логических структур. Другими словами, образу «козы» можно приписать не только свойства внешней природы «мелкое копытное горных долин с длинной шерстью и гнусным запахом», но и нечто из социального контекста: «продукт», т. е. привходящее свойство, самой козе чуждое.

Так рождается инструмент, позволяющий давать описания явлений социального контекста (то, что обычно неверно описывают как «абстракции», например, «красота»), представляя их через образы внешнего мира. Это, собственно, и имеют в виду под «символизмом» идеограммы. Таким образом, едва ли корректно

говорить о «рациональном истолковании» знака в период формирования древних письменных систем.

* * *

Итак, проведенный анализ приводит меня к выводу о том, что с точки зрения истории письма и строго лингвистически термин «логограмма» И. Дж. Гельба не корректен. Его использование вводит в исследования неадекватное положение о формировании знака от речевого членения, а не в тонком процессе перехода из области визуального описания к вербальному.

Пиктограмма (как часть пиктографии) также термин некорректный, так как пиктография не показывает сегментных элементов вне целой картины (илл.4). Стоит только вычленить устойчивый элемент рисунка и он приобретет характеристики идеограммы.

Пиктография — это визуально представленная картина события, не затрагивающая логических структур. Грамматическое время, пространство, вербальный синтаксис в ней не отражены. Грань «вербальное\невербальное» калибрует идеографию и пиктографию: первое — начало письма, второе — предельный ресурс рисунка в коммуникации.

С другой стороны, термин «идеограмма» требует уточнения. Если мы говорим о визуально-образной представленности элементов структуры языка, то последовательно интерпретировать «идеограмму» в смысле «образ, фигура, статуя», как, собственно, мы и

наблюдаем ее на древнейших памятниках Египта, где нет грани между идеограммой и собственно фигурой рельефа, изображением (илл. 3).

Библиография

- Гардинер, 1957 — A.H.Gardiner. *Egyptian Grammar, being an Introduction to the Study of Hieroglyphs.* 3 ed. Oxford, Griffith Institute, 1953 (русский перевод взят с сайта www.egyptology.ru, §§ 6—7, СС. 7—8 текста перевода).
- Гельб, 1976 — И. Гельб. Западносемитские силлабарии (в кн.: Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки (сборник статей), перевод А.М. Кондратова), М., 1976.
- фон Зоден, 1952 — W.von Zoden. *Grundriss der Akkadischen Grammatik.* Analecta Orientalia 33, Roma, 1952.
- Канева, 1996 — И. Т. Канева. Шумерский язык, СПб., 1996.
- Лоприено, 1995 — A. Loprieno. *Ancient Egyptian. A Linguistic Introduction.* Cambridge, 1995.
- Маслов, 1998 — Ю.С. Маслов. Введение в языкознание, М., 1998.
- Мериджи, 1980 — Пьеро Мериджи. Учебник хеттского иероглифического языка (в кн.: Древние языки Малой Азии. Сборник статей под редакцией И. М. Дьяконова и В. В. Иванова, перевод Я. М. Боровского), М., 1980.
- Петровский, 1978 — Н. С. Петровский. Звуковые знаки египетского письма как система, М., 1978.

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

Фридрих, 1979 — Иоганнес Фридрих. История письма
(вступительная статья И. М. Дьяконова), М., 1979.

Шенкель, 1994 — W. Schenkel. *Tübinger Einführung in die klassisch-ägyptische Sprache und Schrift*. Tübingen, 1994.

Шман-Бессера, 1990 — Denise Schmandt-Besserat.
Symbols in the Prehistoric Middle East: Developmental Features Preceding Written Communication. Oral and Written Communication Historical Approaches, vol. 4, Sage Publications, 1990, pp. 16—31.

A. С. Четверухин

**Грамматика, логика
и философия
в афразийской
лингвистике**

РАМКИ СТАТЬИ и сложность темы предопределяют тезисный и дискуссионный характер изложения, обилие цитат и стиль подачи материала. Цель исследования — выявление факторов, доминирующих в становлении трех явлений, взаимосвязь которых неочевидна. Речь идет о:

- I. неполном согласовании грамматического сказуемого с подлежащим в начальной позиции;
- II. предполагаемом генетическом родстве предикативной и непредикативной определительных синтагм и тенденции к их разобщению;
- III. словопорядке С (= сказуемое) — П (=подлежащее) — Д (=дополнение) и об альтернативном ПСД в некоторых афразийских языках.

Если между этими явлениями действительно имеется взаимосвязь, то в основе ее должны лежать какие-то общие принципы. Проверим, так ли оно на самом деле.

Неполное согласование глагольного сказуемого с именным подлежащим в начальной позиции в классическом арабском констатируется широко¹. В. С. Храковский, рассматривая это явление, отмечает аналогии и вне афразийских языков, но его трактовка нас до конца не удовлетворила². Внешне оно проявляется в том, что в арабском языке при нормативном словопорядке СПД глагольное сказуемое (С) имеет частичное согласование (только по роду) с постпозитивным именным подлежащим (П), и то не всегда: в ряде случаев глагол (С) имеет форму ед. ч. м. р. независимо от числа и рода постпозитивного подлежащего (П). Тогда глагол согласуется только по 3-му лицу. Аналогично и в арабском именном предложении с grammaticalским сказуемым прилагательным или причастием. Но если в глагольном предложении сказуемое расположено после подлежащего, в большинстве случаев оно согласуется с подлежащим полностью, как и прилагательное или причастие в непредикативной согласованной определительной синтагме³.

Очень похожее явление наблюдается в египетском языке (старого и среднего состояния) в предложениях со сказуемым прилагательным: в препозиции к именному подлежащему оно выступает в неизменной форме, сравнимой с таковой м. р. ед. ч. Но в предикативной

определенительной синтагме «существительное — прилагательное» согласование имеет место⁴. То же можно сказать и о модели «существительное — указательное местоимение» в атрибутивной конструкции. Вместе с тем, для демонстративного ряда с алефом в виде второго компонента делается исключение: такой демонстратив в непредикативной определительной функции ставится перед определяемым им существительным, хотя позже, в новоегипетском, когда этот демонстративный ряд стал использоваться в предикативной конструкции (как подлежащее именного предложения), он занял вторую синтаксическую позицию, и, что особенно интересно, в целом сохранил согласование с именным сказуемым в роде и числе⁵. По мнению исследователей, демонстративный ряд «на алеф» является наиболее поздним и содержит указание на ближайший к говорящему предмет⁶. Быть может, именно семантика ближайшего указания как-то повлияла на позицию этого демонстративного ряда в непредикативной определительной синтагме? В староегипетском языке в той же конструкции и в той же позиции встречается редкая форма дв. ч. ж. р. *jptj* (ряд на -*p*): *jptj b'k.t.j* «эти/те обе служанки/работницы»⁷. В инвертированной позиции отмечены и демонстративы других рядов: *pf* и *pn*, причем в Текстах Пирамид (РТ 425d; 1376c; 1377c). Но просто потрясает прозорливость Эльмара Эделя при объяснении их инверсии в начальную позицию: «При особом ударении допустима перестановка и форм ед. ч.

демонстративов *rn* и *pf*⁸. Впрочем, то же утверждал и К. Э. Сандер-Хансен⁹.

Похоже, что демонстративный ряд на алеф действительно является новейшим, заменившим ряд на вав в этой функции, и означает «вот этот, именно этот». Тогда нет ничего удивительного в том, что в непредикативном определительном сочетании на нем располагалось (логико-)семантическое ударение, а в предикативном — логико-грамматическое. Акцентированные же формы в египетском языке в любых конструкциях стремились занять первую позицию (и реже — последнюю). Впрочем, такое же впечатление автор вынес и об арабском материале при чтении многочисленных работ по арабской филологии. Что же касается акцентуальной эмфазы египетских демонстративов на алеф, то она со временем ослабла вследствие ослабления самой своей семантики из-за сверхчастого употребления (тем более, что в среднеегипетском ряд на вав специализировался на функции формального и реального логико-грамматического субъекта в именном предложении, будучи представлен единственной формой *rw* — м. р. ед. ч.), но позиция местоимений на алеф в функции атрибута закрепилась перед определяемым. В свете вышесказанного не удивительно, что на место перед определяемым могли инвертироваться и местоимения «дальнего указания» ряда *f*, тем более, если они «гибридизировались» с рядом на алеф: *pf* «тот», *pf* «вон тот»; *f* «та», *f* «вон та»¹⁰. Но позиция перед определяемым не стала для них нормативной.

Таким образом, если обозреть данные по атрибутивной синтагме с определением — демонстративом, то напрашивается следующий вывод: конструкция «имя + демонстратив» относится к семантически не-подчеркнутому или к немаркованному типу, тогда как конструкция «демонстратив + имя» — к семантически подчеркнутому. Стало быть, даже в атрибутивной (непредикативной) синтагме возможно выделение двух типов конструкций по степени эмфазы или экспрессивности определения. То же, вероятно, будет корректно и в отношении конструкций с прилагательным в роли непредикативного определения в арабском языке, см. выше.

Выше шла речь о непредикативной определительной синтагме, где конституентами являются имя и указательное местоимение. В предикативной синтагме того же состава в старо- и среднеегипетском инверсии не происходит, зато наблюдается ослабление согласования вплоть до его полной утраты, а демонстратив застывает в неизменной форме *ri*. В новоегипетском демонстратив *r3* (*t3*, *n3*) в определительной непредикативной функции предшествует определяемому и превращается в определенный артикль. *R3* сочетается также со старыми личноместоименными суффиксами и превращается в новое личное притяжательное местоимение, занимая позицию перед определяемым. То же указательное местоимение вытесняет ряд *rw* в предикативной конструкции того же состава, но в отличие от застывшего *rw*,

возобновляет согласование с предикативно определяемым именем, см. также выше¹¹. Правда, если логическое ударение лежит на этом местоимении в предикативной конструкции, оно выдвигается вперед и пишется как *rȝw*. В общем то же наблюдается и в египетском языке новейшего состояния — в коптском¹²; в последнем вышеупомянутом случае новоегипетскому *rȝw* соответствует коптское *րቃ* (*ዋቃ*, *ቃቃ*). Но еще и в староегипетском логический акцент можно было поставить на демонстративе, если он входил в состав вопросительного предложения как вопросительное местоимение, тогда он инвертировался в начальную позицию. В повествовательном предложении он сохранял конечную позицию, но здесь постановка на нем логического удара требовала превращения двучленной конструкции именного предложения в трехчленную и усиления *rwA* за счет дополнительного демонстратива *nn*¹³.

Если допустить, что афразийские префиксальные глагольные фиентивные формы восходят к относительным формам, а суффиксальные, выражющие качество и состояние, — к стативным спрягаемым причастиям, предикативная определительная синтагма — к непредикативной с порядком «определенное — определение», на что намекает И. М. Дьяконов¹⁴, то в отношении афразийского материала складывается довольно цельная и правдоподобная картина. То, что именные предложения модели «имя + демонстратив» можно возвести к непредикативной определительной синтагме, было указано

нами в свое время¹⁵. Но не слишком ли гладкой получается общая картина? И как быть с соответствием доминирующего порядка слов «глагол (сказуемое) — подлежащее (существительное) — дополнение» словопорядку непредикативного определения «существительное (определение) — прилагательное / причастие (определяющее) / демонстратив» во многих афразийских языках? Как преодолеть это расхождение? Но главное — невозможно себе представить, что непредикативная определительная конструкция возникла раньше предикативной в начале глottогонического процесса. Допустим, что изначальными дифференциальными средствами были супрасегментные (паузальность, ударение фразовое, логическое в противовес синтагматическому и семантическому в непредикативных конструкциях), тогда что же лежит в основе того, что в действительности мы имеем довольно неоднородную картину? Придется коснуться семантики простейшего предложения.

По логике вещей язык начинается с выражения законченной мысли. Напрашивается предположение, что в основе всего лежат односоставные предложения (назывные и императивы), базирующиеся на лексемах предметной и указательной семантики наряду с таковыми семантиками действия, качества и состояния. Тогда легко можно представить себе и предложения вроде «Камень.», «Это.», «Дай!», «Хороший/пригодный» и т. п. Это, фактически, назывные предложения. Не очень трудно, манипулируя методами порождающей грам-

матики, все их возмести к предложениям тождества¹⁶, в которых «представитель» обозначаемого формально отсутствует, зато представлено его словесное название, играющее роль слова-предложения. Но без вышеуказанного «представителя» предложение со временем перестало ощущаться как законченное, и первобытному коллективу очень рано пришлось перейти на двусоставные предложения, и первым шагом, вероятно, стали такие типы «Камень это.», «Давание это.», а уж затем и другие двучленные конструкции: «Камень пригодный.», «Дай камень.», что повлекло за собой расширение конструкции до трехчленной: «Камень пригодный это.», «Дай камень пригодный этот» и т. п. Для лучшего понимания этого процесса мы бы порекомендовали малоизвестную и практически забытую книгу Б. В. Якушина «О происхождении языка». Изд. «Наука». Научно-популярная серия. М., 1985. Если наш ход мысли верен, то непредикативные определительные синтагмы никак не старше простейших двучленных предложений. По мере усложнения процесса синтаксирования из предикативной определительной конструкции достаточно было удалить супрасегментно выражаемый квантор экзистенциальности¹⁷ ради элиминации пропозициональной функции и превращения предложения в атрибутивное определение, служащее «строительным материалом» для дальнейшего усложнения предложения.

Ну а какие же реальные дифференциальные признаки для различия предикативной и непредикатив-

ной определительных конструкций мы имеем реально в афразийских языках?

1. Супрасегментные средства.
2. Рассогласование конституентов.
3. Инверсию.
4. Расширение конструкции посредством дополнительного дейксиса.

Сам же факт идентификации предполагает семантику «существования, действительности, наличия». Видимо, поэтому А. И. Еланская, «препарируя» два коптских спряжения, постулирует для них «предложение наличия» как исходный материал¹⁸. Расширение конструкции именного предложения в египетском за счет дополнительного дейксиса было рассмотрено нами ранее¹⁹. Это и есть формальная экспликация квантора экзистенциальности в этом типе предложения.

Итак, мы отчасти осветили проблемы 1) и 2), анонсированные в начале статьи. Переходя к проблеме 3), проверим, насколько словопорядок в языке является одним из системообразующих факторов, т.е. насколько регулярно он увязывается с другими феноменами языка того или иного словопорядка. Напомним, что в отношениях дополнительной дистрибуции в афразийских языках мы имеем дело, как правило, со словопорядком СПД и ДПС, реже — ПСД. Для этого обратимся к исследованию Дж. Гринберга²⁰, где проанализирован материал 30-ти языков различных семей с порядком конституентов ПСД, ДПС и ПДС²¹ и установлено

45 универсалий, важнейшими из которых нам представляются следующие:

«(3) Языки с доминирующим порядком СПД характеризуются наличием предлогов». В старо- и в среднеегипетском активно функционируют около сотни предлогов²².

«(6) Все языки с доминирующим порядком СПД имеют порядок ПСД как один из альтернативных или единственно альтернативный». Учитывая инверсию логического сказуемого в начальную позицию и адвербильную предикативную конструкцию, этот вывод действителен для многих афразийских языков.

«(12) Если язык имеет доминирующий порядок СПД в повествовательных предложениях, то в вопросительных с вопросительными словами в этом языке последние всегда стоят на первом месте». В целом это действительно для египетского языка старого состояния, но и здесь мы наблюдаем окказиональную постановку вопросительного слова в конечную позицию²³. В коптском языке оба варианта, по-видимому, равноправны²⁴.

«(16) В языках с доминирующим порядком СПД спрягаемый вспомогательный глагол всегда предшествует смысловому глаголу». Именно так дело обстоит в египетском, и не только.

«(17) С вероятностью, большей, чем случайная, можно ожидать, что в языках с доминирующим порядком СПД прилагательное стоит после существительного. Для старо- и среднеегипетского это «наполовину»

очевидно, ибо спряжение «форм новой флексии» — посессивное. Если предположить, что показатели «формы качества и состояния», родственной аккадскому стативу и арабскому перфекту, восходят к локативному ряду (ср. нашу статью «древнеегипетский язык» в Лингвистическом энциклопедическом словаре. М., 1990, с. 140—141), то можно говорить о полной корреляции словопорядков в предикативной и непредикативной определительных синтагмах египетского языка старого состояния.

«(23) Если в предложении имя существительное собственное предшествует нарицательному имени существительному, то язык принадлежит к числу тех, в которых управляющее существительное предшествует зависящему от него генитиву». По крайней мере в тифорных египетских и аккадским именах собственных имя божества стремится занять первую позицию, а определение, независимо от его характера, — вторую. Генитивная же конструкция в афразийских языках старого и среднего состояния²⁵ строится преимущественно по модели «определяемое — определяющее» кроме тех случаев, когда на «определяющем» лежит логическое или семантическое ударение.

«(26) Если язык обладает прерывистыми аффиксами, то в нем всегда представлена либо префиксация, либо суффиксация, либо то и другое вместе». Именно так обстоит дело в афразийских языках.

«(27) Если язык исключительно суффиксальный, то это язык с послелогами; если префиксальный, то с предлогами». Либо положение некорректно из-за недоучета языков с иной картиной, либо свидетельствует о том, что в египетском языке накануне его письменной истории произошла перестройка глагольной системы, в результате чего старинные формы префиксального спряжения были вытеснены формами т.н. новой флексии, в основе которых лежат отглагольные имена, после которых может следовать (или нет) «видо-временной(?)» формант, а за ним уже располагается исключительно суффиксальное личное местоимение, так что такая финитная глагольная форма копирует модель генитивной конструкции. В семитских языках, где издревле сосуществовали конфиксальная и суффиксальная глагольные формы, послелоги, как и в египетском, не получили развития²⁶.

«(30) Если глагол имеет категории лица и числа или если он имеет категорию рода, то он обязательно должен иметь и категории времени и наклонения». В египтологии и семитологии периодически возобновляется дискуссия о том, когда и как именно видовые категории тех или иных глагольных спряжений преобразовались в видовременные, а отчасти и в чисто временные. Ю. Я. Перепелкин в беседе с автором этих строк выражал уверенность в том, что категория времени была присуща египетскому глаголу еще в староегипетском, но письменного доказательства своей правоты не оставил. Дж. Гринберг мог бы вывести и такую (частичную)

универсалию (точнее — фреквенталию): «Если маркеры наклонения материально совпадают с маркерами падежей, то первые происходят от последних». Это верно для семитских языков старого и среднего состояния, и возможно, для египетского²⁷.

«(31) Если субъект или объект, выраженный именем существительным, согласуется в роде с глаголом, то обязательно согласуется в роде с существительным и прилагательное». В египетских формах «новой флексии» или посессивного спряжения согласование именного субъекта с финитной формой устанавливается только в случае подчеркивания именного подлежащего и вынесения его из финитной формы в «логически сильную позицию» — чаще в начальную, реже в конечную, причем в глагольной форме оно замещается соответствующей формой личного суффиксального притяжательного местоимения. Форма качества и состояния в аналогичных случаях постпозитивно примыкает к определяемому имени, согласование в таких случаях не всегда бывает полным²⁸. Прилагательное в атрибутивной функции (кроме немногих спорных случаев) в старо— и средне-египетском всегда стоит после имени определяемого и согласуется с ним в роде и числе. Но из-за прогрессирующей с конца Старого Царства редукции аусляута, ослабление согласования постоянно прогрессирует. См. пункт 40 ниже.

«(32) Если глагол согласуется с именным субъектом или именным объектом в роде, он обязательно согла-

суется с ним и в числе». За некоторыми исключениями верно для афразийских языков старого и среднего состояния при порядке ПСД. Но с дополнением согласование не отмечается. При порядке СПД согласование возможно только по роду — так в арабском, см. выше. Ср. наш комментарий к пункту (31).

«(33) Если между существительным и глаголом нарушается согласование в числе и связь их основывается на порядке слов, то глагол должен предшествовать существительному и стоять в форме ед.ч.» Это правило действительно для семитских старого и среднего состояния, см. выше. Можно предположить, что и имя действия, лежащее в основе форм «новой флексии» тоже имеет форму м.р. ед.ч. Напомним, что именно такую форму имеет египетское предикативное прилагательное в позиции перед существительным, что надежно верифицируется в случае с относительным египетским прилагательным, образованным от предлога «для»²⁹.

«(40) Когда прилагательное следует за существительным, прилагательное выражает все словоизменительные категории существительного. За определенными (но редкими) исключениями именно так дело обстоит в афразийских языках старого и среднего состояния. Но читаем далее: «В этих случаях существительное может не иметь формального выражения одной или всех этих категорий». Некоторая тенденция к этому проявляется в классическом арабском и в аккадском³⁰. В египетском же, по мере редукции суффиксальных показателей

падежа, рода и числа мы сначала наблюдаем обратную картину, а затем и ту, что отмечена Дж. Гринбергом. В результате, в новоегипетском категория прилагательного сходит на нет. В коптском сохраняется буквально горстка былых прилагательных.

Универсалии Дж. Гринберга были бы интереснее, если бы он оперировал данными сравнительно-исторического языкознания и ввел пункт 46: «Прозрачные» в плане этимологии формы, их компоненты, и целые конструкции демонстрируют более позднее происхождение по сравнению с «непрозрачными». На своем опыте мы давно убедились в этом. Тогда и формы «новой флексии» попадают в разряд инноваций, и предикативная конструкция «имя — демонстратив» — тоже. И то, и другое — результат вытеснения старых форм и конструкций в исторической ретроспективе. Наконец, порядок следования конституентов предложения, действительно являясь одним из системообразующих факторов, до известной степени коррелирует с порядком следования членов атрибутивной конструкции, но прямой эту корреляцию в интерпретации автора назвать нельзя. Да и по «сложным» пунктам достаточно много оговорок. Несмотря на безусловную полезность такого исследования, автор на стр. 151–152 сознается, что «чистого правила» вывести ему так и не удалось. Точнее — не удалось создать непротиворечивой системы. Впрочем, это и неудивительно. Язык противоречив (по самой своей природе) не менее, чем любой аспект окружаю-

щей нас реальности и самогó нашего отношения к действительности. Тогда сделаем то, что никто не делал до нас: процитируем соответствующее место упомянутого в примечании 14 сочинения И. М. Дьяконова *in extenso*, поместив свои ремарки в примечания. Ведь именно он ратовал в пользу прямой корреляции словопорядка ПСД и порядка членов в атрибутивной синтагме в афразийских языках в исторической ретроспективе, и наиболее полно изложил свои взгляды. Итак (с. 66):

«Обычно считается, что исконным для афразийских языков является следующий порядок слов в предложении: предикат — субъект — объект. Действительно, этот порядок слов, за исключением случаев выражения экспрессивного подчеркивания (выделено мною — А. Ч.), в целом выдерживается в древнеегипетском и в семитских языках (арабском, древнееврейском и др.), за редкими исключениями. Так, в аккадском иной порядок слов; он считается результатом влияния шумерского субстрата. В этих же языках выдерживается определительная конструкция по типу определяемое — определение. Однако в кушитских и чадских языках наблюдается иной порядок слов: субъект — объект — предикат, субъект — предикат — объект. В некоторых из этих языков и определительная конструкция имеет порядок «определение — определяемое».

Установить древность той или иной конструкции можно, сопоставив ее с образованием глагольных словоформ. В языках семитско-кушитско-берберской

группы субъект оформляется в глаголе префиксальными (выделено мною — А. Ч.) показателями лица, несомненно, восходящими к самостоятельному местоимению в косвенном (эрративном) падеже субъекта действия, а объект действия в этих языках предшествовал предикативному слову, а это последнее — объекту. Иначе говоря, для этих языков «арабский» порядок слов не является исконным...

Как мы знаем, в древнеегипетском предикат действия выражался определительной («новая флексия» или формы посессивного спряжения — А. Ч.) или послеложной (предлог + инфинитив — А. Ч.) конструкцией; вспомним также, что афразийские предлоги происходят, как правило, из имени и обычно управляют родительным падежом³¹, вследствие чего предложная конструкция все равно является разновидностью определительной. Субъект действия выражается здесь притяжательным (генитивным) местоимением или именем в родительном падеже после предиката — определяемого. Следовательно, и определительную конструкцию типа определяемое — определение можно считать исконной.

В кушитских языках наличие «древнего» префиксального спряжения указывает на первичность порядка слов субъект — предикат — объект. Поэтому перемену его в составе предложения живых кушитских языков следует, вероятно, отнести за счет воздействия субстрата, как в аккадском³².

Для чадских языков «обратный» порядок слов, если правильно наблюдение П. Ньюмена и Р. Шу, следует считать весьма древним, во всяком случае для определительной конструкции, поскольку именно этот «обратный» порядок слов, видимо, господствовал в период выработки чадской глагольной системы (выделено мною — А. Ч.)³³. Предикат здесь, как и в египетском, выражен определительной или предложной конструкцией, но при этом определение стоит на первом месте, а предикативное определяемое — на последнем. Несмотря на, очевидно, глубокую древность этого явления в чадском, свидетельства всех других ветвей афразийского заставляют считать его инновацией, вероятно, субстратного происхождения, хотя... чрезвычайно древней.

Говоря об определительной конструкции³⁴..., мы... имели в виду только простейший ее вариант.

(с. 67) В действительности же в афразийских языках мы встречаемся с несколькими различными возможностями³⁵:

а) определяемое (в форме st. *constructus*) непосредственно предшествует определению в родительном падеже (если оно — имя существительное)³⁶, или же определяемое в полной форме *status rectus* (при утере падежной флексии — st. *absolutus*) предшествует определению прилагательному и обычно согласуется в роде <с ним — А. Ч.>...

б) определяемое в полной форме предшествует определению в родительном падеже, но соединяется с

ним при помощи *nota genitivi*; если последняя склоняется, она согласуется с определяемым в родительном падеже³⁷. Этот тип определительной конструкции очень древен, на что указывает наличие одной и той же *nota genitivi*³⁸ в берберо-ливийских, египетском³⁹ и чадских; и тем не менее..., в семитских и кушитских языках *nota genitivi* образуется от других местоименных⁴⁰ основ...

в) для логического подчеркивания (выделено мною — А. Ч.) определения оно выносится вперед (обычно с *nota genitivi*), а определяемое сопровождается «подхватывающим» местоименным суффиксом, указывающим на определение. Или же определяемое остается на своем месте, но сопровождается подхватывающим местоимением (указывающим на имя — несогласованное определение; тогда определение — имя не выносится вперед — А. Ч.)...

Придаточные предложения на древней ступени развития афразийских языков рассматривались как второстепенные члены главного предложения, и в зависимости от их характера занимали в пределах главного предложения место определения, прямого или косвенного объекта, обстоятельства... В ряде семитских языков (египетском, некоторых кушитских), если определяемое имя стояло в женском роде, то придаточные предложения тем или иным приемом согласовывались с ним в роде. Аналогично придаточным определительным оформлялись и придаточные дополнительные, обстоятельственные и др., причем либо все придаточ-

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

ное предложение (в некоторых кушитских), либо его предикат оформлялись таким падежным показателем, которым было оформлено имя, игравшего ту же роль в качестве члена главного предложения (определение — родительным падежом, условное — дательным, локативом и т. п.). Из этих падежных показателей затем выработались показатели глагольных наклонений, впрочем, почти не пережившие средней ступени развития афразийских языков».

Связь между глагольной и именной флексией ощущали еще средневековые арабские филологи, недаром они «объединяют формы имперфекта глагола с формами имени в одну систему»⁴¹.

На основе общетеоретических положений своего учителя А. П. Рифтина⁴², И. М. Дьяконов⁴³ пришел, фактически, к выводу об общем происхождении именной и глагольной флексии в семитских языках. Этот тезис был подхвачен, развит и обобщен, но уже другим способом, Игнасом Джем Гельбом⁴⁴. Нас, однако, волнует другое.

Сам Н. Я. Марр и такие его последователи, как А. П. Рифтин и И. И. Мещанинов, явно или неявно (в завуалированной терминологии) признавали примат имени, и, как следствие, примат именного предложения по отношению к глагольному. Независимо от них, в отношении египетского к аналогичному выводу пришел Фридрих Юнге⁴⁵. По целому ряду причин, вдаваться в которые здесь нет возможности, теория Н. Я. Марра в свое время была предана анафеме, труды многих его

А. С. Четверухин

ГРАММАТИКА, ЛОГИКА И ФИЛОСОФИЯ...

учеников — фактически забыты, кроме таких стойких, как покойный академик И. И. Мещанинов, преемником которого явился Г. А. Климов со своей теорией контенсивной типологии. Сам И. М. Дьяконов, во многом вполне справедливо несогласный с теорией Н. Я. Марра, кое-что из нее почерпнул и удачно развил в полемике с его немногими adeptами. Равным образом и выводы Ф. Юнге были встречены отнюдь не однозначно. Эмоционально и в целом негативно на выводы последнего отреагировал автор данных строк, предложив свое собственное видение проблемы⁴⁶. Затем страсти улеглись, и теперь ко всему этому можно подойти хладнокровнее.

Начнем с того, что и сам Н. Я. Марр, и его adeptы, возводили свои построения вовсе не на пустом месте, а на построениях немецких авторов XIX — начала XX столетий, которые и пришли к выводу, что в основе финитного глагола должна лежать конструкция «действие + имя действия». Осведомленный лингвист поймет, о ком идет речь. Не будем засорять статью лишними сносками. Если же обратиться к материалу афразийских языков, то на нашей памяти, в беседе с коллегами, И. М. Дьяконов относил формирование праафразийского языкового континуума к концу верхнего палеолита, а распад этой общности датировал VIII тыс. до н. э.⁴⁷ Если следовать положению, что «имя» старше «глагола», то получается, что в языках всех семей образованию двухчленного предложения предшествовало обра-

зование атрибутивной конструкции. *Per se* это нонсенс. И выход из такого тупика можно предположительно найти в использовании, как минимум, разных супрасегментных средств для маркирования той или другой синтаксических конструкций. В дальнейшем обе конструкции еще более разошлись благодаря развитию дейктических средств, появлению падежной системы, инверсии, специализации ряда дейктико-релятивных морфем в роли актуализаторов высказывания, становления глагола «быть» и многим другим факторам. Тем не менее, на весьма ощутимые следы былой прямой корреляции между предикативной и непредикативной определительными конструкциями мы сталкиваемся во многих языках, в том числе и в афразийских, история которых прослеживается гораздо глубже, чем таковая индоевропейских. И по древности материала здесь-ton задает египетский, а по длительности непрерывного употребления и «выживаемости» вплоть до наших дней — пожалуй, семитский материал. Увы, все остальные ветви (или даже семьи) афразийской (супер)семьи языков дают, как правило, материал по языкам нового и новейшего состояния, а потому сопоставление их с языками старого и среднего состояния (египетского и семитских) чревато неадекватностью выводов. И именно сопоставление староегипетского и коптского показывает наилучшим способом, до чего же может измениться язык в ходе своего, как минимум, четырехтысячелетнего развития. А заодно заставляет задуматься о том, в

каком положении оказался бы исследователь коптского языка, не будь у него столь «знатных» старописьменных «предков». С уверенностью можно сказать, что мы имели бы невнятное описание вроде тех, которые фиксируют грамматику современных несемитских языков. Но при всем том, как староегипетское *prj rīw*, так и русское «дом это» ясно указывают на связь непредикативных и предикативных определительных конструкций в языках различного происхождения. Впрочем, на такую связь намекает и проанализированная выше работа Дж. Гринберга. В отношении афразийских языков на это прямо указывает выше И. М. Дьяконов. Ну а как же быть с многочисленными моментами несоответствия словопорядков предикативной и непредикативной определительных синтагм? Ведь таких примеров сколько угодно.

Здесь следует, вероятно, учесть мнение А. П. Юдакина, который на основе анализа материала нескольких сотен языков, заключает, что глottогонический процесс носит частично повторяющийся характер⁴⁸.

Учитывая это, а также результат и ход изменений в египетском языке в диахронии «староегипетский — коптский», можно смело предположить, что праафразийский в ходе своего дальнейшего развития, распада десятитысячелетней давности и дальнейшего расхождения «в лице» письменно-фиксированных «потомков» кардинально изменился, как минимум, дважды. В част-

ности, это касается и расхождения между конструкциями предикативного и непредикативного определения, чему способствуют также моменты неравномерности и скачкообразности развития, на что также указывал А. П. Юдакин.

Какие же лингвистические законы лежат в основе такого развития?

- 1) Закон о замене менее выразительных средств на более выразительные (экспрессивные);
- 2) Закон о выравнивании форм, парадигм и конструкций по аналогии;
- 3) Закон об экономии языковых (выразительных) средств;
- 4) Закон о неравномерном развитии языка (что объясняет наличие архаических форм наряду с броскими инновациями);
- 5) Закон о влиянии на развитие данного языка субстрата и адстрата (Порядковый номер закона ничего не значит, их можно менять местами).

И, наконец, 6) закон об ускорении развития языка-резидента, находящегося на путях миграции, и 7) закон о замедленном развитии языка, находящегося «в стороне» от путей миграции («язык» или «диалект» — здесь роли не играет).

На рематический характер вынесения вперед субъекта в арабском еще в конце VIII в. указывал Сибавейхи — первый арабский грамматист иранского происхождения, и это явление он никак не связывал со степенью

детерминации имени — подлежащего⁴⁹. Фактически тоже подтверждает и К. Брокельман⁵⁰. Начальная позиция как маркирующая широко используется в литературном арабском и в его современных диалектах⁵¹. Данный процесс активно развивался в арабских средневековых диалектах XIII — XVIII вв. В начальной позиции перед грамматическим подлежащим-существительным начинает исчезать «усилительная частица» *'inna*. Более того, на эту позицию устремилось независимое личное местоимение, за которым стало располагаться сказуемое даже в виде старых финитных форм, а не только причастия; и все это, по-видимому, уже безотносительно к позиции логического ударения⁵². Ср.: в классическом и современном арабском логически подчеркнутой является первая синтаксическая позиция, но «для (современного — А. Ч.) иракского диалекта особенно характерна постановка подлежащего перед глаголом-сказуемым»⁵³, и хотя в арабских диалектах Магриба «глагольное сказуемое... может располагаться перед подлежащим..., но при повествовании оно ставится преимущественно после подлежащего»⁵⁴. Правда, в марокканском диалекте рематической продолжает оставаться первая синтаксическая позиция⁵⁵, зато в тунисском диалекте глагольное сказуемое может быть расположено как до, так и после подлежащего «без какого-либо видимого изменения общего смысла (выделено мною — А. Ч.) фразы»⁵⁶.

Как субстрат на современные арабские диалекты воздействует язык Корана и базирующийся на нем ли-

тературный язык, на который, в свою очередь, воздействует язык живой, диалектальный, но уже как адстрат. Это уже способствует довольно простой взаимозамене позиций конституентов «безотносительно к позиции логического ударения», либо «без видимого изменения общего смысла фразы». Видимо, вполне объективный фактор затрудняет работу современных исследователей по формулировке четких правил. К тому же, в условиях такой «круговорти» конституентов, маркирующими могут оказаться супрасегментные средства, хотя фактор позиции конституентов никак нельзя сбрасывать со счетов. Но ведь в качестве субстрата и адстрата выступают и другие языки, которые «подстилают» или «наслаждаются» на арабский.

Так, в ливийских языках регулярным является словопорядок СПД, хотя «в плане синхронии восточноливийских языков и зенага наблюдается тенденция к переосмыслению порядка слов в предложении с подлежащим, вынесенным вперед, как регулярного варианта порядка слов, а не экспрессивного варианта. Это явление приводит к изменению порядка слов в таких языках, как сиуа, нефуса, зенага, фэззан»⁵⁷. Вместе с тем, на синтаксис магрибинских диалектов могли оказать определенное влияние итальянский, испанский, французский. В первом словопорядок СПД указывает на то, что логически подчеркнуто П, а таковой ПСД, — что подчеркнуто С⁵⁸. Во втором нормативен словопорядок ПСД, но (особенно в речи) вперед, ради логическо-

го подчеркивания, может быть вынесен С или Д⁵⁹. В третьем господствует связанный и прогрессивный словопорядок: «Если в русском языке знаменательное слово может занимать в предложении любое место, то во французском языке расположение слов зависит от того, имеем ли мы дело со связанным синтаксисом (*syntaxe liée*) или с расчлененным (*s. disloquée*). В первом случае слово входит в состав французского предложения не отдельно, но как член синтаксической группы, положение его строго регламентировано, порядок слов — твердый. При расчлененном синтаксисе, разрыве синтаксических групп и обособлении, слово может занимать любое место во фразе: порядок становится свободным»⁶⁰. Примерно то же наблюдается и в современных арабских диалектах (по сообщениям их носителей автору данных строк), и в коптском, где соответствующее место нередко замещается «подхватывающим местоимением», в чем мы убедились, работая над переизданием BG⁶¹. Но вернемся к труду В. Гака: «Прогрессивный порядок слов во французском языке — это такой, когда определяющее следует за определяемым, зависимый член — за главным: прилагательное — за существительным, дополнение и наречие — за глаголом, глагол-сказуемое — за подлежащим». «Отклонения от этого словопорядка маркированы, т. е. связаны с изменением значения слова или другими факторами (§ 111). В русском языке порядок слов смешанный. В группах существительное — глагол, глагол — дополнение, ней-

тральный порядок слов — прогрессивный; в группах прилагательное — существительное, наречие — глагол порядок регressivevnyj» (там же). Далее (ук. соч., с. 207): «Инверсия местоимений связана исключительно с формально-грамматической функцией порядка слов (выражение вопроса и др.), инверсия же существительных (в начальную и конечную позиции — А. Ч.) — преимущественно реализует коммуникативную функцию (выражение ремы)». Следовательно, обычным и немаркированным является словопорядок ПСД во французском языке, чем он принципиально не отличается от английского, который какое-то время выступал в роли адстрата в Ираке (и в других арабских странах). Между тем, субстратом по отношению к арабскому там выступали восточно-арамейские диалекты, среди них мандейский. Для них характерно существование двух словопорядков: СПД и ПСД, затем основным стал и вовсе порядок ДСП. «Довольно большая свобода замечается в отношении порядка слов и в мандейском, хотя чаще наблюдаются случаи, когда сказуемое следует за подлежащим, а прямое дополнение — за сказуемым»⁶². В современных новоарамейских диалектах определительная (согласованная или нет) непредикативная конструкция имеет модель «определенное — определяющее(определение), в предложении превалирует порядок ПСД, «т.е. порядок слов, встречающийся довольно часто еще в среднеарамейском (сирийском, мандейском)»⁶³. Для обобщения всего этого, вероятно, достаточно.

Так, если в каком-то языке основным является словопорядок СПД, то альтернативными (эмфатизированными или маркированными) являются, как минимум, ПСД и ДСП; если основным является ПСД, то маркированными являются, как минимум, СПД и ДСП. Общая тенденция: СПД → ПСД; ПСД и ДСП тоже приходят к ПСД. Субстрат и адстрат не столько навязывают свои словопорядки (хотя и это имеет место), языку-резиденту, сколько подстегивают его развитие в том направлении, которое заложено в нем в виде одной (возможно, доминирующей) потенциальной возможности. Последний вывод, хотя и спорный, не представляется нам непродуктивным. Таким образом, в языке ведется борьба за первую позицию между «исходной точкой» сообщения (темой) и тем конкурентом, который чаще всего несет основную информацию и чаще всего эмфатизирован (глагольная рема). Борьба идет с переменным успехом, равно как и корреляция между позициями определяемого и определяющего — величина переменная, но стремящаяся к гармонии.

Как уже говорилось выше, ускоренное развитие языка отмечается в местах «оптимального проживания», за которые ведется борьба, и куда стекаются торговые пути, на пути интенсивной миграции, совпадающих с таковыми интенсивного торгового обмена. В нашем случае этим требованиям отвечают: долина Нила, Двуречье, Палестина, Ливан и некоторые области Сирии и (в древности оба) побережья Красного моря.

Даже столкновение родственных языков может вызвать в языке-победителе необратимые перестройки в сторону его модернизации, причем по всем уровням языка как системы.

Все это действительно не только для афразийских языков, и происходило, соответственно, не только в вышеназванных регионах.

Совокупность отмеченных факторов способствовала, видимо, раннему «прогрессу» египетского языка, проявившемуся, в частности, в раннем упрощении его фонетической системы, в замене старой префиксальной системы спряжения на суффиксальную «новой флексии», в раннем падении падежных, а затем и прочих старых суффиксальных показателей рода и числа с заменой последних двух на префиксальные при становлении категории детерминации; наконец, в определенной разбалансированности как внутри словопорядка предикативной и непредикативной определительной синтагм, так, естественно, и между ними⁶⁴. Заодно отметим, что едва ли найдется семитский язык, который не использовал конструкцию «имя действия + личное суффиксальное притяжательное местоимение» как эрзац спрягаемой формы, хотя бы в ограниченных случаях. В наскальных надписях 11-й египетской династии мы наблюдаем явное сочетание инфинитивов (в т. ч. в ж. р.) с личным суффиксальным притяжательным местоимением вместо чрезвычайно близких конструкций «новой флексии».

Ускоренное развитие аккадского языка все же не привело к становлению порядка ПСД, зато падежная флексия начинает активнонейтрализовываться примерно с 750 г. до н. э. К моменту персидского нашествия ни в вавилонском, ни в ассирийском диалектах ее не осталось.

Падение падежной флексии в финикийском языке произошло на рубеже II/I тыс. до н. э. Ускоренное развитие демонстрируют вообще все семитские языки, оказавшиеся в Палестине.

Контраст между семитскими языками становится особенно очевиден при выходе на историческую арену арабского языка и изобретению огласовки для полной фиксации и правильного чтения Корана. Кстати, в арабском падежные флексии сначала исчезли в городах и на торговых путях, и значительно позже (возможно, даже позже рубежа I/II тыс. н. э.) в бедуинских говорах Аравийского полуострова.

В германских языках падежная флексия сначала исчезла в английском, и тоже не только под влиянием различных субстратов, но из-за вторжения носителей близкородственных языков, и не только, например, франкоязычных норманнов, а также и вследствие развития мореплавания и торговли.

В романских языках падежная флексия дольше всего удерживалась в горных говорах в итальянских диалектах Корсики и Сардинии, раньше она исчезла на побережьях — ведь жители этих островов всегда были отличными мореходами.

Примером «гибридного языка» с невероятным упрощением синтаксической системы является «pidgin English».

Что же является «движущей силой» перестановки конституентов обеих определительных синтагм? Конечно же усиление смысла или эмфатизация семантики как непредикативного определительного, так, в особенности, предикативного, ибо только предложение содержит законченный смысл. Наличие минимально двух словопорядков (в каждой из синтагм) обязательно, другое дело, что в старописьменных языках один из них может быть представлен плохо, или остаться незафиксированным. Один словопорядок характерен для стиля последовательного повествования или констатации фактов. Второй ощущимее в речи. Словопорядок и логическое ударение в первом случае фиксированы, во втором подвижны. Если первый словопорядок становится слишком невыразительным, то в прежней стилевой функции его заменяет второй, а на смену второму спешит третий, перенимая функцию второго. В идеале может получиться так, что словопорядки I и III формально совпадут. Порядок членов непредикативной определительной синтагмы чаще все-таки стремится к прямой корреляции со словопорядком в предикативной, а иногда — и к обратной. Очень часто стремление у прямому или обратному соответству идет с опозданием и наблюдается в разнобой в корреляциях. Если допустить, что в протоязыке имелась формальная прямая

корреляция между обеими синтагмами, то различались они качеством супрасегментных средств в первую очередь, иное качество супрасегментных средств в предикативной определительной синтагме (по сравнению с непредикативной) эксплифицировало квантор экзистенциальности, но еще большую роль в его эксплификации ($AB \rightarrow A$ есть B) играла инверсия с «расчленением синтаксиса» и без, затем — ремовыделительные обороты, и не в последнюю очередь — введение актуализирующих частиц⁶⁵ и местоимений⁶⁶, которые едва ли не большинство языков мира породили бытийно-связочный глагол⁶⁷.

Подытоживая, скажем, что примерно так реализуется философская спираль в языке, но в какую сторону загнет ее очередной виток — зависит от многих конкретных факторов. Фигурально он может и повторить предыдущий, но уже на качественно новом уровне.

Стремление к прямой корреляции обеих вышеназванных синтагм — явление того же уровня.

Единицей законченного смысла является предложение.

Его общий смысл — сумма смыслов отдельных его компонентов, качественно преобразуемая введением квантора экзистенциальности и сопутствующим логико-грамматическим маркированием.

«Движущей силой» является выражение семантики предложения, достигаемое путем реализации вкладываемого в него смысла посредством грамматики и логики

развертывания его построения. Или просто — семантика и логика. Последняя — универсальный инструмент при словесно-логическом мышлении.

В большинстве упомянутых языков имеет место явная тенденция к установлению порядка ПСД в предикативных определительных синтагмах и порядка «определенное — определяемое» в непредикативных. В некоторых языках эта тенденция стала фактом, а вышеупомянутая корреляция — прямой. В других языках намечается отход от ПСД (современный разговорный немецкий, экспрессивный уровень). В третьих наблюдается либо разрушение прямой корреляции, либо господство обратной (например, в русском).

Вышеуказанное свидетельствует о неравномерности в развитии различных языков, несовпадении их развития по фазе, т.е. о неравномерности и даже разнонаправленности распределения витков при реализации философской спирали.

Именно так в самых общих чертах мы представляем себе связь логики и грамматики.

Примечания

¹ Например, Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963, с. 484; Юшманов Н. В. Грамматика литературного арабского языка. М., 1985, с. 119. См. практически любую описательную грамматику этого языка.

- ² Храковский В. С. Очерки по общему и арабскому синтаксису. М., 1973, с. 3, 112—121.
- ³ Вардуль И.Ф. О языковых типах в параметре порядка слов.//Очерки типологии порядка слов. М., 1989, с. 29; Гранде, ук. соч., с. 484—485.
- ⁴ Петровский Н.С. Египетский язык. Л., 1958, с. 112—114. Ср. Гранде, ук. соч., с. 451—452; 468—469.
- ⁵ Edel E. Altägyptische Grammatik. I.//Analecta Orientalia. 34. Roma, 1955, S. 83—88; Петровский, ук. соч., с. 131—135; Erman A. Neuägyptische Grammatik. 2. Aufl. Lpz., 1933, S. 54.
- ⁶ Петровский, ук. соч., с. 134—135.
- ⁷ Edel, op. cit., S. 84.
- ⁸ Ibid., S. 85.
- ⁹ Sander-Hansen C. E. Studien zur Grammatik der Pyramidentexte. København, 1956, S. 5—6.
- ¹⁰ Ср. Gardiner A.H. Egyptian Grammar. 2nd ed. L., 1950, p. 86—87.
- ¹¹ Четверухин А. С. Происхождение египетского именного предложения модели «Имя + Указательное местоимение».//ПП и ПИКНВ XIII. М., 1977, с. 175—179; Erman, op. cit., S. 50—55.
- ¹² Еланская А. И. Коптский язык. М., 1964, с. 82; ср. Till W. Koptische Grammatik (Saïdische Dialekt). Lpz., 1955, § 244—245.
- ¹³ Till, op. cit., § 241, 246; Четверухин А. С. Функция староегипетских указательных местоимений в сочетании *rw-p(w)-nn* на материале Текстов Пирамид, § 167а.//ПП и ПИКНВ

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

- XV/I (2). М., 1981, с. 93—98; он же. Синтаксическая роль указательного местоимения *rw* в староегипетском именном предложении // ВДИ. № 4, 1981, с. 97—111.
- ¹⁴ Дьяконов И. М. Введение. Афразийские языки // Афразийские языки. Семитские языки. — Языки Азии и Африки. IV кн. 1. М., 1991, с. 66—67; Гранде, ук. соч., с. 484—486.
- ¹⁵ Четверухин А. С. Происхождение..., с. 177.
- ¹⁶ См., например, Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1979, с. 284 и сл.
- ¹⁷ Четверухин А. С. Реализация и смысл квантора экзистенциальности в структуре египетского предложения // Ассириология и Египтология. СПб., 2004, с. 136—170.
- ¹⁸ Еланская А. И. Коптский язык // Афразийские языки. Кушитские языки. — Языки Азии и Африки. IV кн. 2. М., 1991, с. 311—313.
- ¹⁹ См. прим. 13 и Четверухин А. С. Актуализаторы в староегипетском именном предложении // Палестинский сборник. Вып. 32 (95). СПб., 1993, с. 84—92.
- ²⁰ Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. Вып. V. Языковые универсалии. М., 1970, с. 114—162.
- ²¹ Автор использует иные сокращения, «морфологизируя» синтаксические категории. Нашему С(казуемое) у него соответствует V(erb), нашему П(одлежащему) — S(ubject), Д(ополнению) — Object. Таковы схемы зарубежной лингвистики и отечественной.

А. С. Четверухин

ГРАММАТИКА, ЛОГИКА И ФИЛОСОФИЯ...

- ²² Петровский Н. С. Сочетания слов в египетском языке. М., 1970, с. 137—141.
- ²³ Edel E. Altägyptische Grammatik. II. // Analecta Orientalia. 34/39. Roma, 1955/1964, S. 514—519.
- ²⁴ Till. Koptische Grammatik, § 430—446.
- ²⁵ О «состоянии языка» см. Дьяконов И. М. Языки Древней Передней Азии. М., 1967, с. 180—187.
- ²⁶ Ср. Петровский. Египетский язык, с. 171—172; 223—230; Коростовцев М. А. Введение в египетскую филологию. М., 1963, с. 168—174; Дьяконов И. М. Семито-хамитские языки. М., 1965, с. 82—83; 86—87.
- ²⁷ К выражению времени ср. Петровский. Египетский язык, с. 171—172; 221—223. К несостоявшейся фреквентации ср. Gelb I. J. Sequential Reconstruction of Proto-Akkadian // Assyriological Studies. No. 18. Chicago, 1969, p. 74—82.
- ²⁸ Edel. Altägyptische Grammatik. II. S. 441—445; 502—505.
- ²⁹ Петровский. Египетский язык, с. 116; 291—292.
- ³⁰ Von Soden W. Grundriss der akkadischen Grammatik. // Analecta Orientalia. 33 Roma, 1952, S. 187—188; см. ниже обширную цитату из работы И. М. Дьяконова; Гранде, ук. соч., с. 344—346; 451—452.
- ³¹ *(Наши примечания к цитируемому источнику помечаем астериском — А. Ч.). В египетском простые предлоги образуют относительные прилагательные, используемые не только в роли непредикативного определения. Ср. прим. 29. См. также Четверухин А. С. Наблюдения над староегипетскими предлогами и генитивным управлением // Африканский Этнографический Сборник. Вып. X. Л., 1975, с. 131—143.

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

А. С. Четверухин

ГРАММАТИКА, ЛОГИКА И ФИЛОСОФИЯ...

- ³² *Имеется в виду постановка прямого и косвенного объектов между подлежащим в начальной позиции и глагольным сказуемым в конечной. Носр. с 103 того же тома (Афразийские языки. I / 1): В аккадском языке «исконно семитский порядок слов со сказуемым на первом месте встречается в поэзии и изредка в именах собственных — предложениях». Вопрос: каким был все-таки «исконно семитский порядок слов» — СПД или ПСД?
- ³³ *Отсюда явствует, что автор предполагал становление предикативной конструкции на базе непредикативной определительной. Но как именно шел этот процесс?
- ³⁴ *Впечатление такое, что автор, подытоживая, не делает различия между атрибутивным и предикативным определением. Но скорее речь идет все же только о непредикативной определительной, если ориентироваться на то, о чем он пишет ниже.
- ³⁵ *Здесь ясно, что автор переходит к описанию трех непредикативных конструкций преимущественно несогласованного определения.
- ³⁶ *Статус имени — это и позиция его в пределах двучленной синтагмы со вторым членом-именем или местоимением, это и характер грамматической связи двух его членов, это и морфологическое оформление их падежей, это и вторичные фонетические изменения в каждом из членов. В общем, это исторически сложившийся *тихтум compositum*, сбивающий с толка специалистов иных областей языкознания.

170

- ³⁷ *Это гибридная конструкция: «Имя I + показатель генитивной связи» — согласованная определительная конструкция, где в роли экспонента генитива выступает либо относительное прилагательное от предлога «для» (букв. «дляенный» и т. д., позже упростившееся до формы, совпадающей с предлогом), либо относительное местоимение («который» и т. д.); показатель генитива расположен в нормативной постпозиции к имени I. Одновременно он выступает в роли определяемого по отношению к имени II в конструкции несогласованного определения. Поэтому имя II имеет флексию генитива. Вот так и возникает трехчленная непредикативная определительная конструкция модели «имя I — экспонент генитива — имя II».
- ³⁸ *По сути, *n* и основа предлога, идейтико-релятивная морфема. В старо- и (видимо, еще) в среднеегипетском (в религиозных текстах) экспонент генитива (как относительное прилагательное) в ед. ч. м. р. имел форму *n/j* + флексия падежа определяемого (т. е. предшествующего) имени. Египетский «йот» здесь является сонантным гляйдом, как и *w/j* в зависимых египетских местоимениях *suwa/sija*, что прямо вытекает из сопоставления египетских форм с аккадскими, см. Gelb. Sequential Reconstruction, p. 124.
- ³⁹ *Только начиная со среднеегипетского и вплоть до коптского включительно она имела такой вид. См. прим. 38. Не исключено, что «староегипетский облик» она имела в протоберберо-ливийском и в проточадском. Но это всего лишь одна из трех возможностей. В любом случае термин Н.С. Петровского «п-словосочетания» (Сочетания слов,

171

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

А. С. Четверухин

ГРАММАТИКА, ЛОГИКА И ФИЛОСОФИЯ...

- с. 52 и сл.) не корректен ни по форме, ни — во многом — по сути, что очевидно при ее рассмотрении в диахронном плане, что возможно именно на материале египетского языка!
- ⁴⁰ *См. прим. 37*—39*. Египетская *nota genitivi* имеет явное отпредложное происхождение. Другое дело, что морфема *n* входит в состав египетских местоимений и частицы *jn*. Не исключено, что такие египетские предлоги, как *n* «для», *m* «в» и *(j)r* «к» в конечном счете восходят к местоименным (т.е. действико-релятивным) морфемам и едва ли к именам, хотя и ведут себя как они, об разуя относительные прилагательные, см. наши статьи «Староегипетские вводные частицы с основой *na* на *m(j)* и глагол «видеть, смотреть, глядеть» и «Неожиданная лингвистическая интерпретация *jn* «говорит, сказал(а)», обе в сборнике Мероэ. Вып. 5. М., 1999, с. 280—315.
- ⁴¹ Гранде, ук. соч., с. 343—344.
- ⁴² Рифтин А. П. О двух путях развития сложного предложения в аккадском языке // Советское языкознание. Том III. Л., 1937, с. 59—67; он же. К происхождению форм наклонений в арабском и аккадском языках // Труды второй сессии ассоциации арабистов 19—23 октября 1937 г. — Труды Института Востоковедения. Вып. XXXVI. М. — Л., 1941, с. 127—132.
- ⁴³ Diakonoff I.M. Semito-Hamitic Languages. M., 1965, p. 91, n. 88.
- ⁴⁴ Gelb, op. cit., «3.13. Mood=Case» — p. 108—113.

- ⁴⁵ Junge F. Syntax der mittelägyptischen Literatursprache. Grundlagen einer Strukturtheorie. Mainz / Rhein, 1978.
- ⁴⁶ Четверухин А.С. Можно ли говорить о наличии «именно-го предложения» в египетском языке? // ПП и ПИКНВ XVIII/ II. М., 1985, с. 71—77.
- ⁴⁷ Дьяконов И. М. Лингвистические данные к истории древнейших носителей афразийских языков.//Африканский этнографический сборник. Вып. X. Л., 1975, с. 117—130.
- ⁴⁸ Юдакин А. П. Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли. М., 1984, с. 134.
- ⁴⁹ Silvestre de Sacy A. I. Anthologie grammaticale arabe. Paris, 1829, p. 365.
- ⁵⁰ Brockelmann C. Arabische Grammatik. 13. Aufl. Lpz., 1953, S. 133.
- ⁵¹ Мишкуров Э. Н. О типологии порядка слов как способе актуального членения арабского литературного и диалектального предложения // Восточное языкознание. Грамматическое и актуальное членение предложения. М., 1984, с. 88—89, в частности: «В глагольном предложении подлежащее, вынесенное во фразоначальную позицию, как правило, с целью его тематизации, также может быть ремой. При переводе на русский язык целесообразно... подлежащее ставить во фразоначальное положение». Последнее верно лишь в дословном переводе.
- ⁵² Лебедев В. В. Поздний среднеарабский язык (XIII—XVII вв.). М., 1977, с. 71—72. Он же отмечает, что дополнение продолжает стоять после глагола.

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

А. С. Четверухин

ГРАММАТИКА, ЛОГИКА И ФИЛОСОФИЯ...

- ⁵³ Шарбатов Г. Ш. Современный арабский язык. М., 1961, с. 76—77.
- ⁵⁴ Завадовский Ю. Н. Арабские диалекты Магриба. М., 1962, с. 110.
- ⁵⁵ Кямилев С. Х. Марокканский диалект арабского языка. М., 1968, с. 104—105.
- ⁵⁶ Завадовский Ю. Н. Тунисский диалект арабского языка. М., 1979, с. 78.
- ⁵⁷ Айхенвальд А. Ю., Милетарев А. Ю. Ливийские языки // Афразийские языки. Кушитские языки. Ливийско-гуанческие языки. Египетский язык. Чадские языки. — Языки Азии и Африки. IV кн. 2. М., 1991, с. 233.
- ⁵⁸ Алисова Т. Б., Черданцева Т. З. Итальянский язык. М., 1991, с. 96.
- ⁵⁹ Виноградов В. С. Грамматика испанского языка. М., 1965, с. 298.
- ⁶⁰ Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1989, с. 206.
- ⁶¹ Сочинения гностиков в Берлинском коптском папирусе 8502. Перевод с немецкого и коптского, дополнительные примечания и главы А. С. Четверухина. СПб., 2004.
- ⁶² Церетели Г. К. Арамейский язык // Афразийские языки. Семитские языки. — Языки Азии и Африки. IV кн. 1. М., 1991, с. 229.
- ⁶³ Ук. соч., с. 247.
- ⁶⁴ Till. Koptische Grammatik, cp. § 110—122 с § 242 ff., 249, 301, 378 ff., 440, 441; 290, 347, 401, 447, 448 — последние

параграфы указывают на альтернативные (по В. Тиллю — вторичные) порядки слов.

⁶⁵ См. прим. 13, а также Четверухин. Актуализаторы..., с. 84—92.

⁶⁶ См. прим. 13.

⁶⁷ Ср. Юдакин, ук. соч., с. 116—118.

А. В. Шишова

Подход к палеографическому анализу и проблема идентификации иератических почерков

ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ египтологии вышло всего два палеографических справочника с промежутком в 76 лет. Первый и самый известный составил Георг Меллер (*Möller*, 1909–1912). В своей работе он попытался охватить почерка текстов, относившихся ко всем древнеегипетским династиям, рассмотрев при этом максимальное количество знаков. До сих пор этот эпохальный труд является основным справочным изданием по палеографии любого периода истории Египта. Прошел не один десяток лет, прежде чем Ханс Гедике собрал материал по Древнему Царству, и в 1988 году вышла в свет новая подборка знаков (*Goedicke* 1988). В отличие от Г. Меллера Х. Гедике ограничился изучением памятников эпохи V–X династий, но зато смог собрать значительно больше форм для каждого знака.

176

Важно отметить, что оба автора выбрали наиболее простой и компактный способ подачи материала. Знаки помещали в отдельные клеточки. Так выстраивался целый ряд, представляя их формы от династии к династии. Таким же образом выглядят и таблицы в изданиях папирусов в тех случаях, когда авторы публикаций уделяли внимание палеографии (Gardiner 1948; Marciniak 1974). Это, однако, случалось не часто. В большинстве случаев издания первой половины 20 века в главе «палеография» содержали информацию о размере строчек, цвете чернил, местах повреждения. Лишь изредка авторы давали некоторые краткие замечания относительно ошибочно-го написания или необычной, как им казалось, формы графемы для той или иной эпохи. Такая подача материала и недостаточное внимание к палеографии как к вспомогательной исторической дисциплине привели, как мне представляется, к возникновению трех серьезных проблем, с которыми встречаются современные исследователи при изучении древнеегипетской палеографии.

1. Проблема первая — возникновение запутанной и никак не обоснованной теории о «развитии» знаков. Последовательное описание форм от эпохи к эпохе и их случайный выбор привели к тому, что словосочетание «развитие знака» воспринимается египтологами совершенно естественно. В действительности, значение этой фразы ускользает, когда речь заходит о самом значении слова «развитие» применительно к какому-тоциальному случаю. Кроме того, при таком подходе сле-

177

дует предполагать, что существует некоторая форма X, на основе которой, в дальнейшем, образовывались новые формы. В таком случае «развитие» должен получать только лишь первоначальный вариант. На практике все оказывается иначе. Рассмотрим формы для графемы . Вариант V династии выглядит следующим образом: (Abusir). В Среднее царство появляются формы (Illahun 20.16) и (Sinuhe 136). Мы можем убедиться, что форма Древнего царства не получает никакого развития. Другими словами, формы Среднего царства абсолютно самостоятельны. Они обладают другим дуктом. Форма остается в той эпохе, в которой появилась. Кроме того, о каком же развитии можно с уверенностью говорить, если для одних и тех же графем иногда появляются новые формы, а их «старые» формы и не думают исчезать. Тривиальный пример: наряду с «полной» формой для графемы   (Prisse 9.11, XI–XII династия) существует самостоятельная редуцированная форма (Prisse 9.7) Так ли уж необходимо, в этой ситуации, сравнительное описание знака от династии к династии? Ответить на этот вопрос невозможно без специального исследования, тем более что за пределами египтологии палеография как наука уже ушла далеко вперед. Хочется процитировать известного исследователя русской палеографии В. Н. Щепкина: «Нам неоднократно приходится убеждаться, что распределение памятников по векам есть, в сущности, искусственный прием, нарушающий наглядность

эволюции почерков; поле отдельных примет очень различно: одни приметы обнимают век, другие полвека, третьи — полтора. Кроме того поля различных примет¹ нередко пересекаются пограничными линиями веков...» (Щепкин, 1967, с. 144). Первая проблема порождает и вторую не менее серьезную проблему.

2. Есть ли эталон формы в пределах хотя бы одного исторического отрезка времени? Можно ли его выявить? Из-за того, что в рамках египетской письменности пока что не выработана система научного палеографического описания, сделать это практически невозможно. Во-первых, отсутствуют ясные критерии в оценке того, что в форме знака надо рассматривать как принадлежность к эпохе (или эпохам) его написания, а что относится к особенностям почерка отдельного писца. Во-вторых, неясно, распространяются ли специфические особенности написания отдельного конкретного знака у данного писца на другие знаки этого же почерка. Например, писец одного из берлинских папирусов P. 10463 (начало XVIII династии) выписывал отдельно стоящие горизонтальные знаки с наклоном вправо вниз, но тот же штрих, используемый им в связке с другими элементами, стремится вправо вверх.

¹ Приметы — совокупность всех имеющихся у формы свойств: дукт, изменение ширины штрихов, размер.

Иератика			
Иероглифика			
Дукт иератической формы			

Таким образом, дукт формы для одного и того же знака может меняться в зависимости от связанных с ним других элементов.

Все это порождает не менее важную, на мой взгляд, третью проблему.

3. Насколько мы можем оценить формы знаков с точки зрения их «аномальности» по сравнению с другими формами? Встречая непривычную форму знака необходимо, прежде всего, провести тщательный анализ дукта и сравнительный анализ стиля написания всех знаков в пределах рассматриваемого почерка. Практика показывает, что иератические формы в пределах одной эпохи самые разные. Например:

Среднее царство

Начало

P. Prisse 16.1

Середина

P. Illahun II.21

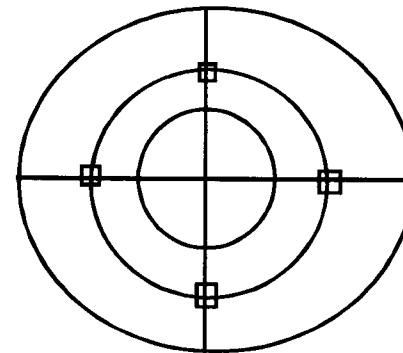
Окончание

P. Sinuhe 52

Одни являются своего рода повторением более раннего времени, другие напротив будут актуальны и через 1000 лет. С этой точки зрения, необходимо, как мне представляется, отказаться от идеи линейного развития формы. В противном случае мы постоянно будем говорить об архаизациях и аномальных формах. С течением времени, безусловно, количество вариантов форм для одной и той же графемы увеличивалось, однако и «старые» формы египтяне воспринимали, по-видимому, совершенно естественно.

В связи с вышесказанным, теорию эволюции иератических знаков целесообразно, по-видимому, представить в виде замкнутого круга, в котором формы существуют в едином пространстве. Этим пространством является иератическое письмо. С каждой династией количество инвариантов форм для одной и той же графемы увеличивается. Наглядно это можно изобразить следующим образом.

В центре этой воображаемой модели находится графема. Круги символизируют эпохи. Чем ближе к центру, тем древнее, и тем меньше, соответственно, количество вариантов форм. Самым важным в таком представлении, как мне кажется, является отражение того, что разные по времени формы существуют на равных. Это приводит к тому, что любая из них может быть употреблена в какой-то определенный момент.

Остается добавить, что с практической точки зрения все отмеченные проблемы в египетской палеографии материализуются, когда мы сталкиваемся с необходимостью описать, проанализировать и, в конечном счете, идентифицировать почерк. Часто можно встретить следующую фразу: «...несомненно одним писцом..». Зачастую исследователи не комментируют предложения такого типа, и читатель вынужден воспринимать это *de facto*. В действительности нет необходимости ставить под сомнение заключения такого рода, но когда появляются спорные места, мы вынуждены ставить знак вопроса из-за отсутствия доказательной базы. Таким образом, при анализе почерка возникают некоторые противоречия. С одной стороны, мы имеем дело с практическими научными знаниями, с другой стороны, в вопросах палеографии, мы часто обращаемся к интуиции. Чтобы перейти от неясных представлений к четким научным описаниям необходимо детально изучить стиль писца, определить движения его руки при написании набора штрихов, отказаться от сравнения

формы с ее некоторым абстрактным эталоном, и, в первую очередь, сделать акцент на сравнение форм знака внутри одного памятника.

Библиография

1. Щепкин, 1967 — В. Н. Щепкин, Русская палеография, М., 1976, с. 144.
2. Goedicke, 1988 — Goedicke H. Old Hieratic Paleography. Halgo, 1988.
3. Marciniaik, 1974 — Marciniaik M. Deir el— Bahari I. Les inscriptions hiératiques du Temple de Thoutmosis III. Varsovie, 1974.
4. Möller, 1909—1912 — Möller G. Hieratische Paläographie. Bd., I—III. Lpz., 1909—1912.

А. О. Большаков

Еще раз об Осирисе при четвертой династии

Ложная дверь *jntj*, mfa 31.781*

ФИГУРА ОСИРИСА занимает одно из центральных мест в египетской религии и, начиная со Среднего царства, в значительной степени определяет характер египетского мировоззрения. Однако на протяжении первой половины Старого царства имя Осириса никогда не помещалось на памятниках. Его появление можно интерпретировать по-разному, но, в любом случае, это переломный момент в развитии идеологии, периоды до и после которого качественно различны. С другой стороны, поскольку упоминания Осириса появляются в историческом смысле мгновенно, в пределах жизни одного поколения, их наличие является надежным датировочным критерием, дающим *terminus ante quem* non для несущих их памятников.

На царских памятниках Осирис впервые упомянут в Текстах пирамиды Униса, а в частных гробницах, на-

сколько мы умеем их датировать, его имя встречается в жертвенной формуле не раньше царствования Исеси¹. Как единственное более раннее упоминание этого бога рассматривалась надпись в гробнице царевны *Hm.t-r'(w)* в Гизе², которая нередко датировалась концом Четвертой — началом Пятой династии³; однако, как показал в свое время автор, она не может быть более ранней, чем середина Пятой династии⁴. Этот вывод и, соответственно, надежность общего правила были одобрены и приняты в публикациях последних лет⁵, однако две недавние работы ставят мою интерпретацию под сомнение. Во-первых, М. Бод в своей прекрасной книге о царских семьях Старого царства вернулся к ранней датировке *Hm.t-r'(w)*⁶, во-вторых, П. Мануэлян недавно опубликовал происходящую из Гизы интересную ложную дверь некоей *Jntj* (Бостон, MFA 31.781), жертвенные формулы на которой дважды упоминают Осириса, и датировал ее поздней Четвертой династией⁷. Поскольку аргументы Бода едва ли могут поколебать датировку *Hm.t-r'(w)*⁸, ложная дверь *Jntj* приобретает решающее значение, и мы опять оказываемся в той же ситуации, что и несколько лет назад — единственный памятник противостоит сотням несомненных свидетельств, и его следует изучить с особой тщательностью. Однако, его датировка связана с теорией гораздо более общего характера, выдвинутой Мануэляном в той же статье, и поэтому сперва следует рассмотреть его концепцию в целом.

Главный тезис Мануэляна очень важен и не вызывает сомнений. Некрополи Старого царства в Гизе «были сперва спланированы и разбиты, и лишь затем поделены между определенными индивидами»⁹, что хорошо согласуется с частыми перестройками гробниц и многочисленными несоответствиями между их архитектурой и положением в некрополе с одной стороны, и их зачастую заметно более поздними изобразительным оформлением и эпиграфикой с другой стороны. Всякое исследование хронологии должно основываться на том, что оформление и использование гробницы совершенно не обязательно следуют непосредственно друг за другом, и разрыв между ними может быть значительным¹⁰. Существование гробниц «созданных заранее... и первоначально не предназначавшихся для определенных владельцев, может быть единственным способом осмыслиния первоначального развития Гизы»¹¹.

Идея эта не нова; как справедливо отмечает сам Мануэлян, она восходит к Г. Юнкеру¹² и Дж. Э. Райзнеру¹³, однако наблюдения этих величайших знатоков староегипетских памятников остались незамеченными и никогда не использовались для практических целей, так что невнимание к ним породило многочисленные ошибки в реконструкциях хронологии Гизы¹⁴. Остается надеяться, что Мануэлян будет удачливее своих предшественников, и успех его концепции лишний раз подтвердит, что *назад к Юнкеру* обычно означает *вперед*.

Однако, переходя от наблюдений общего характера к конкретному памятнику, Мануэлян, к сожалению, допускает досадную ошибку. Поскольку его интересует прежде всего феномен «бездесного сооружения», а бостонская ложная дверь служит ему главным образом поводом для обращения к этой проблеме, он детально рассматривает те черты памятника, которые свидетельствуют о том, что он был изготовлен не для конкретного лица (мужчины или женщины) и лишь позднее надписан для *Jntj*, но не обращает должного внимания на более традиционный (и, несомненно, более простой) анализ. То, что именно Гиза Четвертой династии с ее гигантоманией и массовым сооружением гробниц была местом, где безадресное строительство было особенно естественным, слишком увлекает Мануэляна и слишком склоняет на его выводах. Датировке он посвящает лишь несколько слов¹⁵, что совершенно недостаточно для памятника, найденного вне археологического контекста. Что же касается упоминания Осириса, то эта проблема слишком далека от основной темы статьи, и поэтому она рассматривается походя¹⁶. Наша задача диаметрально противоположна — мы должна постараться датировать ложную дверь, основываясь на максимальном количестве критериев.

Наши возможности сильно ограничены тем, что первоначальное ее расположение неизвестно (она была найдена в мусоре на улице G 7700 и не может быть отнесена к определенной гробнице), и важная информация,

которую мог бы дать анализ археологического комплекса, утрачена, так что мы вынуждены ограничиться более частными критериями, характеризующими ее как изолированный объект.

I. Типология ложной двери

1. **Ложная дверь *Jntj*** имеет две пары косяков, на каждом из которых находится по столбцу надписи. Этот тип («Giza door» по Стадвику) появляется не раньше середины Пятой династии¹⁷, тогда как при Четвертой династии и в первую половину Пятой ложные двери обычно имеют в Гизе только одну пару косяков¹⁸.

2. У ложной двери *Jntj* нет торуса и карниза в виде пальмовых листьев. Эти элементы появляются в середине Пятой династии как знак высокого положения владельца и становятся распространенными при Шестой династии, однако существуют с более старым типом¹⁹. Таким образом, их отсутствие мало что дает для датировки, тем более, что в случае безадресного изготовления статус будущего владельца не мог учитываться при создании памятника.

3. **Изображение и надписи *Jntj*** вырезаны в низком рельефе. Тенденция к замене его врезанным рельефом началась при Ниусерра, а вытеснена старая традиция была к концу Пятой династии²⁰.

II. Иконография и стиль

4. Фигура *Jntj* на панели ложной двери (рис. 2) имеет практически все характеристики так называемого «второго стиля» Старого царства (по Рассман) с его «намеренным преувеличением одних черт и подавлением других»: «слишком большую голову», «удлиненное тонкое тело, перетянутое в талии», «слабые мускулы, особенно на истощенных руках», «излишне большие кисти»²¹, большие нос и губы; к той же группе черт относится и преувеличенный размер цветка лотоса (ср. пропорции на аналогичном изображении *N(j)-cny-hnm(w)*²², рис. 3). Все эти признаки были детально рассмотрены Э.Рассман применительно к скульптуре, но они характерны и для настенных изображений второго стиля (хотя последние и требуют еще специального изучения)²³. В скульптуре второй стиль возник в конце Пятой династии, и царствование Униса ознаменовалось появлением таких шедевров, как статуи *Mtj*²⁴; примерно та же датировка применима и к рельефам.

5. Традиционная сцена трапезы заменена на панели ложной двери *Jntj* изображением сидящей хозяйки, а пространство перед ним заполнено ее именем, написанным крупными иероглифами. Такое усечение сцены трапезы — явление отнюдь не раннее. В Гизе подобные ложные двери появляются не раньше середины Пятой династии:

- a) *Nfr-htp(.w)*, царствования Ниусерра — Униса²⁵. Хозяин изображен стоящим, пространство перед ним занято его титулами²⁶.
- b) *Ssm(j)-nfr(.w)* III, G 5150, северная ложная дверь, царствование Исеси²⁷. Хозяин изображен сидящим, пространство перед ним занято его титулами²⁸.
- c) *Z3-jb*, G 2092+2093, царствования Исеси — Униса²⁹. Хозяин изображен стоящим, пространство перед ним занято его титулами³⁰.
- d) *H3gj*, G 2352, конец Пятой династии или позднее³¹. Хозяин изображен стоящим, пространство перед ним занято его титулами³².
- e) *W38-k3(j)/Jrj*, середина Пятой династии или позднее³³. Хозяин изображен стоящим, пространство перед ним занято его титулами³⁴.
- f) *Jnw*, незаконченная ложная дверь, середина Пятой династии или позднее³⁵. Хозяин изображен сидящим, пространство перед ним занято изображением стоящего слуги или жреца³⁶.
- g) *Ssm(j)-nfr(.w)*, середина Пятой династии или позднее³⁷. Хозяин изображен сидящим, пространство перед ним занято изображением жреца³⁸.
- h) *Hmw* и *Spss-k3.f-‘nh(.w)*, южная ложная дверь *Spss-k3.f-‘nh(.w)*, конец Пятой династии или позднее³⁹. Верхняя часть панели утрачена, в нижней части сохранились ноги стоящего хозяина, пространство перед ним было занято его именем⁴⁰.

- i) *Jrrw*, южная ложная дверь, конец Пятой — Шестая династия⁴¹. Верхняя часть панели утрачена, в нижней части сохранились ножки стула и ступни сидящего хозяина, следов стола нет⁴².
- j) *Jntrw*, южная ложная дверь, Шестая династия⁴³. Вся панель занята изображением стоящего хозяина⁴⁴.
- k) *N(j)-nfr (?)*, Шестая династия⁴⁵. Вся панель занята изображением стоящих хозяина и его сына⁴⁶.
- l) *Mȝt*, Шестая династия⁴⁷. Мать (?) хозяина изображена сидящей, пространство перед ней занято ее титулами⁴⁸.
- m) *‘nh-(j)n(w.j)*, северная ложная дверь, Шестая династия⁴⁹. Хозяин изображен сидящим, пространство перед ним занято его титулами⁵⁰.
- n) *Trrw*, Шестая династия⁵¹. Хозяин и его жена изображены сидящими, пространство перед ними занято изображением человека с курильницей⁵².
- o) *Jtw*, ложная дверь его жены *Jn(j).t-k3.s*, Шестая династия⁵³, скорее всего, поздняя⁵⁴. Хозяйка изображена сидящей, пространство перед ней занято изображениями ее детей⁵⁵.
- p) *N(j)-s(w)-kd(w)* I, Первый переходный период (?)⁵⁶. Изображение хозяина и его жены занимает всю панель⁵⁷.
6. *Jntj* изображена нюхающей цветок лотоса, что характерно для второй половины Старого царства. В Саккаре эта черта появляется на панелях ложных дверей

не раньше царствования Менкаухора (*N(j)-^cnḥ-hnm(w)*) и *Hnm(w)-htp(.w)*⁵⁸, а в Гизе это происходит еще позднее, при Шестой династии (ложная дверь *Ttw/Ms-n.j* в гробнице его отца *Ttw/K3(j)-n(j)-sw.t*, G 2001)^{59 60}.

7. Спинка кресла *Jntj* покрыта подушкой. Согласно Шерпион, такие изображения появляются при Снефру, остаются редкими до Исеси и преобладают, начиная с Униса⁶¹. Однако почти все гробницы, которые Шерпион относит к Четвертой — первой половине Пятой династии⁶², на деле не могут быть более ранними, чем царствование Ниусерра⁶³.

a) *N(j)-^cnḥ-snfr-w(j)*, Дахшур 8.

Датировка Шерпион: царствование Снефру.

Традиционная датировка: Шестая династия⁶⁴.

b) *Snfr-w(j)-htp(.w)*, G 3008.

Датировка: Шерпион: царствование Снефру.

Традиционная датировка: Шестая династия⁶⁵.

c) *K3(j)-ḥj.f*, G 2136.

Датировка Шерпион: царствование Хеопса.

Традиционная датировка: середина Шестой династии⁶⁶.

d) *Nfr*, G 4761.

Датировка Шерпион: царствование Хеопса.

Традиционная датировка: царствования Униса — Тети⁶⁷.

e) *ȝḥ.t(j)-htp(.w)*, Гиза, западный некрополь.

Датировка Шерпион: царствование Хеопса.

Традиционная датировка: Шестая династия⁶⁸.

f) *Hnm(w)-htp(.w)* II, Гиза, западный некрополь.

Датировка Шерпион: царствование Хеопса.

Традиционная датировка: Шестая династия⁶⁹.

g) *Jḥȝ*, ложная дверь, найденная в гробнице G 4761 (Вена 7445).

Датировка Шерпион: царствование Хеопса.

Традиционная датировка: начало Шестой династии⁷⁰. Однако надписи выполнены в низком рельефе, что заставляет предпочесть несколько более раннюю датировку — конец Пятой династии (см. примеч. 20).

h) *Sḥm(j)-nfr(.w)* I, G 4940 = LG 45.

Датировка Шерпион: царствование Джедефра.

Традиционная датировка: царствования Усеркафа — Сахура — Нефериркара⁷¹.

i) *Jr(.w)-n-ȝḥ.t(j)/Jr(.w)-n-pth/Jrj*, Гиза, центральный некрополь.

Датировка Шерпион: царствование Микерина.

Традиционная датировка: Шестая династия⁷².

j) *Jj-nfr.t*, Гиза, западный некрополь (Карлсруэ H.532):

Датировка Шерпион: царствование Микерина.

Традиционные датировки: Четвертая — Шестая династия⁷³, однако предпочтительна датировка царствованиями Ниусерра — Исеси⁷⁴.

k) *Hnw*, Гиза, BM 1272.

Датировка Шерпион: царствование Микерина.

Традиционная датировка очень неопределенна — Четвертая династия или позднее⁷⁵, однако на ложной двери присутствует пожелание *hpj.f hr w3.wt nfr.wt hpp.wt jm3h.w jm.sn*, появившееся только при Пятой династии⁷⁶.

l) *Srf-k3(j)*, Шейх Саид 1.

Датировка Шерпион: царствование Усеркафа.

Традиционная датировка ненадежна, но наиболее поздняя возможность — конец Пятой династии⁷⁷.

m) *Nfr-jr.t-nf*, Саккара D 55.

Датировка Шерпион: царствование Нефериракара.

Традиционная датировка: царствование Нефериракара или позднее, но наиболее поздняя возможность — царствования Исеси — Униса⁷⁸.

n) *Wp-m-nfr.t*, Гиза, центральный некрополь.

Датировка Шерпион: царствование Неферефра.

Традиционная датировка: царствования Ниусерра — Исеси⁷⁹.

o) *Jzj-nh(w)*, Саккара, ложная дверь BM 1383.

Датировка Шерпион: царствование Неферефра.

Традиционная датировка: середина Пятой династии или позднее⁸⁰.

Таким образом, этот иконографический признак возник, скорее всего, в начале Пятой династии, но стал распространенным только при Ниусерра. Не следует также забывать, что мастер, создававший ложную дверь *Jntj* использовал упрощенный вариант сцены: подушка сложена вдвое, но сама спинка кресла не показана.

В списке Шерпион самая ранняя гробница, в которой присутствует эта версия, — *H(j).f-hw(j).f-w(j) II* (G 7150), относящаяся к царствованию Ниусерра⁸¹.

8. Зонтик папируса, украшающий заднюю часть кресла *Jntj*, довольно невелик. Размер этого декоративного элемента не является надежным датировочным критерием, но все-таки общая тенденция к его уменьшению с ходом времени несомненна⁸².

III. Эпиграфика

9. Имя *Jntj*, мужское и женское, становится распространенным только во второй половине Пятой династии (при Ниусерра — Исеси)⁸³, однако оно могло использоваться и при Четвертой династии⁸⁴ и поэтому мало что дает для датировки.

10. Форма знака с неверной последовательностью перекрывания листьев, подобная использованной на ложной двери *Jntj* (рис. 4), характерна для Пятой династии и более позднего времени, тогда как в высококачественных надписях Четвертой династии правые и левые листья перекрывают друг друга по очереди⁸⁵. Тем не менее, это правило не универсально, и даже в лучших гробницах Четвертой династии встречается неверное перекрывание, причем эти формы могут чередоваться с правильными⁸⁶.

11. Использованное у *Jntj* расположение в ряд трех детерминативов еды и питья к *pr.t-hrw* встречается

не раньше, чем в конце Пятой — начале Шестой династии⁸⁷.

12. Написание имени Анубис знаком шакала характерно для периода до начала Шестой династии, тогда как при Тети появляется шакал на подставке в виде часовни , от старого варианта, однако, окончательно не отказались, особенно в тех случаях, когда располагался над горизонтальными знаками, например, , , и т. д.

Признаки 2 (отсутствие торуса и карниза), 8 (оформление задней части кресла), 9 (имя владелицы), 10 (форма знака *sw*) и 12 (написание имени Анубис) для датировки бесполезны или почти бесполезны, однако остальные признаки являются хронологическими индикаторами, и, взятые в совокупности, они позволяют надежно датировать ложную дверь *Jntj*. Критерии 1 (количество косяков), 4 (стиль изображения), 5 (отсутствие сцены трапезы), 6 (наличие лотоса), 7 (подушка на спинке кресла) и 11 (написание *pr.t-hrw*) позволяют отнести *terminus ante quem non* к середине — концу Пятой династии. Напротив, критерий 3 (низкий рельеф) устанавливает *terminus ante quem* в середине — конце той же династии (рис. 5).

Таким образом, все перечисленные черты могут присутствовать на памятнике только в весьма краткий период правлений Исеси и Униса. Разумеется, на деле все критерии менее определенны, чем в наших реконструкциях, поэтому хронологические границы должны

быть несколько расширены, однако ложная дверь *Jntj* никак не может быть датирована временем до середины Пятой — начала Шестой династии (Ниусерра — Тети).

Это всецело совпадает с традиционной датировкой появления Осириса в надписях и означает, что датировка ложной двери *Jntj* не заставляет нас переписывать заново историю одной из важнейших составляющих египетской религии⁹¹.

Приложение

Датировка гробницы царевны *Hmt-t-r(w)* в свете критики М. Бода

Теперь представляется уместным рассмотреть критику Бодом моей датировки гробницы царевны *Hmt-t-r(w)*, разбирая каждый из его аргументов.

1. Я не использую датировочные критерии, разработанные Н. Шерпион⁹². Книга Шерпион — вероятно, наиболее цитируемая на протяжении последнего десятилетия работа по Старому царству, и большой интерес к ней не безоснователен. Шерпион обладает глазом, хорошо тренированным на мелкие иконографические черты, и ее критерии как таковые действительно пре-восходны и наиболее детальны из всех, предложенных за время изучения Старого царства. Тем не менее, они ни в коем случае не образуют последовательную систему датировки. Памятники относятся к определенным царствованиям на основании единственного признака — наличия царских картушей. Однако то, что карту-

ши имеют очень малое значение для датировки староегипетских памятников и дают только *termini ante quem non*, является аксиомой на протяжении уже более чем полувека. Шерпион, несомненно, прекрасно знает это правило, но на деле она использует картуши как дающие реальные даты. Как ни странно, ее читатели также забывают, что роль картушей очень невелика, и принимают ее критерии без оговорок — возможно, потому, что датировка является столь ключевой проблемой для изучения Старого царства, что мы подсознательно склонны надеяться на то, что наконец-то появилась работа, дающая нам твердую почву в хронологии. Шерпион пре-небрегает другими, прежде всего археологическими и эпиграфическими критериями, что заставляет ее «улучшать» более или менее надежные датировки в угоду ее теории (наиболее разительный пример — ее склонность передатировать памятники позднего Старого царства в Гизе на Четвертую династию, противоречащая горизонтальной стратиграфии некрополя и всему тому, что мы знаем о логике его развития). Критерии Шерпион могут и должны существенно дополнять другие методы датировки, но, взятые изолированно, они очень опасны (что является упреком не столько ее самой, сколько некритичным поклонникам ее книги)⁹³.

2. Мое предположение о том, что некий *Špss-k3-f-‘nḥ(.w)*, чья гробница, которую нельзя датировать временем до Исеси, расположена неподалеку от *Hm.t-r‘(w)*, идентичен ее служащему с тем же именем, изображенному

в ее часовне, слишком ненадежно, чтобы использовать его для датировки. Действительно, сам по себе этот довод решающего значения иметь не может, но при работе со староегипетскими материалами всегда очень трудно установить, являются ли люди, упомянутые на разных памятниках, одним лицом или только тезками. По крайней мере, это предположение не противоречит другим чертам гробницы *Hm.t-r‘(w)* и с определенными оговорками может быть использовано как дополнительный аргумент.

3. Поскольку и положение гробницы, и ее архитектура достаточно характерны для Четвертой династии, моя датировка в большой степени основывается на предположении, что она высекалась не для *Hm.t-r‘(w)* и была лишь использована ею (Бод цитирует мои слова «*it is too good for her*»). Однако, хотя мое утверждение сформулировано и не в самой академической манере, по сути оно не менее справедливо, чем любое наше утверждение о конкретных событиях жизни любого египтянина Старого царства, если только до нас не дошла его биографическая надпись. Гробница представительна, но надписи и изображения помещены только на щеках входа, колоннах и притолоках, что представляется очень странным, если она создавалась для дочери Хефрена в конце Четвертой — начале Пятой династии. Но именно это явление может быть хорошо объяснено в рамках предложенной Мануэляном теории безадресного строительства⁹⁴.

4. Отставая позднюю датировку, я отрицаю прямое родство *Hmt.t-r^c(w)* с Хефреном. То, что *Hmt.t-r^c(w)* является дочерью Хефрена — не более чем легенда, порожденная расположением ее гробницы и не имеющая других подтверждений. Бод прав в том, что, поскольку *Hmt.t-r^c(w)* была *z3.t n(j)-sw.t n(j) h.t.f* и даже *z3.t n(j)-sw.t n(j) h.t.f smsw*, она не могла состоять лишь в отдаленном родстве с царем, но это вовсе не означает, что ее отцом был именно Хефрен — это мог быть любой из более поздних царей⁹⁵. То, что имя Хефрена включено в названия ряда владений *Hmt.t-r^c(w)*, также не доказывает ее происхождения непосредственно от этого царя, так как мы все еще не знаем достоверно, как владения наследовались.

5. Такие черты притолоки над входом во внутреннюю камеру гробницы *Hmt.t-r^c(w)*, как количество строк и наличие разделительной линии между текстом и изображением хозяйств, Бод считает недостаточными для датировки «en raison du faible nombre des monuments de cette période (? — А. Б.) qui nous sont parvenus». Это утверждение звучит странно вне зависимости от того, относить ли его к концу Четвертой или ко второй половине Пятой династии, так как и количество памятников, и их распределение во времени достаточны для вывода о поздней дате *Hmt.t-r^c(w)*⁹⁶.

6. Форма подушки на кресле *Hmt.t-r^c(w)* встречается уже в тинитское время и, следовательно, не имеет значения для датировки. Это утверждение также очень странно. Действительно, раннединастические изображения

передают большое количество форм подушки⁹⁷, но это не имеет никакого отношения к Старому царству, которое не продолжает традиций архаики непосредственно. Тенденции развития этой иконографической черты были прослежены Фишером⁹⁸ и детально рассмотрены Шерпион⁹⁹; применительно к Старому царству, это работающий датировочный критерий, и нет нужды искусственно усложнять проблему.

7. Форма знака **характерна для Пятой династии в целом, и поэтому она не позволяет исключать датировки царствованием Усеркафа.** Это, разумеется, справедливо, но я и не использовал эту черту как решающий критерий. Напротив, она упомянута среди признаков, которые, «though rather obscure from the chronological point of view, do not contradict the late dating»¹⁰⁰. Таким образом, эта черта не поддерживает ни ту, ни другую датировку, но на нее следовало сослаться как на не противоречащую моей концепции, что также немаловажно.

8. Знак *hnt* имеющий форму связки из трех сосудов, встречается не только при Пятой династии и позднее, как я утверждал с излишним радикализмом, но и при Четвертой династии. Здесь Бод действительно прав, а я нет, но это не меняет ситуации принципиально — статистически форма все же преобладает в первой половине Старого царства, а — во второй.

9. Последнее замечание адресовано не мне, но я считаю себя обязанным ответить и на него. Исходя из позднего появления Осириса, Э. М. Рот, принимающая

мою датировку *Hm.t-r^c(w)¹⁰¹*, искусственно омолаживает гробницы группы G 2080—2090. Датировки группы масштаб «дворцовых служителей» в Гизе, предложенные Рот, принадлежат к числу наиболее обоснованных в истории изучения Старого царства благодаря использованию многочисленных разнородных критериев. Эти датировки отнюдь не искусственны и не зависят напрямую от принятого автором времени появления упоминаний Осириса. Напротив, они как раз подтверждают позднюю датировку этого события.

Таким образом, аргументы Бода или ненадежны, или не имеют решающего характера. Может быть, столь длинная дискуссия была бы и не совсем к месту, если бы позиция моего оппонента не была во многих отношениях типичной — применительно не к конкретному памятнику, а к общим принципам датировки. Во-первых, даже самый убедительный эпиграфический, иконографический, стилистический, археологический и т. д. признак, взятый сам по себе, значит еще очень мало для надежной датировки памятника Старого царства (единственное исключение — присутствие надписи, упоминающей правящего царя), и только совокупность этих разнородных критериев позволяет обосновать датировку. Их точность неизбежно различна и они даже могут быть до какой-то степени противоречивыми, но они образуют некоторую систему доказательств, которая прочна именно потому, что ее элементы склеены друг с другом. Во-вторых, наши датировки — это отнюдь не

точки на хронологической оси, а отрезки различной длины, зачастую довольно протяженные. Если мы говорим, что гробница датируется, скажем, временем Ниусерра, это означает лишь, что его 24 года статистически наиболее вероятны, но не исключает того, что датировка может распространяться и на царствования Неферефра и Менкаухора или еще дальше, в зависимости от степени полноты или неполноты наших знаний.

Сокращения

- BdE — Bibliothèque d'Étude. Institut français d'archéologie orientale. Le Caire.
- BM — The British Museum.
- BMFA — Bulletin of the Museum of Fine Arts, Boston. Boston.
- CdE — Chronique d'Égypte. Bruxelles.
- GM — Göttinger Miszellen. Göttingen.
- JARCE — The Journal of the American Research Center in Egypt. Boston.
- JNES — The Journal of Near Eastern Studies. Chicago.
- LÄ — Lexikon der Ägyptologie I—VI. Wiesbaden, 1975—1986.
- MDAIK — Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo. Mainz.
- MFA — Museum of Fine Arts, Boston.
- PM III² — Porter B., Moss R. Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings. Vol. III. Memphis. 2 ed. Oxford, 1974—1981.
- SAK — Studien zur altägyptischen Kultur. Hamburg.
- VA — Varia Aegyptiaca. San Antonio.

ZÄS — Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde.
Leipzig, Berlin.

Рисунки

Рис. 1. Абу-Роаш, mastaba F.19, северная часовня. Блоки из которых сложена часовня (на заднем плане за ложной дверью) меньших размеров и заметно хуже обработаны, чем оригинальные облицовочные блоки (на переднем плане справа). Фотография автора.

Рис. 2. Изображение *Jntj* на панели ее ложной двери (согласно Manuelian, A Case of Prefabrication, fig.5)

Рис. 3. Изображение *N(j)-nḥ-hnm(w)* (согласно Moussa, Altenmüller, Nianchchnum, Abb.20).

Рис. 4. Форма знака *sw* на ложной двери *Jntj*.

Рис. 5. Датировка ложной двери *Jntj*.

Примечания

* Английская версия настоящей статьи была опубликована уже несколько лет назад (в сб. *Le lotus qui sort de terre. Mélanges offerts à Edith Varga. Bulletin du Musée Hongrois des Beaux-Arts. Supplément-2001*. Budapest, 2002. P. 65—80), но так как сборник в наших библиотеках найти трудно, а поднятые проблемы важны не только в связи с конкретным памятником, но и методологически, русское издание представляется полезным. Оно несколько дополнено ссылками на новейшую литературу и прежде всего на замечательную историю Гизы Четвертой династии П. Яноши, Jánosi P. *Giza in der 4. Dynastie. Die Baugeschichte*

und Belegung einer Nekropole des Alten Reiches. Bd.I. Die Mastabas der Kernfriedhöfe und die Felsgräber. Wien, 2005.

¹ См. библиографию в Bolshakov A.O. Princess *Hm.t-r(w)*: The First Record of Osiris? // CdE. 1992. T.67. P.203, и van de Walle B. La chapelle funéraire de Neferirkare. Bruxelles, 1978. P. 24, note 70. Также Helck W. Überlegungen zum Ausgang der 5. Dynastie // MDAIK. 1991. Bd. 47. S. 164 (с некоторыми сомнениями общего порядка относительно нашей способности датировать староегипетские гробницы) и Eaton-Krauss M. The Earliest Representation of Osiris? // VA. 1987. Vol. 3. P. 233—236.

² Hassan S. Excavations at Giza. Vol.VI/3. Cairo, 1951. P. 48, fig. 36.

³ FM III². P. 243; Begelsbacher-Fischer B. Untersuchungen zur Götterwelt des Alten Reiches. Freiburg — Göttingen, 1981. S. 121, Anm. 2; Harpur Y. Decoration in Egyptian Tombs of the Old Kingdom. Studies in Orientation and Scene Content. London — New York, 1987. P. 35.

⁴ Bolshakov, Princess *Hm.t-r(w)*. P. 203—210.

⁵ Например, Roth A. M. *Giza Mastabas. Vol. VI. A Cemetery of Palace Attendants*. Boston, 1995. P.35; Daoud Kh. The False-door of the Family of *Skr-htp*. // SAK. 1996. Bd.23. S.102; Jánosi P. Gab es Kronprinzen in der 4. Dynastie? ‘Kronprinz’ Junre. GM. 1997. H. 158. S. 27; idem., *Giza in der 4. Dynastie*. S. 418—422.

⁶ Baud M. Famille royale et pouvoir sous l’Ancien Empire égyptien. T. I. Le Caire, 1999 (BdE. T. 126/1). P. 517—518.

⁷ Manuelian P. Der. A Case of Prefabrication at Giza? The False Door of *Intj.* JARCE. 1998. Vol. 35. P. 115—127.

⁸ Мы обратимся к ним позднее, см. Приложение.

⁹ Ibid. P. 115.

¹⁰ Кстати, ранняя датировка гробницы *Hm.t-r^f(w)* обязана своим существованием главным образом априорной уверенности в том, что часовня должна быть оформлена сразу же после сооружения, которое, судя по расположению памятника, действительно можно отнести к Четвертой династии (теперь см. Jánosi. Giza in der 4. Dynastie. S. 421—422).

¹¹ Manuelian. A Case of Prefabrication. P. 115.

¹² Junker H. Giza I. Wien — Leipzig, 1929. S. 38.

¹³ Reisner G.A. A History of the Giza Necropolis. Vol. I. Cambridge (Mass.), 1942. P. 9, 85.

¹⁴ Следует признать, что безадресное сооружение гробниц (prefabrication по терминологии Мануэля) было гораздо более общим явлением, не ограниченным пределами одного некрополя. Положения Мануэля скорее всего применимы не только к Гизе, но также и к Абу-Роашу. Некрополь Старого царства в Абу-Роаше (некрополь F) несомненно создавался под сильнейшим воздействием Гизы. Массивные каменные мастабы имеют примерно те же размеры, что и в Гизе, и так же расположены рядами, образующими улицы, хотя и не такие длинные и прямые, как в некрополе-прототипе, см. Bisson de la Roque F. Rapport sur les fouilles d'Abou-Roach. T.II. Le Caire, 1925. Pl. 1—3. Как и в Гизе, небольшие более поздние гробни-

цы пристраиваются к первоначальным масstabам и перегораживают улицы (например, F. 12 между F. 7 и F. 19). Архитектура масstab с наружными часовнями, построенных в соответствии с изначальным планом, также имеет много общего с Гизой, хотя замена кирпича как строительного материала для культовых помещений камнем знаменует собой новый этап в развитии гробницы.

Хронология Абу-Роаша в высшей степени проблематична. Я. Малек не рискнул датировать первоначальные гробницы временем раньше Пятой династии (PM III². P. 4—8); А. Клазенс относил некоторые из них к Четвертой — Пятой династиям (LÄ. Bd. I. S. 24) но мнение свое он никак не обосновал. Причина такой неуверенности кроется не только в очень плохом состоянии некрополя и недостаточной его изученности, но и в недооценке феномена «безадресного строительства». Действительно, хотя сами масstabы и наружные часовни были несомненно сооружены при Четвертой династии (и, точнее, при Джедефре, поскольку более поздняя дата бессмысленна с точки зрения политической истории страны), внутренние часовни выглядят более поздними. К сожалению, в Абу-Роаше сохранились лишь ничтожные фрагменты настенных рельефов (Bisson de la Roque. Abou-Roach. T. II. Pl. 29—30, 33), а сам некрополь опубликован отвратительно, однако даже очень несовершенные планы (*ibid.* Pl. 1—3) позволяют сделать вывод, что по крайней мере некоторые из внутренних часовен (F. 7, F. 17, F. 19, F. 21) были врезаны в кладку оригинальных

мастаб через их облицовку (рис. 1), а F. 13, имеющая только обширную наружную часовню, может служить иллюстрацией того, как первоначально выглядели абу-роашские мастабы. Визуальные наблюдения, проделанные автором при посещении Абу-Роаша в августе 2000 г., как будто подтверждают это предположение. Ср. также Römer M. Zum Problem von Titulatur und Herkunft bei den Ägyptischen «Königssöhnen» des Alten Reiches. Berlin, 1977. S. 48.

Основная тенденция развития Абу-Роаша может быть реконструирована следующим образом. Когда Джедефра разбил новый некрополь возле своей пирамиды, здесь, как и в Гизе, был сооружен ряд гробниц без внутренних часовен, не предназначавшихся для конкретных владельцев, однако, поскольку за время его короткого царствования такое количество представителей высшей знати умереть не могло (см., впрочем, о возможности гораздо более длительного правления этого царя, Valloggia M. La descendrie de la pyramide de Radjedef à Abu Rawash // Études sur l'Ancien Empire et de la nécropole de Saqqâra dédiées à Jean-Philippe Lauer. T. II. Montpellier, 1997. P. 419), большинство этих гробниц осталось неиспользованным. Когда при Хефрена двор возвратился в Гизу, Абу-Роаш оказался заброшенным элитой (единственное исключение составляют сыновья Джедефра, памятники которых в других местах неизвестны, см. Schmitz B. Untersuchungen zum Titel *s3-njšwt* «Königssohn». Bonn, 1976. S. 22–23), но кульп в припирамидном храме продолжался (об источни-

ках по его продолжительности см. Bolshakov A.O. Royal Portraiture and ‘Horus Name’ // *L'art de l'Ancien Empire égyptien*. Paris, 1999. P.317; Maragioglio V., Rinaldi C. *L'architettura delle piramidi menfite*. T. V. Rapallo, 1966. P. 6—9), местность была обитаемой, и представительные гробницы, которые просто не могли остаться бесхозными, были переделаны и оформлены для лиц более низкого положения в соответствии с более поздними правилами. Разумеется, только новые раскопки могут подтвердить эту реконструкцию, которая, впрочем, представляется весьма надежной.

Более чем вероятно, что гробницы, построенные безадресно, имелись также в Дахшуре, и когда этот некрополь будет наконец полностью раскопан и адекватно опубликован, станет очевидным, что такая практика была универсальным явлением, имеющим большое значение для исследования хронологии и идеологии Старого царства (Н. Алексанян сделала некоторые замечания такого рода по поводу принципиального сходства т.н. дахшурского «некрополя Лепсиуса» и Гизы в Alexanian N. Dahschur II. Das Grab des Prinzen Netjer-aperef. Die Mastaba II/1 in Dahschur. Mainz, 1999).

Стоит упомянуть здесь также памятник, изготовленный безадресно не для человека, а для домашнего животного. При Шестой (?) династии из сокровищницы был выдан саркофаг для погребения царского пса по кличке *‘bwtjw* (Reisner G.A. The Dog which was Honored by the King of Upper and Lower Egypt. BMFA. 1936. Vol. 34. Fig. on p. 96;

- idem. Ancient King Gives Dog a Royal Burial // *The American Kennel Gazette*. 1938. Vol. 5. No. 5. May 1, 1938. Fig. on p. 8; Fischer H. G. An Old Kingdom Monograph ZÄS. 1966. Bd. 93. Fig. 2), из чего следует, что там хранился некоторый запас таких заранее изготовленных предметов; интерпретацию см. Bolshakov A. O. *Man and his Double in Egyptian Ideology of the Old Kingdom*. Wiesbaden, 1997. P. 262—263; Большаков А. О. Человек и его Двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства. СПб, 2001. С. 199—200.
- ¹⁵ Manuelian. A Case of Prefabrication. P. 117, 119.
- ¹⁶ Ibid. P. 119.
- ¹⁷ Strudwick N. *The Administration of Egypt in the Old Kingdom. The Highest Titles and their Holders*. London, 1985. P. 51.
- ¹⁸ Ibid. P. 44.
- ¹⁹ Wiebach S. *Das Ägyptische Scheintür*. Hamburg, 1981. S. 133—135; Strudwick. *Administration*. P. 15.
- ²⁰ Strudwick. *Administration*. P. 24, 36.
- ²¹ Russmann E. *A Second Style in Egyptian Art of the Old Kingdom*. MDAIK. 1995. Bd. 51. S. 269—270.
- ²² Moussa A., Altenmüller H. *Das Grab des Nianchchnum und Chnumhotep*. Mainz, 1977. Abb. 20.
- ²³ Russmann, A Second Style. S. 274, Anm. 49.
- ²⁴ Ibid. S. 274—276.
- ²⁵ Harpur. *Decoration*. P. 268:136.
- ²⁶ Hassan S. *Excavations at Giza. Vol. IX. Le Caire*, 1960. Fig. 28: a.

- ²⁷ PM III². P. 153; Harpur. *Decoration*. P. 270:234; cf. Junker H. *Gîza III*. Wien — Leipzig, 1938. S.14.
- ²⁸ Junker. *Gîza III*. Taf. 1; Brunner-Traut E. *Die Grabkammer Seschemnofers III*. 2. Aufl. Mainz, 1982. Farbtaf. 5—6;
- ²⁹ Roth. *Palace Attendants*. P. 36, 109 (ср. PM III². P. 70 — Шестая династия).
- ³⁰ Roth. *Palace Attendants*. Pl. 71:b, fig. 179.
- ³¹ PM III². P. 84.
- ³² Simpson W.K. *Giza Mastabas. Vol.IV. The Mastabas of Western Cemetery I*. Boston, 1980. Pl. 57:b, fig. 45.
- ³³ Датировка основана на типологии ложной двери («Giza type», см. примеч. 17). PM III², р. 114 дает очень неопределенную датировку: Пятая — Шестая династии.
- ³⁴ Junker H. *Gîza IX*. Wien, 1950. Abb. 40.
- ³⁵ Датировка основана на типологии ложной двери («Giza type», см. примеч. 17). PM III², р. 279 дает очень неопределенную датировку: Пятая — Шестая династии.
- ³⁶ Hassan S. *Excavations at Giza. Vol.III*. Cairo, 1941. Fig. 48.
- ³⁷ Датировка основана на типологии ложной двери («Giza type», см. примеч. 17). PM III², р. 279 дает очень неопределенную датировку: Пятая — Шестая династии.
- ³⁸ Hassan. *Excavations at Giza. Vol. III*. Fig. 212.
- ³⁹ PM III². P. 245.
- ⁴⁰ Hassan. *Excavations at Giza. Vol.VI/3*. Fig. 69.
- ⁴¹ PM III². P. 280.
- ⁴² Hassan. *Excavations at Giza. Vol.III*. Fig. 56.
- ⁴³ PM III². P. 121; Harpur, *Decoration*. P. 269:200.
- ⁴⁴ Junker. *Gîza VI*. Abb. 70.

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

А. О. Большаков

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОСИРИСЕ...

- ⁴⁵ PM III². P.120.
- ⁴⁶ Junker. Gîza VI. Abb.76.
- ⁴⁷ PM III². P.105.
- ⁴⁸ Junker. Gîza IX. S.235.
- ⁴⁹ PM III². P.275; Harpur. Decoration. P. 266:51.
- ⁵⁰ Hassan S. Excavations at Giza. Vol.V. Cairo, 1944. Fig. 85.
- ⁵¹ PM III². P.278.
- ⁵² Hassan. Excavations at Giza. Vol.III. Fig. 22, pl. 10.
- ⁵³ PM III². P.103.
- ⁵⁴ Junker H. Gîza V. Wien — Leipzig, 1941. S. 134.
- ⁵⁵ Ibid. Taf. 11:d, Abb. 36.
- ⁵⁶ PM III². P. 140.
- ⁵⁷ Junker H. Gîza VI. Wien — Leipzig, 1943. Taf. 23:d, Abb. 104.
- ⁵⁸ Moussa, Altenmüller. Nianchchnum. Abb. 20.
- ⁵⁹ Simpson, Western Cemetery I. Pl. 20, fig. 18.
- ⁶⁰ Список памятников см. Harpur. Decoration. P. 331—332; к нему следует добавить ложную дверь в масштабе *Mst*, Шестая династия, Junker. Gîza IX. S.235, и двойную ложную дверь *Kjj* и *Z3.t-śd-3bd*, Louvre E.14.184, Первый переходный период, Ziegler Ch. Musée du Louvre, Département des antiquités égyptiennes. Catalogue des stèles, peintures et reliefs égyptiens de l'Ancien Empire et de la Première Période Intermédiaire. Paris, 1990. P. 244—252.
- ⁶¹ Cherpiion N. Mastabas et hypogées d'Ancien Empire. Le problème de la datation. Bruxelles, 1989/ P. 30, critère 6.
- ⁶² Ibid. P. 151—152.
- ⁶³ О надежности критерии см. Приложение, § 1.
- ⁶⁴ PM III². P. 892; Harpur. Decoration. P. 279:611.
- ⁶⁵ PM III². P. 96; ср. Harpur. Decoration. P. 269:214 — первые три десятилетия царствования Пепи II. Ранняя датировка невозможна также в силу присутствия на западной стене часовни изображений полевых работ — они обрели такую локализацию только в конце Пятой династии, см. Bolshakov. Man and his Double. Tbl.1.
- ⁶⁶ PM III². P. 76; ср. Harpur, Decoration, P. 271:278 — середина царствования Пепи II. Ранняя датировка невозможна также в силу присутствия на западной стене часовни изображений полевых работ — они обрели такую локализацию только в конце Пятой династии, см. Bolshakov. Man and his Double. Tbl. 1.
- ⁶⁷ PM III². P. 76; Harpur. Decoration. P. 267:126. Ранняя датировка невозможна также в силу присутствия списка жертв на западной стене и сцены вручения лотоса на южной стене часовни — они обрели такую локализацию только в середине Пятой династии, см. Bolshakov. Man and his Double. Tbl. 1.
- ⁶⁸ PM III². P. 49.
- ⁶⁹ PM III². P. 105; Harpur. Decoration. P. 269:203.
- ⁷⁰ PM III². P. 138.
- ⁷¹ PM III². P. 142; Harpur. Decoration. P. 270:232.
- ⁷² PM III². P. 250; Harpur. Decoration. P. 265:28.
- ⁷³ Царствование Микерина (Wiedemann A., Pörtner B. Aegyptische Grabereliefs aus der Grossherzoglichen Altertümern-Sammlung zu Karlsruhe. Strassburg, 1906. S. 9); середина Пятой династии (Schürmann W. Die Reliefs aus

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

А. О. Большаков

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОСИРИСЕ...

- dem Grab des Pyramidenvorstehers Ii-nefret. Karlsruhe, 1983. S. 14; царствование Меренра — начало правления Пепи II (Harpur. Decoration. P. 265); Пятая — Шестая династия (PM III². P. 298).
- ⁷⁴ Bolshakov A.O. Some Notes on the Reliefs of *Jj-nfr.t* (Karlsruhe) // GM. 1990. H. 115. S. 21—25.
- ⁷⁵ PM III². P. 306.
- ⁷⁶ Barta W. Aufbau und Bedeutung der altägyptischen Opferformel. Glückstadt, 1968. S. 17.
- ⁷⁷ Harpur. Decoration. P. 280:639.
- ⁷⁸ Harpur. Decoration. P. 274:440.
- ⁷⁹ Harpur. Decoration. P. 266:56; cp. PM III². P. 281.
- ⁸⁰ PM III². P. 742 (ложная дверь имеет торус и карниз и, следовательно, не может быть старше середины Пятой династии, см. примеч. 19).
- ⁸¹ Harpur. Decoration. P. 269:184.
- ⁸² Cherpion. Mastabas et hypogées. P. 32—33 и особенно n. 31.
- ⁸³ Например, Ranke H. Die ägyptischen Personennamen. Bd. I. Glückstadt, 1935. S. 38:23; PM III². P. 370, 957 и соответствующие ссылки.
- ⁸⁴ Например, Petrie W.M.F. Medium. London, 1892. Pl. 14; Mariette A. Les mastabas de l'Ancienne Empire. Paris, 1889. P. 94.
- ⁸⁵ Fischer H. G. A Scribe of the Army in the Saqqara Mastaba of the Early Fifth Dyasty. // JNES. 1959. Vol. 18. P. 269—271; idem, Dendera in the Third Millennium B.C. New York, 1968. P. 17; idem. Ancient Egyptian Calligraphy. New York, 1979. P. 34.

214

- ⁸⁶ Ср., например, у *H'(j)f-hw(j).f-w(j)* I, G 7140: Simpson W. K. Giza Mastabas. Vol.III. The mastabas of Kawab, Khafkhufu I and II. Boston, 1978. Fig. 25, 31, 32 (натуралистическая трактовка) и fig. 24, 26, 28, 29 (стилизованная трактовка).
- ⁸⁷ Brovarski Ed. Abydos in the Old Kingdom and First Intermediate Period, Part II. // For His Ka. Essays Offered in Memory of Klaus Baer. Chicago, 1994. P. 21—22.
- ⁸⁸ Ibid. P. 21, note 24; cp. Lapp G. Die Opferformel des Alten Reiches. Mainz, 1986. S. 8—9.
- ⁸⁹ Например, El-Khouli A., Kanawati N. Excavations at Saqqara. North West of Teti's Pyramid. Vol. II. Sydney, 1988. Pl. 7—8.
- ⁹⁰ Ibid. Pl. 18—19.
- ⁹¹ Хорошей иллюстрацией того, насколько опасно пренебрежение хронологией при интерпретации религиозных феноменов служат недавние статьи Х. Альтенмюллера, посвященные Осирису. Исходя из центрального места, которое занимают сцены, связанные с кроватью, в настенных композициях, изображающих «чудесное рождение» Хатшепсут в ее храме в Дейр эль-Бахри, Альтенмюллер приходит к выводу, что эти сцены должны были обеспечивать возрождение царя в ином мире, мире богов. Затем он переходит к изображениям кровати в частных гробницах Старого царства и из ее названия *s.t* выводит чтение имени Осириса как *jrj-s.t-jr.t* — «Der zum bezogenen Bett Gehörende». На этой почве он отказывается также от традиционного понимания имени Исида в пользу *wrsj.t > w3sj.t > jsj.t* — «Die von der Kopfstütze» (Altenmüller H. Zu

215

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

А. О. Большаков

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОСИРИСЕ...

Isis und Osiris. // Wege öffnen. Wiesbaden, 1996. S.1—17). В следующей статье (*Zum Ursprung von Isis und Nephthys,*// SAK. 1999. Bd. 27. S. 1—26) его выводы становятся еще более радикальными.

Однако самое раннее из упоминаемых Альтенмюллером изображений кровати находится в гробнице царицы *Mr(j)-s(j)-rnh(w)* III, которая едва ли может быть позднее царствования Шепсескафа (о датировке см. Dunham D., Simpson W.K. *Giza Mastabas.* Vol. I. *The Mastaba of Queen Mersyankh III.* Boston, 1974. P. 8). Построения Альтенмюллера основаны также на упоминании названия подголовника в мастабе *Mjn* ранней Четвертой династии и термина для кровати в списке жертв *Hr(j)-b3.w-zkr* конца Третьей — начала Четвертой династии. Следовательно, он должен был бы либо доказать, что Осирис является древним богом, во всяком случае, не моложе начала Старого царства, либо отказаться от своей теории. Однако время первого упоминания Осириса для него никакой важности не имеет, и он ссылается на разные датировки этого момента как на равноправные и не имеющие отношения к рассматриваемым проблемам (Altenmüller. *Zum Ursprung von Isis und Nephthys.* S. 11, Anm. 42). Принимая теорию Альтенмюллера, мы вынуждены признать, что представление об Осирисе было присуще египетской религии с древнейших времен, что неизбежно повлечет радикальную реинтерпретацию нашего понимания Старого царства, подтвердить которую свидетельствами памятников можно только насищенно; во всяком случае, я не знаю до-

стоверных свидетельств существования идеи воскресения в частных гробницах III тыс. до н. э. (см. Bolshakov. *Man and his Double*, *passim*; Большаков, Человек и его Двойник, *passim*). Более того, практически невозможно представить себе, что фигура божества, занимающего центральное место в более поздней египетской культуре, могла оставаться скрытой на протяжении многих столетий. Однако, как только мы начинаем воспринимать появление Осириса в надписях всерьез, как переломный момент в развитии религии, построения Альтенмюллера сразу же рассыпаются. Cherpion. *Mastabas et hypogées.*

⁹² Ср. также Seidlmayer S.J. *Stil und Statistik. Die Datierung dekorierter Gräber des Alten Reiches — Ein Problem der Methode.* // Müller J., Zimmermann A. (Hrsg.) *Archäologie und Korrespondenzanalyse: Beispiele, Fragen, Perspektiven.* Espelkamp, 1997. S. 20—22, и особенно Jánosi. *Giza in der 4. Dynastie.* S. 41—44.

⁹³ Сейчас этот аргумент полностью принят Яноши, Jánosi. *Giza in der 4. Dynastie.* S. 419, Anm. 2527.

⁹⁴ Ср. Jánosi. *Giza in der 4. Dynastie.* S. 418.

⁹⁵ См. Narpur. *Decoration.* P. 44.

⁹⁶ Ср., например, Saad Z. Y. *Ceiling Stelae in Second Dynasty Tombs from the Excavations at Helwan. Le Caire, 1957.* Fig. 3, 15, 17, 19.

⁹⁷ Fisher, A Scribe of the Army. P. 238.

⁹⁸ Cherpion. *Mastabas et hypogées.* P. 26—31.

⁹⁹ Bolshakov. *Princess Hm.t-r'(w).* P. 209.

¹⁰⁰ Roth. *Palace Attendants.* P. 162—166.

А. Н. Николаев

Развитие детерминатива-изображения на египетских стелах I—IV династий (первая половина III тыс. до н. э.)

ОДНИМ ИЗ ВАЖНЕЙШИХ изобразительных памятников Египта первых династий являются погребальные стелы частных лиц, происходящие из нескольких некрополей — Абидоса, Саккары, Абу-Роаша, Хелуана, Гизы. Подавляющая часть стел была раскопана в конце девятнадцатого, первой половине двадцатого века, однако их находки продолжаются и поныне¹. Из разных некрополей происходит неодинаковое количество стел, больше всего, около 250 — было обнаружено в Абидосе.

Стелы первоначально ставились для обозначения принадлежности погребения, расположенного рядом с царской гробницей. На них имелись надпись и под ней условное изображение владельца, называемое также детерминативом. Позже стелы, в том числе для культового предназначения, вставлялись в специальное углубление в наружной стене маставы².

Для представления о том, какое развитие претерпел детерминатив на египетской стеле, необходимо обратиться к некрополям, в которых они были обнаружены (Рис. 1). Древнейший из них — некрополь в Абидосе — с вспомогательными погребениями вокруг царских гробниц Джера, Джета, Мернейт, Ка (Petrie, 1902).

Следующий некрополь — Хелуан, расположенный немногим выше вершины дельты, на восточном берегу Нила (Saad, 1947). В гробницах на этом огромном кладбище, насчитывающем тысячи погребений, было найдено 25 стел, которые, судя по двум, обнаруженным *in situ*, вставлялись в «потолок» углубления, идущего снизу вверх из подземной камеры к поверхности. Стелы этого некрополя датируются II-й династией.

Еще один некрополь, где найдены интересующие нас стелы, это кладбище в Абу-Роаше, находящееся на краю пустыни и долины Нила севернее Гизы (Montet, 1938. Р. 11—69).

Из некрополя эр-Рекакна — в среднем течении Нила — происходит всего одна стела. Она была обнаружена в частной гробнице и датируется III-й династией (Garstang, 1904).

Важное кладбище Саккары — к югу от района Гиза и современного Каира — известно стелами I-й, а также предположительно конца II-й — начала III-й династий. Они были найдены в гробницах частных лиц, лежащими на полу камер (См., например: Emery, 1954).

Последний из интересующих нас некрополей — некрополь Гизы, в котором было обнаружено 15 стел важных сановников IV династии (См., например: Reisner, 1942).

Детерминатив при первой династии

Внешнее оформление ранней египетской стелы можно разделить на несколько компонентов. Это прежде всего надписи, состоявшие из двух частей: имени и титулов. Присутствие имени обязательно для всех стел, независимо от времени их создания. Со временем на стелах появляются и списки жертв. В качестве изображения, уточнявшего имя, на многих стелах выписывался так называемый детерминатив. При рассмотрении всего известного корпуса раннеегипетских стел можно выделить несколько разных изображений, выступавших в роли детерминативов. На значительном количестве стел (примерно половина), как, например, на стеле Хедж-рехит (Petrie, 1900. Pls. XXXI, 3; XXXIII, 3) из Британского музея (инв. № 35017) (Рис. 2), детерминатив отсутствует вообще, на остальных преобладает изображение женщин, кроме того, известны определители мужчин, карликов, собак, птицы, быка. Что касается редких случаев, то это стелы карликов Шеда (Scharff, 1929. S. 22, taf. 9) из Берлинского музея (инв. № 18136) и Деда (Petrie, 1901. Pls. XXVI, 58; XXVIII, 58) из музея университета Пенсильвании (инв. № E 9499); стелы быка (Petrie, 1902. Pl. XIII, 159) из Городского общественного музея

Ливерпуля (инв. № 14.10.1901.35); стела птицы Бегет (Petrie, 1901. Pl. XXVII, 127) из музея Ашмулина (инв. № 3936), а также двух собак Шет-ур (Petrie, 1900. Pl. XXXII, 12) (инв. 14603) и Неб (Petrie, 1900. Pl. XXXII, 11) (инв. № 14608) из Египетского музея, Каир.

Несмотря на имеющиеся редкие случаи, основная часть детерминативов — это изображения мужчин и женщин. Для разграничения знаков, использовавшихся для обозначения мужчин и женщин можно выделить следующие критерии:

- 1) то как передаются волосы на голове;
- 2) поза, которую принимает фигура мужского или женского пола: а именно, женщины всегда сидят, мужчины и сидят, и стоят;
- 3) у женщин, в отличие от мужчин, руки всегда прижаты к телу и составляют с ним единое целое;

Проиллюстрируем эти положения на примерах. Волосы женщины всегда длиннее и закрывают ее плечи, как, например, у женщины Хемет-ка (Petrie, 1901. Pl. XXVII, 113) из музея Ашмулин (инв. № 3930) (Рис. 3), совсем по-другому выглядит мужская прическа, что видно на стеле Сима-нечер (Petrie, 1900. Pl. XXXII, 8) из Луврского музея (инв. № 21700) (Рис. 4). Кроме того, мужчина может изображаться стоя, чего не наблюдается у женщин. Сабеф (Petrie, 1900. Pl. XXX, 30) (Египетский музей, Каир, инв. номер не известен) (Рис. 5) вообще вырезан держащим в одной руке трость, и палку в другой, известны случаи изображения стоящего мужчины,

который держит в руках лук (Ни-хедж-иб; Египетский музей, Каир, № 14611). Это правило универсально, за двумя исключениями: сохранились две стелы женщин, которых звали Нефрет (Petrie, 1900. Pls. XXXI, 37; XXXI, 36) (Британский музей, инв. № 35018; Музей университета Пенсильвании, инв. № 9186), детерминативами для которых выступают две стоящие фигуры. Исключением эти стелы являются и потому, что только на этих двух памятниках детерминатив изображен над, а не под именем.

Происхождение детерминатива, изображающего сидящую женщину

Изображения женщин встречаются примерно в два раза чаще, чем изображения мужчин.

По-видимому, определенная «скованность» в изображении женской сидящей фигуры под надписью объясняется ее связью с так называемыми женщинами гр. *t* — особами, приближенными к царю. Впервые такая женщина появляется на булаве Нармера, встречается также на табличке Джета. Переносное кресло с сидящей внутри закутанной фигурой используется во времена Старого царства и как определитель для термина *ip.t* — гарем.

Существует и определенная зависимость между оформлением детерминатива женщины и временем создания памятника, даже в пределах первой династии. Наиболее ранние стелы — найденные вокруг комплекс-

са Джера, в том числе и в многочисленных сопровождающих погребениях — имеют в качестве детерминатива не замкнутый контур, а представляют собой продолжение нижней части поверхности стелы. Исключениями являются два случая — памятники, принадлежавшие женщинам по имени Сешмет-ка (Petrie, 1901. Pl. XXVII, 96) из Восточного института университета Чикаго (инв. № 5863) и Нехет-нейт (Petrie, 1901. Pl. XXVII, 95), известной только благодаря публикации Питри. В обоих случаях форма знака-определителя для женщины представляет собой явно не устоявшийся вариант по сравнению с более поздними примерами (так на одной из стел голова представляет собой овал, лежащий на прямоугольнике).

Начиная с памятников из вспомогательных погребений при царице Меритнейт (1-я династия) детерминатив на стеле имеет замкнутую форму. Ни для Меритнейт, ни для Дена (царя середины I-й династии) не известно исключений, где определитель представлял бы собой продолжение закапываемой и необработанной части стелы.

После рассмотрения детерминативов на частных стелах из Абидоса — отдельно стоящих или сидящих людей — необходимо обратиться к Саккаре и посмотреть на развитие традиции стел в этом районе. Здесь мы встречаем стелу I династии чиновника по имени Мерка (Emery, 1961. P. 193) (Рис. 6). В отличие от абидосских стел того же периода детерминативом на стеле высту-

пает фигура сидящего на кресле человека. Руки Мерка прижаты к груди, он сидит на подушке, положенной на кресло. Передние ножки у кресла ровные, в отличие от задних, явно имитирующих задние ноги быка. Перед нами — особая традиция изображения детерминатива, в которой с самого начала присутствует детально проработанное кресло — сиденье покойного, однако, как и на стелах из Абидоса, еще отсутствует жертвенный стол. Стела Мерка — единственная, дошедшая от I династии из северного района Саккары.

Детерминатив при второй династии

Следующая группа памятников — датирующаяся уже второй династией — происходит из некрополя в Хелуане. Налицо значительный прогресс в качестве исполнения детерминатива. Важнейшей новой чертой является появление жертвенного стола, пусть и в зачаточной, неразвитой форме. Отличительным признаком хелуанских стел является и большой размер детерминатива, а также его разнообразие. Можно выделить следующие нововведения³. 1) Кресло. а) подушка на кресле может отсутствовать, как на стеле Хекен (Saad, 1957. Pl. X), но может иметься в виде выступающего хвостика, как на стеле Мер-нефера (Saad, 1957. Pl. XIII) (Рис. 7); б) спинка на кресле в некоторых случаях отсутствует, как на стеле Нефер-мери-ка (Saad, 1957. Pl. VII); однако один раз на стуле с высокой спинкой сидит человек по имени Ни-су-хекет (Saad, 1957. Pl. IV); в) плоскость

сидения иногда передается в фас, например, на стеле Нефер-мери-ка, иногда торцовой частью к смотрящему, например, на стеле Серет (Saad, 1957. Pl. XIX); г) передние и задние ножки сиденья на хелуанских стелах вместе или по отдельности могут представлять собой ноги быка. В двенадцати случаях ноги быка заканчиваются копытами, в девяти из них под копытами имеется подставка. 2) Жертвенный стол. А). Со временем высота кусков хлеба на столе увеличивается, а сами они на жертвенном столе могут иметь следующее расположение: быть развернуты от центра в обе стороны, как на стеле Упа (Saad, 1957. Pl. XXIX); быть составленными таким образом, что напоминают конусы (обращены друг к другу основанием скошенных сторон), как на стеле Серет, обращены налево скошенными сторонами, к сидящему человеку, как на стеле Менех-эм-джефа (Saad, 1957. Pl. XVI), обращены от сидящего человека, как на стеле Нефер-сиуэфа (Saad, 1957. Pl. XXVI). Характерной чертой хелуанских стел является и наличие в некоторых случаях жертв прямо над столом, как на стеле Нисинейт (Saad, 1957. Pl. XXV).

Ножка стола также имеет различные формы, основные виды которых можно свести к следующим: 1) вытянутая ножка без отверстия, например, на стеле Сиси; вытянутая с пустым пространством, например, стела Нефер-сетеша (Saad, 1957. Pl. XXX); ножка с пустым пространством внутри, не имеющая замкнутого основания, как на стеле Нефер-сиуэф.

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

Один раз под столом засвидетельствован предмет, очень напоминающий сосуд для пива (стела Ни-сийнит); никаких жертв, расположенных специально под жертвенным столом, на хелуанских стелах нет.

Если обратиться к самим фигурам покойных, к их одежде, то можно отметить, что почти на половине памятников присутствуют парики. Это всегда короткие парики, которые могут закрывать, а могут и не закрывать ухо. Так у Упа ухо закрыто, а у Мери-нефера открыто. Исключительным является случай с человеком по имени Сиси, у которого парик заканчивается четырьмя косичками, имеющими загнутые концы. У него же пряди на парике намного меньше, чем, например, у Ирни (Saad, 1957. Pl. XXVIII). Что касается одежды, то на хелуанских стелах в пяти случаях изображен обтягивающий плащ, который держится на красивом узле.

Никакой другой одежды или украшений не встречается.

Важно отметить, что все фигуры имеют определенную позу: одна рука обязательно тянется к жертвенному столу, вторая прижата к груди или свободно свисает.

Следующие интересующие нас памятники происходят из некрополя Саккары. Там сформировавшиеся ранее определенные элементы изображения владельца стелы получают дальнейшее развитие. Так, на стеле Сехеф-нер (Quibell, 1923. P. 10, pls. 26–27) (Египетский музей, Каир, инв. № не известен) на кресле появляется высокая спинка с длинной, свешивающейся через

А. Н. Николаев

РАЗВИТИЕ ДЕТЕРМИНАТИВА...

нее подкладкой-подушкой, а на плече у этой женщины — узел из завязанной одежды. На стеле Ир-эс-сена (Borchardt, 1937. S. 52, pl. 13) (Египетский музей, Каир, инв. № CG 1391), предположительно из Саккары, под столом появляются жертвы и указание на их количество, они же присутствуют и на стелах Нит-ва (Ziegler, 1990. Cat. 23, pp. 157–60) и Нит-неба (Ziegler, 1990. Cat. 23, pp. 157–60) (Лувр, Париж, инв. № E 27157). Тем не менее, несмотря на появление новых деталей, на памятнике Ир-эс-сена примитивно изображено кресло, вместе передних ножек которого вырезаны ноги сидящей женщины. Даже судя по немногочисленным представленным памятникам можно заключить, что стелы конца II-й — начала III-й династии из Саккары не слишком отличаются от предшествовавших им при II-й династии.

Детерминатив при третьей династии

От третьей династии сохранилось восемь стел, очень разных по качеству, из которых только одна до-подлинно происходит не из Саккары. На примере стел женщин Ху-рау (Kahl, 1995. S. 184) и Хенемтет-и-нейт (Kahl, 1995. S. 216) видно, насколько грубо и непоследовательно могут работать мастера, вырезавшие кресло и жертвенный стол. Для третьей династии хотелось бы отметить еще два памятника. Это стела Абу-неб-и (Kahl, 1995. S. 158) (Лейден, инв. № AM 10) (Рис. 8) из Саккары, где ее владелец изображен и сидя, и стоя, опирающимся на посох одной рукой и держащим жезл хе-

реп в другой, и стела Са-мери (Kahl, 1995. S. 172) (Музей Ашмулин, Оксфорд, Е 3918) (Рис. 9) из эр-Рекакны, на которой Са-мери стоит в такой же позе. Поскольку на этой стеле в какой-либо форме отсутствует жертвенный стол, можно предположить, что перед нами — влияние абидосской традиции, в которой жертвенный стол вообще никогда не изображался, а вот детерминатив описываемого на посох стоящего человека впервые засвидетельствован еще при I-й династии на стеле Сабефа.

Следующая небольшая группа стел происходит из мастаб Саккары III-й династии, где они составляли ядро так называемой ложной двери. Очевидно, что включение прямоугольной стелы в большую сложную композицию с множеством элементов приводит к тому, что упорядочивается изображение и на самой стеле. Ведь трудно представить, как могла стела с перекошенными и наклонившимися изображениями-детерминативами, быть включена в строгую геометрию секций ложной двери. В одежде начинает использоваться шкура пантеры, как на фигуре Рахотепа, на шее у мужчин появляются украшения-амулеты, жертвенный стол становится приблизительно одной высоты, он чаще всего находится на уровне коленей покойного; куски хлеба на столе имеют суженную книзу форму. На стеле Иси (Нью Карлсберг Глиптотек, AEIN 896а) (Рис. 10) присутствует не только жертвенный стол сложной конструкции (у него составная ножка, сверху и снизу в которой отверстие, и прежде не встречавшийся размер блюда для

кусков хлеба), но и небольшой жезл в левой руке и по браслету на обоих запястьях.

Детерминатив при четвертой династии

Мастера, изготавлившие стелы для высоких чиновников четвертой династии, гробницы которых находятся рядом с пирамидой Хеопса в Гизе, опирались на долгую традицию. Из общего количества стел, обнаруженных в Гизе, изображения людей сохранились на двенадцати. На некоторых из них присутствуют ранее не встречавшиеся детали: Уп-эм-нефret (Reisner, 1942. P. 386, pl. 17a) (Музей Херста, Беркли, № 6—19825), сидящий в шкуре пантеры, крепившейся на левом плече на узел со свешивающимися концами, носит длинный парик; у него изображена борода. Жертвенный стол этого человека стоит на специальной подставке. На столе имеется восемь кусков хлеба, с узкой нижней частью, развернутых от центра стола к его краям, под столом — жертвы с указанием на их количество числительными. На голове Канефера (Reisner, 1942. P. 390, pl. 17b) (Музей Херста, Беркли, № 6—19807) имеется небольшой парик с мелкими ячейками, который на макушке имеет форму шапочки.

Женщина по имени Нефер (Reisner, 1942. P. 395, pl. 18) (Музей Херста, Беркли, № 6—19801) (Рис. 11) одета в обтягивающее платье на двух лямках, на ее руках браслеты. На кресле отсутствует подушка и совсем нет спинки; ножки имитируют лапы льва, они, как и все кресло

и ноги женщины, находятся на большой подставке. По-видимому, женщина по имени Нефер-иабет (Reisner, 1942. P. 403 — 405, pl. 19b) (Лувр, Париж, Е 15591) носила на себе украшений больше, чем кто-либо иной. На ней помимо шкуры леопарда были надеты ожерелья на руки, на ноги и на шею.

Заключение и выводы

Ранняя египетская стела, как и бурная история самого Египта, за первые четыре династии продела большую путь развития. Это нашло отражение и в том, что происходило с одним из важных элементов композиционного оформления стелы — детерминативом-изображением, постоянно развивавшимся и совершенствовавшимся. На кладбище Абидоса постепенно наблюдается отказ от контура, являющегося продолжением закапываемой части стелы и распространение отдельно стоящей фигуры, все чаще детерминатив изображается посередине стелы. Стелы второй династии внезапно дают огромное количество новых форм, усложнение изображаемых деталей, большую вариантность детерминатива. При второй династии уже засвидетельствовано большинство тех элементов, которые в дальнейшем получат лишь более четкое оформление, это относится и к жертвенному столу, и к креслу, и к одежде людей. Все эти многочисленные элементы получают дальнейшее развитие во время третьей династии, когда наблюдается значительное упорядочивание изоб-

ражений, их сопровождающих. Детерминатив приобретает все более правильные и четкие очертания, что в частности обусловлено включением стелы в значительно более сложную структуру ложной двери. При четвертой династии появляются дополнительные элементы: ожерелье на шее, шкура пантеры и платье на лямках, кроме того, в некоторых случаях все кресло стоит на подставке. Отчасти высочайшее качество исполнения при четвертой династии объясняется уже давно сформировавшейся традицией исполнения стел. Однако вывод о постепенном развитии и самой египетской стелы, и присутствующего на нем изображения-детерминатива напрашивается сам собой.

Наиболее интересной, как нам кажется, является картина развития детерминативов в разных некрополях. Первые стелы появляются в Абидосе. Именно в Абидосе на протяжении первой династии складывается мощнейшая местная традиция оформления и использования стел. Здесь формируется определенный тип детерминатива, здесь, если смотреть шире, возникает определенный способ использования стелы. Одновременно с Абидосом при первой же династии складывается и северная, саккарская традиция оформления изображения-детерминатива, отличительной чертой которой является представление человека сидящим в кресле. Удивительно, но развитие получило именно северное направление. На всех обнаруженных стелах второй династии из Хелуана, в относительной близости от

Саккары, люди обязательно сидят в кресле. От второй династии из района Абидоса похожих на стелы I династии памятников не сохранилось. В дальнейшем именно в Саккаре более упорядоченную форму приобретают по сути те же хелуанские стелы II династии. Однако, как оказалось, не умерла и абидосская традиция, неожиданно проявившаяся в стеле из Рекакны. Схожее влияние засвидетельствовано, по-видимому, и на одной стеле из Саккары. Тем не менее, в дальнейшем абидосская традиция больше нигде не встречается. Северная же, саккарская линия не просто развивается дальше, а делится на более мелкие направления: памятники Саккары, Медума, Гизы.

Развитие детерминатива-изображения позволяет также лучше понять изменение в функционировании стелы в ранний период. Так на абидосских стелах детерминатив максимально условен, он обезличен. Знание о человеке содержится прежде всего в его имени, написанном выше схематического указателя на пол. Да и стела целиком была прежде всего маркером, говорившим о принадлежности вспомогательного погребения рядом с гробницей царя определенному человеку, ничем другим. Встречающиеся на стелах титулы всего лишь уточняют и конкретизируют информацию о том, кто лежал под плитой. Так было в Абидосе, так же поначалу было в Саккаре: имя и уточняющие имя титулы. Начиная со второй династии в передаче детерминатива происходит принципиальный перелом: появляется

жертвенный стол, вокруг которого — изображения самих жертв. Функция стелы кардинально меняется. Она теперь не просто маркер погребения, а один из наиболее важных предметов погребального инвентаря, без которого не возможно дальнейшее бессмертное существование и питание. В целом, принципиальная разница между стелами первой и второй династий намного больше, чем между второй и четвертой. По своему значению и функционированию это совершенно разные памятники. В этом смысле, развитие стелы в ложную дверь при III-й династии — закономерное явление. Остается сказать, что изображение-детерминатив на стеле — один из важнейших, но далеко не единственный элемент общего оформления стелы.

Литература

- Amelineau 1899 — Amelineau, E. *Les Nouvelles Fouilles d'Abydos 1895—1896*. Paris, 1899.
- Badawy 1948 — Badawy A. *La Stele Funeraire sous l'Ancien Empire. Son Origine et son fonctionnement* // *Annales du Service des Antiquites de l'Egypte*. (ASAE) 48, 1948.
- Borchardt 1937 — Borchardt L. *Denkmaler des Alten Reiches I*. Berlin, 1937.
- Cherpion 1989 — Cherpion Nadine, *Mastabas et hypogées d'Ancien Empire. Le problème de la datation* (*Connaissance de l'Égypte ancienne*, 2), Bruxelles, 1989.

- Dreyer 1998 — Dreyer G. Umm-el-Qaab // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo (MDAIK)* 54, 1998.
- Emery 1961 — Emery W.B. *Archaic Egypt*. Edinburgh, 1961.
- Emery 1954 — Emery, W.B. *Great Tombs of the First Dynasty*. II. London, 1954.
- Garstang 1904 — Garstang J. *Tombs of the Third Egyptian Dynasty at Reqâqnah and Bêt Khallâf*. Westminster, 1904.
- Kahl 1995 — Kahl J., Kloth N. *Die Inschriften der 3. Dynastie*. Wiesbaden, 1995.
- Montet 1938 — Montet P. *Tombeaux de la I^e et de la IV dynasties à Abou-Roach* // *Kemi* 7, 1938.
- Petrie 1900 — Petrie W.M.F. *Royal Tombs of the First Dynasty*. I. London, 1900.
- Petrie 1901 — Petrie W.M.F. *Royal Tombs of the Earliest Dynasties*. II. London, 1901.
- Petrie 1902 — Petrie W.M.F. *Abydos*, I. London, 1902.
- Quibell 1923 — Quibell J.E. *Archaic Mastabas*. Cairo, 1923.
- Reisner 1942 — Reisner G.A. *A History of the Giza Necropolis* I. II. Cambridge, 1942—1955.
- Saad 1947 — Saad Z.Y. *Royal Excavations at Saqqara and Helwan (1941—1945). Supplément aux Annales du Service des Antiquités de L'Égypte. Cahier № 3*. Le Caire, 1947.
- Scharff 1929 — Scharff, A. *Die Altertümer der Vor— und Frühzeit Aegyptens* I. (*Staatliche Museen aus Berlin. Mitteilungen aus der ägyptischen Sammlung* 4). Berlin, 1929.
- Ziegler 1990 — Ziegler C. *Stèles, peintures et reliefs égyptiens de l'Ancien Empire*. Paris, 1990.

Примечания

- ¹ См. работы конца девятнадцатого, начала двадцатого веков, например: (Amelineau, 1899), (Petrie, 1900), а также недавние публикации, например: (Dreyer, 1998. S. 77—167).
- ² Данному вопросу посвящена обширная литература. Одно из лучших обобщающих исследований: (Badawy, 1948. P. 213—43).
- ³ См.: (Cherpion, 1989). Эта исследовательница, разбирая в своей работе значительно более поздние памятники, выделила критерии, по которым датировала масштабы второй половины Старого царства. Подход к разбору изображений на раннеегипетских стелах в настоящей статье во многом основывается на результатах этого научного труда.

Н. Б. Янковская

Манифестация ВЛАСТИ — «Устрашающий Блеск»

pulhi mtlamme

Религиозные системы мира развивались координируясь между собою по той простой причине, что все они соотнесены со звездным небом над нами. А небесный циферблат один для нашей Планеты по имени Земля. В нем власть Природы над всеми тварями ее.

САКРАЛИЗАЦИЯ властных структур известна древности искони, но не осознавалась, как спасительное противостояние хаосу, якобы присущему равнодушной к людям Природе. Напротив того, акцентировалось, как важнейшее, материнское начало, свойственное Природе — признанное и в наши дни, как базовое¹. Карнавальный сюжет Песни об Улли-Кумме, самое имя которого представляет воплощенное в фигуре мужского достоинства,— желания этого органа самого создателя Града богов (Кумм-ар-ве) «тряхнуть Небо, как

пустое платье, и всех богов разогнать, как птиц». В отместку юной триаде богов, возникшей из проглощенных Куммарве отцовских гениталий в надежде на сохранение за собой вечной власти над миром. На слепого и глухого Улликумме не действуют чары богини девы — бессильны все, кроме Владыки Разума. Но к нему обращаются лишь в самом крайнем случае, потому что ему надо 15 раз поклониться от имени всего сонма богов. В карнавальном торжестве легкой победы, обеспеченной его знаниями и тяжким трудом, он откажется участвовать, сославшись на головную боль от вынужденного возврата к тлену и праху погребенных и забытых устроителей мира². Сюжет дублирован более упрощенно, без иронии площадных запевок, греками и римлянами.

Центральный мотив эпоса о Гильгамеше в хетто-хурритской версии из клинописных текстов, найденных в Малой Азии³, на мой взгляд, представляет идею обманного присвоения смертным Героем божественной Власти над Миром. Речь идет о Семи змееголовых лучах (pulhi melamme), которые Гильгамеш выманил у Стража Богини Смерти, обитавшей в кедровом лесу. Стаж Богини, Хувава или Хубаба — имя его аналог имени хурритской богини Кубабы (Хепат \ Ева). Она травести, известная как малоазийская Кибела с ее культом самооскопления Героя, Аттиса, в ее честь⁴. Мотив секуальной моши, принесенной в жертву материнскому началу Природы.

Все имена шумерских богов, начинающиеся идеограммой NIN — исходно «Госпожа», были получены мужской ипостасью Великой богини, подобно имени бога войны, НИН.УР-ТА (букв. «порождение Хозяйка Пса»), относятся к кругу эпитетов Гулы⁵. Великая Богиня имеет две ипостаси: милосердной Матери и беспощадной Девы (инд. Кали с ожерельем из черепов). Хотя и редко, но изображается двуликой⁶.

Культ Нинурты, как наследника шумерского Энки \ аккадского Эйи, Мастера оружейника, одного из триады главных богов, возник в те времена, когда великие реки, Тигр и Евфрат, не доносили свои воды до низовий⁷. Это было в период великой засухи, длившейся полтора тысячелетия, с конца 4-го тыс. до н.э. по середину 2-го тыс. до н.э. Люди уходили вслед за скотом из голодных степей в горы, к верховьям рек, и на острова по всей ойкумене. Устоялось перемещение к 28-му веку до н.э., породив Ранние Династии (РД 1—3), враждавшие между собой. К 19 веку до н.э. были наведены «мосты» между торговыми пригородами династийных резиденций. Выстраивание субординации между ними в 17—12 вв. до н.э. (C. Zaccagnini 1990) шло во главе с тремя горскими державами: хурритской, хеттской и касситской. Явление последней из них, касситской, само название которой предполагало надежность ритуальной чистоты (QDS) поведенческих норм, было прологом ЗОРОАСТРИЗМА, религии поли-этнической⁸. Таковы истоки Хинаяны буддизма, в отличие от великодержав-

ной Махаяны. Партнер и союзник обязаны «поступать по-божески»⁹.

Коренная область формирования конфессии — Парсуаш. Место обитания консолидированной государственности ПАРСОВ, дравидов, — аборигенного населения Индии. Локализуется в предгорьях Загра, севернее Элама, на реке Дияле, истоки которой уходят далеко вглубь Иранского плато. Элемент — АШ в окончании характерен для касситских топонимов. Таково переименование Вавилонии в КарДуниаш, пристань (карум) касситского божества Дуни. Кар-Дуниаш был первоначально, как я думаю, контрольным пунктом на дороге к Мосулу (совр. Аль-Акр). Расположенная выше древнего Ашшура (совр. Кала'ат-Ширкат) эта касситская застава (карум) нейтрализовала влияние будущего казначайского центра ассирийской империи¹⁰.

Гильгамеш по заземленной горской версии послал Хуваве свою сестру в жены и туфли, подаренные для начала переговоров с тем, чтобы выманить стража богини Смерти из скалы, где он укоренился. В театрализованном представлении, изображенном на золотом ведерке — кубке из Хасанлу этот эпизод показан с максимальной убедительностью¹¹. Так Герою удалось заполучить Власть КАЗНИТЬ (не миловать) своих подданных, которою царь широко пользовался в дальнейшем. Это и были те самые ЛУЧИ «устрашающего Блеска» верховной Власти — pulhi melamme.

Коварный поступок, совершенный смертным Героем ради обретения Власти — ему, по определению, не предназначенной, был попыткой сравняться с богами — всегда наказуемой. Искушение властью над миром идёт, как известно, от сатаны (Матфей гл. 4). В наказание потребовалась искупительная жертва — обязанность поплатиться увечьем Героя заувечье охранника Великой Богини. Для этой расплаты был назначен срок торжественной казни Героя (Таммуза \ Акхита) — праздник падал на время восхода альфы Большого Пса (шумерск. UR.MAH), Сириуса (египет. Анубис) — спутника Великой Богини (Гулы), воскрешающей из мертвых. Это самая краткая ночь»Макушки Лета»¹². По сей день молодежь в этот срок (22 июня) прыгает через костер, отмечая память Ивана Купалы (Иоанна Предтечи). В Прибалтике храбрецы украшают свои повинные головы дубовыми венками.

Жертвенный обряд искупления за похищенные pulhi melamme показан в развернутой сцене праздничного представления на уникальной хетто-хурритской печати¹³. Такие сюжеты не тиражируются — они табуированы для профанов.

Многолюдную сцену обрамляет сверху плетенка вечности хурритских печатей, снизу стилизация закрученных морских волн, свойственная изобразительным мотивам Средиземноморских культур, в круг которых входит и хеттская, индо-европейская по языку, в отличие от аборигенной хатской (И.М.Дунаевская). Рамочка сцены дает символику единения горцев и островитян в эпоху дворцовых центров, свойственную этой экологической среде до великоледжавной милитаризации¹⁴.

В левой половине композиции восседает божество зимнего, резидентного, цикла, со стержнем Веретена в левой руке и чашей на ладони правой руки, поднесенной ко рту. Перед ним пара вздыбленных львов, держащих над собой ладью полумесяца. Под ним лежащий на гой персонаж и жертвенная утварь: курильница, кринка для молока и кувшин с длинным сливом для масел¹⁵. Спутник его, двуликий Усму (латин. Янус) показан с кувшином с высоким горлом для вина в правой руке, левую руку он держит у рта, также как триада хеттских богов, шествующих друг за другом — обет молчания всех участников сакрального действия. Прием был усвоен для сцен Предстояния воплощенному Покою зимнего цикла (mahhur ili идеального календаря). Такова сцена над текстом Законов Хаммурапи. Обет молчания: «ни слова, ни вздоха», стал отличительной чертой молитвы перед алтарем Огня у зороастрийцев.

В центре композиции над парой животных скакет юная Дева — задранная юбка танцорки — отличитель-

ный признак хурритской Шавушки. Исходно мифолегема ВЕРЕТЕНА Иштар в виде крутящейся нагой фигурки. Мифологема уцелела по сей день в свадебном ритуале Кувейта. Герой поражает распостертого супостата — популярная формула «потрясания копьем», характерная для змееборцев в дальнейшем.

В правой половине театральной композиции представлен момент достигнутого равновесия сил. На жертвенном столе корчится человек: у раскинутых ног его показан жрец-врачеватель (аккадск. *asû*) с мечем, как бы использованным для оскопления. В головах распостертого на жертвенном столе Героя стоит Великая Богиня. Она одета в каунаке, подобно четвертым персонажам левой половины композиции — это культовая одежда из золотистых пальмовых волокон, присущая главным божествам. Богиня держит отсеченные гениталии Героя в поднятой руке — мифологема критского Лабриса, который всегда держит в поднятой руке Великая богиня¹⁶. Под этой частью сцены у головы пронзенного копьем супостата изображен сосуд для чистой воды и две головы жертвенных животных — все во искупление вины смертного Героя перед богами.

На хетто-хурритской печати, таким образом, показана наглядно для театрального воспроизведения т. н. «Большая Печать». Это не пособие для анатомического атласа наших дней — изображение не подлежит аналитическому рассмотрению соблазнительного акта, предложенному мне знатоками стирилизации. Художнику

не было никакого дела до физиологических проблем кастрации. Изображенная для подмостков театральное действие подразумевало, что операция, лишая пациента возможности иметь детей, выводит его из потока «смертей — рождений» — основы функционирования клановых структур, и одновременно отдает под персональную защиту Великой богини.

Мотив «припечатывания» во искупление нарушенного табу был использован для наказания кузнеца Каина за убийство младшего брата, отцовского любимца. Спрошенный об юном пастушке, Авеле, Каин огрызнулся: «Я не сторож брату моему». «Печать Каина» выводила его из круга кровно-родственных структур, одновременно отдавая под особую защиту все профессиональное сообщество оружейников.

Образ Христа, как Доброго Пастыря, достался босоногому пастушку Давиду, сразившему самонадеянного великана, вооруженного и в доспехах, одним ударом камня из самого простенького орудия, почти рогатки, из пращи¹⁷. Левая рука Давида, поразившая Голиафа, ассоциируется, как я думаю, с поддержкой Богоматери, заступницы людей, исходно Пряхи. Она воплощенное Милосердие, но не для всех: «молиться за царя Ирода Богородица не велит». Юный Пастушок — образ Христа в отроческом возрасте многократно воспроизводится в сюжетах, связанных с идеей жертвенной чистоты. Она характерна искони для Крита¹⁸, где почитание заступника юношества, св. Антония, было выдвинуто в один ряд

с почитанием св. Анны¹⁹. Появилась мифологема юного отрока и в специфической иконографии на ближнем к материку сирийского побережья — острове оплота корабельщиков, на Кипре²⁰.

Заменой кастрации Героя при входжении его во власть, показанной на хетто-хурритской печати, стало в дальнейшем обрезание при включении мальчика в круг полноправных членов религиозной общины²¹. Смысл операции — предостеречь от своевольного нарушения нормативов: «там болей всех больнее боль, вернет с пути окольного». Усвоив эту особенность иудаизма, мусульманство акцентировало ее, как прием замирения (SLM), который обеспечил конфессии широкую популярность²².

Царственность распостертого на жертвенном столе Героя символизируют возносящиеся из его тела вверх три Языка Пламени. Вместо СЕМИ pulhi melamme, украденных у стража богини смерти — патронесса оставила Герою всего лишь ТРИ ЛУЧА, но не лишила его своего особого покровительства. Кровавое избавление от смерти, как рождение заново Саргона Древнего по воле богини, «покрывающей всю Землю и возносящейся головой до небес»²³, другими словами, Великой, касается, как я думаю, обряда оскопления. С этого момента основатель новой династии получил свое новое имя — «Истинный царь», šarru kēnu (Саргон). Настоящее имя его включает в качестве теофорной части имя богини, его патронессы — оно звучало как УбилЭштар²⁴.

Завершает композицию хетто-хурритской печати нагая фигурка пляшущего под проливным дождем Предка — мотив одоления дискомфорта засухи²⁵. Тем самым, предполагаемая дата уникальной хетто-хурритской печати падает, скорее всего на 16 век до н. э. — *время прихода к власти касситской династии*. Самоназвание ее восходит ко времени деятельности международной торговой ассоциации с центром в Канише²⁶.

На программной печати писца Адда²⁷ ТРИ ЯЗЫКА Пламени показаны над левой рукой полуэтонувшего Героя. Они соответствуют половинному счету дневного Света во дни осеннего равноденствия. Юная богиня Света балансирует на правой руке Героя — из каждого плеча Девы торчат по три змееголовых Стрелы, символизирующих полноту ее власти, как Зари Утренней (Иштар Лучницы) и Зари Вечерней (Ишхары). Пролог пары божественных близнецов: солнечного Восхода — женственного Аполлона и солнечного Заката — мужественной Артемиды²⁸.

Гильгамеш, как известно из эпоса о нем, «видавшем истоки» (ša naqba imuru), по решению совета богов расплатился с богиней утратой своего друга, дикого двойника, Энкиду²⁹. Энкиду приснился Гильгамешу до их встречи как боевой топорик (аналог лабриса у критян). На хетто-хурритской печати, как я думаю, изображено принесение в жертву «топорика» — синонима мужского достоинства. Имя Энки-ду означает — «изделие Энки», он продукт божественного Мастера Оружейника.

Царственный Герой *сложил оружие*, отказавшись от бунта против богов, как попытки сравниться с ними. Наградой Гильгамешу была оставленная ему богами способность иметь потомство, как сказано в обращенном к нему речении богини Сидури, корчевницы богов на краю Света. Этот эпизод был использован в сценарии свадебного представления для Сардури Второго, царя Урарту, и эламской принцессы³⁰. Важный для дальнейших событий момент воцарения ново-эламской династии был поворотным пунктом становления лидерства на Ближнем Востоке горского региона, пограничного со Средним Востоком, — пролог великодержавного господства Ирана.

Суетное подвижничество военных экспедиций в Звездном Компендиуме, адресованном Синаххерибу (688—681 до н. э.) и заново отредактированном для Селевка Первого (311—281 до н. э.) при вхождении его во власть в Вавилоне, определено, как бедственное для страны. «Народ земли» (И. Д. Амусин) жаждет не подвига кровавой распри, а спокойной жизни. Повергнутый бог войны, рухнув, занял очень много места (Ю. В. Андреев). Подобно колоссу родосскому, он всем мешал, пока статую не расчленил предприимчивый торговец, переплавив в разменную бронзовую монету. Деньги самого невысокого достоинства, но важнейшие, как цена хлеба насущного.

Достояние человека обеспечивалось приватным владением из семейного фонда, вне государственно-

го. Пожалованное правителем утрачивалось с момента завершения срока пребывания царя у власти³¹. Состав владения фараона раскрыт в подробнейшем перечне Юрием Яковлевичем Перепелкиным для Египта древнего царства — с категорическим утверждением о вне-государственной принадлежности имения³². ГНЕЗДО (акк. kinattutum) кровного родства гарантировало Жизнь Вечную всему этническому сообществу, даже и рассеянному по всему свету, если соблюдалась взаимопомощь в нормативах традиционной системы. Временные содружества (ibarutum), по присяге, предполагали взаимную поддержку единоверцев, но хрестоматийная арабская пословица советует справиться об уме попутчика, а не об его вероисповедании.

Союз семи городов с центром в Уруке, упомянутый в эпилоге эпоса о Гильгамеше, был освящен памятью о СЕМИ Мудрецах (akk.sibittum). Они изображены на известнейшей печати³³, как череда нагих улыбающихся старцев. Крайний держит ковш со звездой — синоним Малой Медведицы с Полярной Звездой на конце ручки. Неподвижная Полярная Звезда представляет центр небесного циферблата; череда ПРЕДКОВ — стрелка, указывающая на смену жребиев. Каждый город брал на себя обеспечение культа богов конфедерации, отмечая восхождение собственного Созвездия.

Формула благоденствия, выработанная религиозной системой древности и принятая по сей день, дана с максимальной откровенностью в Египте и Месопотамии,

как можно видеть из предлагаемой нами расшифровки обеих: ‘*anḥgseneb* (егип.) \\ *ama-r-gi* (шумерская). Первый знак египетской формулы в буквальном переводе означает «вздох» и представляет собой принятый в современной астрономии символ планеты Венеры. Он взят из репертуара кикладской погребальной утвари, т. н. «сковородок», с изображением опоясанной линией горизонта морской пучины, под нею вульва с обломанными по колено ногами отчеркнута — в знак девственности стихии³⁴. Соответствие первого слова шумерской формулы — «мать», а всей фразы в целом — «возвращение к матери». Подразумевается, как я думаю, — к матери Земле.

Египетская формула в целом условно переводится как «жив-цел-здоров», но требует более пространного разъяснения. Для сближения с месопотамской религиозной символикой надо остановиться на третьем знаке — *seneb*. В шумерском репертуаре это имя перевозчика в мир иной, *Ur-śanabi*. Компонент *Ur* — «собака» представляет круг имен, связанных с почитанием спутника Великой богини, идентичного в астрологии Созвездию Большого Пса, альфа которого, Сириус (егип. Анубис) восходит в очистительные дни «макушки» лета³⁵.

Средний компонент египетской формулы вошел в репертуар дополнительных знаков к греческому алфавиту, принятому коптами. В таблице Иоганна Фридриха, это пятый знак³⁶. Иероглиф среднего компонента фор-

мулы, который условно переводят как — ЦЕЛ-, на мой взгляд, представляет язычок пламени над очагом \ алтарем в честь поминок. В переводе на аккадский это димту — «слеза», но, вместе с тем, и обозначение укрепленного имения³⁷. Описание такого приватного имения в архивах хурритской Аппархи полностью совпадает с предложенным Ю. Я. Перепелкиным. Соединение в одной символической КАПЛЕ³⁸, «слезы» и «язычка пламени» не требует однозначного решения в пользу какого-нибудь одного из двух значений для этого символа. Поминки включают оба: «не говори с тоской — их нет, но с благодарностью — были».

Сюжету гаритского эпоса о царе Керете (И. Ш. Шифман), повествуя о гибели всей его семьи, когда «слезы его падали, как пятиклиники»³⁹, дает и переход к пламенному ликованию в честь рождения от иноземной супруги, хурритки, 7 сыновей и 7 дочерей и еще сверх того восьмого сына и восьмой дочери. Подобно Иову, Керет потерял все и вернул с избытком по воле Бога, который он *ни разу не воспротивился*.

Поминая династийную чету архаики: «Твой отец аморей, твоя мать хеттеянка», Иезекиил (гл. 19) осуждает их брачный союз за тщетную склонность воспитывать львят. Один из них вырос, охотился, ел людей, был пойман, посажен в клетку и продан в зверинец фараона, другой делал то же и попал в зверинец вавилонского царя. Кровожадное властолюбие наказуемо. Пророкставил государственность выше как политических, так

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

и коммерческих манипуляций ради сиюминутной выгоды.

На Крите в храме ткачей 14 века, Панагия Кера⁴⁰, пророк Иезекиил изображен в левом приделе, посвященном св. Анне. Там, где Мария — еще до Рождения Младенца, спасается в Вифлеем (Бет-лехем «дом хлеба») от преследования царя Ирода. Гневная речь пророка против островной вольницы Тира подробно рассмотрена в статье И. М. Дьяконова, отвергнутой папским журналом Ориенталия и напечатанной в Израиле⁴¹. Образный ряд мифологемы ВЛАСТИ, с ее неизменной ориентацией, лишает современность оснований для возвеличения над духовным уровнем древности⁴².

Симпатии наших дней воскресили универсалии надежд 60-х годов. Георг Моргенштерн, цитируя Саади, тогда напоминал: «Три вещи недолговечны: богатство без торговли, государство без политики и наука без дискуссий»⁴³. Все три условия наиболее последовательно соблюдались т. н. греческой колонизацией, обеспечив найденной формуле благоденствия чудо успешного развития. Соблюдение этих трех условий остается эталонным для всех стран цивилизованного мира⁴⁴. Предлагаемая подборка материалов к теме возникла в развитие доклада Вероники Константиновны Афанасьевой на последнем заседании памяти Игоря Михайловича Дьяконова, 14 января 2005 года, под названием «Кто убил семиглавую гидру?». Предполагая победителем Нинурту, докладчица показала оттиск

Н. Б. Янковская

МАНИФЕСТАЦИЯ ВЛАСТИ...

печати с изображением четвероногого монстра о семи змеиных головах. На мой взгляд, великолепную фигуру Стража богини смерти, которого поражают два героя: в изголовье монстра явный Энкиду, у хвоста Гильгамеш.

По принципу талиона Энкиду отдал свою единственную голову за всего лишь одну из семи голов монстра, срубленную им⁴⁵. Равенства между божественным монстром и героем не может быть, по определению. Плата «око за око» или «зуб за зуб» предполагаетувечье, а не смерть⁴⁶. Увечье оскоплением открывало успешную карьеру при царской особе: весь штат имперской свиты царя Ассирии на охоте и во дворце состоял из безбородых евнухов.

Эта особенность сакрализации власти, обеспечивающая отрыв царской свиты от клановых структур, сохранилась в средневековые на Ближнем и Дальнем Востоке, где родовой строй доминировал. От времен ассирийской империи великолепен пример переделок стенной росписи во дворце Тиль Барсиба (колено Евфрата)⁴⁷, подчеркивающий коренное отличие стереотипов функционирования силовых структур, связанных с клановой системой, и собственно царской власти, намеренно эту связь оборвавшей ради стабильности престолонаследия. Цитадель столицы повсеместно не только в древности, но и в средневековые, как и в наши дни, была запретной частью города.

Отмеченные Нелли Владимировной Козыревой две архаические модели государственности⁴⁸, лидирова-

ли попеременно по причине прямо противоположной архетипально-катарзисной ориентации. Взаимосвязь обеих получила глубокое обоснование на уровне великих религий Средневековья, сложившихся на Востоке. В имперской практике островной Эгейды, напротив того, реализовалась современная нам апология язычества⁴⁹. Доминантой греко-латинской цивилизации стала воплощенная в опыте предельно милитаризованной Спарты — система мужских союзов⁵⁰.

Борис Ильич Маршак спросил Веронику Константиновну о Семи языках Пламени из спины монстра, счтя их более проблематичными. Дружный возглас ассириологов: «это pulhi melamme!!!», казалось отводил вопрос, как несущественный, а я с самого начала мысленно ожидала увидеть действительно проблематичную хетто-хурритскую печать, как требующую раскрытия в связи с этим символом.

Семь змеиных голов Монстра проще — связаны, как мне кажется, со «звездным небом над нами». А именно, с Семизвездием Большой Колесницы (Медведицы), Иштар Ниневийской, Хозяйки Битвы (*bēlet taħazi*) — тем самым, речь шла о «доброй смерти». Предложенную богиней любовь Герой назвал «пищей мерзости и проклятий», ссылаясь на достаточность для него материнской заботы. А Энкиду добавил, что они срубили ствол в 12 локтей на задвижку для ворот храма воинственной Девы (аналог ворот храма Януса, раскрытых для объявления войны или запертых для мира).

«Во власти Господа Врата Смерти» — рефрен последней проповеди Джона Донна, современника Шекспира⁵¹. Смысл рефrena предполагает желанный покой: «ни печали, ни вздохания, но Жизнь Вечная». Он глубоко архаичен и соответствует египетской формуле: ‘nh-ȝ-seneb⁵², которую раскрывает аналог из шумерского репертуара: AMA-R-GI, в буквальном переводе «возвращение к матери». Другими словами, к домашнему очагу \\ алтарю, у которого собирается весь клан, поминая предков. Эта формула появляется и при юбилейном освобождении от долговой кабалы, в круге семантики «благостного млеча» (DRR), который раскрывается наиболее четко в арабской лексике⁵³.

Формула *ama-r-gi* завершала цикл дней ежегодно⁵⁴ — знак непрерывной череды *возрождений из КАПЛИ*, упавшей на алтарь года предыдущего. Круг ассоциаций вложен в акафист Богородицы, возглашаемый «во дни печальные Великого Поста»⁵⁵.

В реалиях ново-вавилонского периода символ известен в виде т.н. «капельных» печатей голубого сапфира. Аналог печатей из кровавика (гематита), предшествующего, 2-го тысячелетия до н. э., с их весовыми категориями от полу-сикля до полутора сиклей, т.е. от «легкого сикля» торговых центров до «тяжелого» резидентных. В полном соответствии с вариациями минимальной весовой единицы пошлининых сборов казны⁵⁶. Рост поборов при Ахеменидах увенчался появлением гири в форме капли весом более 2-х кг (4 мины) — она

выставлена на Месопотамской выставке Эрмитажа. Чувство меры не свойственно великим державам. Рост поборов всегда пресекала формула, подобная начертанной огненным пальцем на стене во время пира Балтасара: «мене-текел-фарес», что значит «минасикль-грош» — предсказание падения морального кредита и оскудения казначейского центра, а, тем самым, и распада империи. Общепринятое толкование этой фразы в духе замысловатых откровений не свойственно бесхитростной фразеологии эпохи древности, хотя по сути смысл ее сохранен.

Смена фаз интровертной и экстравертной апотропейно-катарзисной ориентации удовлетворяет потребность выхода из тупикового застоя. Главной целью перемен остается вечная потребность человека в психологическом равновесии, без которого никакая целенаправленная деятельность невозможна. Сбалансированность в ходе перестройки крайне трудна и предполагает лишь смену лидирующей фазы, а не упразднение альтернативной. Сохранение альтернативы необходимо ради преодоления *ограниченности*, купирующей свободное развитие общественных структур. Функцию апотропейно-катарзисного освобождения ради наведения порядка в хаосе обеспечивало наиболее успешно театральное искусство, искони связанное с богослужением.

Идеализация утраченного помогает сохранить стабильность поведенческой ориентации норм. Это явление на примере аналитического изучения поэм

слепого рапсода, Гомера, подробно исследовано Ю. В. Андреевым. Шедевры искусства позволяют «оглянуться во гневе» и увидеть светлые стороны в традиционном опыте, несмотря на общеизвестное отсутствие совершенства в мире: «не имеют смысла хоры и монологи и стихотворная речь, и музыка и прочие условности, оправдываемые только одной условностью волнения» (Б. Л. Пастернак).

(Endnotes)

- ¹ Н. П. Бехтерева, *Здоровый и больной мозг*, СПб 1988. Ссылкой на литературу по физиологии высшей нервной деятельности я обязана консультациям Михаила Георгиевича Пчелина.
- ² H. G. Güterbock, *The Song of Ullikummi*, *Journal of Cuneiform Studies*, vol. V, pp. 135—161, vol. VI, pp. 8—42. Сюжет праздничного представления рассмотрен, применительно к роли богини Девы, в книге И. М. Дьяконова «Архаические мифы Востока и Запада», М. 1990, 2003
- ³ Maria de Jong Ellis, «*Gilgamesh's Approach to Huwawa: A New Text*», *Archiv für Orientforschung* Bd. XXVIII 1981—1982, pp. 123—131. Этой версии соответствует театрализованное представление, изображенное на кубке из Хасанлу. Комментарий см. Н. Б. Янковская в докладах на 75-летие ОВ Гос. Эрмитажа и ЭЧ памяти В. Г. Луконина «Косатые (kezrum, kezertum, kezrātu) — юные актеры мистерий летнего цикла», 2004 — текст доклада отчасти повторял изложенное в предлагаемой статье. В обнов-

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

Н. Б. Янковская

МАНИФЕСТАЦИЯ ВЛАСТИ...

ленном варианте дан мною приложением к настоящей работе — публикация его Эрмитажным издательством не предвидится.

- ⁴ I. M. Diakonoff, On Cybele and Attis in Phrygia and Lydia, AA 1997 t. 25, fasc. 1—4 pp. 333—340
- ⁵ W. G. Lambert, The Gula Hymn of Bullutsarabî, Orientalia 1967, 36\2, pp. 105—132. Великая богиня олицетворяет порядок в хаосе и свет во тьме.
- ⁶ Sedat Alp, Zylinder— und Stempelsiegel aus Karahöyük bei Konya, Ankara 1968 (*Türk Tarih Kurumu Yayınlarından V. seri — SA. 26*), уникальная печать №23, вынесенная на суперобложку.

Двуликость богини, как мне кажется, связана с лунными фазами: одна из них — это рост до полнолуния, она совпадает с приливом деторождений, материнством; другая — это спад от полнолуния, с ущербом к новолунию, отлив такого результата не дает. Обе лунные фазы соответствуют изменениям в лактации кормящих женщин: первая — наполнению, вторая — оскудению в работе млечных желёз. Обстоятельство, признанное в гинекологии — известное, несомненно, и острой наблюдательности наших предков.

- ⁷ В. К. Афанасьева, «От начала начал». Антология шумерской поэзии, СПб 1997 см. под
- ⁸ Н. Б. Янковская, Роль поэта и художника в саморегуляции общественных структур, ЭЧ памяти Б. Б. Пиотровского, СПб 2005, особенно прим. 50 с комментарием к статье А. Т. Адамовой. В дополнение к этому тексту стоит со-

слаться на карту с показанными на ней торговыми трассами, вместе с перевалами в горах, и схемами распространения двугорбых и одногорбых верблюдов, приведенные в моей статье, опубликованной в ВДИ 1956\1. На сс. 44—45 дано достаточно для разъяснений миракля проблемы статьи А. Т. Адамовой и ее информаторов, традиционно игнорирующих науку России.

- ⁹ Это лейтмотив деловой и дипломатической переписки 2-го тыс. до н. э. см. Н. Б. Янковская, Клинописные тексты из Куль-тепе, Каниша, 19 века до н. э. в собраниях СССР, М. 1968. Специально — Н. Б. Янковская, «Партнерская уступка», сб. ЭЧ памяти В. Г. Луконина, сб. 1986—1994 сс. 159—162.
- ¹⁰ Н. Б. Янковская, Казначейство города Ашшура — пролог империи (возвращение к матери=ата-г-i), сб. памяти И. М. Дьяконова, СПб 2002. сс. 353—363
- ¹¹ Н. Б. Янковская, Архаика и архаистика, кубок из Хасанлу, сб. на 75-летие Отдела Востока ГЭ, Л. 1995
- ¹² Н. Б. Янковская, «Макушка Лета», ЭЧ памяти Б. Б. Пиотровского, СПб 2004
- ¹³ И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, Ереван 1968, с. 71, рис. 15. Периздание — The Pre — History of the Armenian Nation, New York, 1984, X 241p. , 3 maps.
- ¹⁴ Н. Б. Янковская, Крит — сердце ойкумены амарнской эпохи (19—14 вв до н. э.), в печати
- ¹⁵ Набор емкостей для воскурений, пищи и питья богам: чистой воды, вина, молока, меда и масла, можно отож-

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

Н. Б. Янковская

МАНИФЕСТАЦИЯ ВЛАСТИ...

- дествить по материалам статьи W. Heimpel, *Reallexicon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archaeologie*, Berlin — New York 1987 , L, S. 1—6.
- ¹⁶ Ю. В. Андреев, От Евразии к Европе, Крит и эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа, СПб 2002
- ¹⁷ Доклад А. Я. Каковкина — ЭЧ памяти В. Г. Луконина 26 янв. 2005. Исключительно метательными камнями пользовались для отлова и доместикации онагров в поселении Умм Дабагийя (близ Хатры), раскопанном Дианой Кёркбрайд и датированном 6 тыс. до н. э. Этот промысел, основанный большесемейной пастушеской общиной, просуществовал более 500 лет (сб. в честь 75-летия Б. Б. Пиотровского, «Культурное наследие Востока», М. 1985 — Н. Б. Янковская, Новое о межобластном разделении труда. сс. 84—88)
- ¹⁸ Ю. В. Андреев, От Евразии к Европе, Крит и эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа, СПб 2002.
- ¹⁹ Так в церкви Успения Богородицы, Панагия Кера — ему посвящено правое крыло, левое — св. Анне.
- ²⁰ Ю. А. Пятницкий, Копии чудотворной иконы Богоматери Киккской в коллекции Эрмитажа, ЭЧ памяти Б. Б. Пиотровского, СПб 2005, сс. 99—115. Ср. О. Е. Этингоф о трех возрастных вариациях в иконографии Христа: Младенца, сидящего на руке Матери; стоящего перед Нею отрока (Эммануил) и лежащего (Пиета) у ЛОНА Богородицы. О. Е. Этингоф, Образ Богоматери. Очерки византийской иконографии XI—XIII вв. Москва 2000. Пиета со-
- ответствует архаическим формулам возрождения Жизни Вечной.
- ²¹ Ю. Ю. Карпов, Ребенок и подросток в контексте традиционной культуры народов Западного Дагестана, сб. Детство в традиционных культурах Средней Азии, Казахстана и Кавказа, СПб 1998, сс. 115—147.
- ²² В том же роде было предпринято королем Иордании усекновение правой руки для всех палестинских повстанцев, принятых им в королевство на поселение вместе с их семьями. Отсрочка — не более того.
- ²³ В. К. Афанасьева, Аккадские правители в шумерском эпосе. Саргон Древний, ВДИ 1989 \ 2 сс. 3—13
- ²⁴ Н. Б. Янковская, «Посольство к горцам царского брата, писца, УбилЭштара» — в печати. Царские братья во избежание внутренних споров, опасных для престолонаследия клана, никогда не выделяются, обозначаясь со всеми прочими родичами как «царские дети» (*mag argi*) — см. Н. Б. Янковская, Царские братья в родословной хурритских династов Аррапхи, сб. «Культура Востока. Древность и раннее Средневековье», Л. 1978 сс. 33—50
- ²⁵ И. М. Дьяконов, Н. Б. Янковская, Поминальная Чаша, сб. памяти Ю. В. Андреева, СПб 2000, сс. 91—98
- ²⁶ Н. Б. Янковская, «Макушка» Лета — точка отсчета идеального (делового) календаря. Мецамор 28, 19 вв. до н. э., ЭЧ памяти Б. Б. Пиотровского, СПб 2004, сс. 103—115
- ²⁷ Н. Б. Янковская, Роль поэта и художника в саморегуляции общественных структур, ЭЧ памяти Б. Б. Пиотровского, СПб 2005 сс. 140 сл.

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

- ²⁸ Н. Б. Янковская, Древнейшая из горских богинь Тавра, Дева — Хозяйка Зверей, в сюжетах скульптурных групп Антонио Кановы, ЭЧ памяти В. Г. Луконина, СПб 1997 сс. 73—79
- ²⁹ И. М. Дьяконов, Эпос о все видавшем, М. 1961
- ³⁰ I. M. Diakonoff, N. B. Jankowska, An Elamit Gilgameš Text from Argištihinele, Urartu (Armavir-Blur 8th century B. C.), Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie 80 \ 1, 1990 S. 102—124
- ³¹ Н. Б. Янковская, Общинное самоуправление и царь в Угарите, ВДИ 1963\3 сс. 35—55
- ³² Ю. Я. Перепелкин, Палестинский сб. 16 (1966) — полностью.
- ³³ Jean Bottéro, Babylone — A l'aube de notre culture, Découvertes Gallimard Histoire, 1994, Pierre Amiet, Paris 127g — Force et Raison p. 127. Очень неряшливое воспроизведение, отсылающее к Пьеру Амье.
- ³⁴ Н. Б. Янковская, Роль поэта и художника в саморегуляции общественных структур, ЭЧ памяти Б. Б. Пиотровского СПб 2005 сс. 134—154
- ³⁵ Н. Б. Янковская, «Макушка» лета — точка отсчета идеального (делового) календаря. Мецамор 28, 19 вв. до н. э. ЭЧ памяти Б. Б. Пиотровского СПб 2004, сс. 103—115
- ³⁶ Иоганнес Фридрих, История Письма, М. 1979, с. 366, рис. 243
- ³⁷ Н. Б. Янковская, Землевладение большесемейных домовых общин в клинописных источниках, ВДИ 1959\1 сс. 35—51

Н. Б. Янковская

МАНИФЕСТАЦИЯ ВЛАСТИ...

- ³⁸ Cp. Cotsonis J., The Virgin with the «Tongues of Fire» on Byzantine Lead Seals \\ Dumbarton Oaks Papers 48, 1994, pp. 221—227
- ³⁹ Образчик пятисклекиша — весовой балансной гематитовой гирьки-лягушки с обозначением цифры «пять» на ее спинке показан в витрине месопотамской выставки Эрмитажа.
- ⁴⁰ M. Borboudakis, Panagia K ra, Athenes 1992
- ⁴¹ I. M. Diakonoff, The Naval Power and Trade of Tyre. The Israel Exploration Journal, 1992, 42 \ 4, pp. 168—193
- ⁴² Великолепна статья — Jonathan Chaves, «Soul and Reason in Literary Criticism: Deconstructing the Deconstructionists» (JAOS vol. 122 \ numb. 4\ Oct. Dec. 2002 pp 828—835) о деградации литературы после 60-х, поэтапно каждые 10 лет: 70, 80, 90-е. Итог в виде сонета дан в конце статьи как резюме.
- ⁴³ Доклад на пленарном заседании МКВ, Труды XXV Международного Конгресса Востоковедов, 9—16 авг. 1960, М. 1962, том 1 с. 64
- ⁴⁴ Серия работ Юрия Викторовича Андреева дает всестороннее представление о культуре греческого мира со всеми его успехами и спадами, к сожалению, не акцентируя этого важнейшего момента, поэтому я затрудняюсь в выборе какой-нибудь одной из них. Наиболее полная библиография приведена в приложении 2 к книге «Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI—VIII вв. до н. э.», СПб 2004, изд. «Нестор-История»

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ**Н. Б. Янковская****МАНИФЕСТАЦИЯ ВЛАСТИ...**

- СПИИ РАН.** Это публикация докторской диссертации Ю. В. с приложением материалов дискуссии, иллюстрирующей все еще высокий уровень скованности, присущей 79-му году, который преодолен Ю. В. в книге, посвященной Криту. Завершение многообещающей полемики оборвала смерть автора, наступившая на пике его успехов в науке. К счастью, мощнейший импульс для коренного переосмысления важных моментов далеко не разработанной темы диалога культур Запада и Востока, Юрий Викторович Андреев успел дать.
- ⁴⁵ В. К. Афанасьева, Предание, этиологический миф и мифологема в шумерской литературе, сб. «Жизнь мифа в античности», М. 1988, часть 1, сс. 27—45
- ⁴⁶ Сомнение в констатации человеческих жертвоприношений, совершаемых вне катастрофических ситуаций, остается — см. Н. М. Kümmel, StBoT 3 1967 159 f. Menschenopfer.
- ⁴⁷ См. комментарий Н. Д. Флиттнер об этой дворцовой стенной росписи — Культура и Искусство Двуречья и соседних стран, Л. 1958 с. 258
- ⁴⁸ Н. В. Козырева, Шумер и Аккад. Две модели архаических обществ, сб. кафедры Ассириологии и Египтологии, СПб 2004, сс. 11—48
- ⁴⁹ Ю. В. Андреев, Апология язычества или о религиозности древних греков, ВДИ 1998 \ 1 сс. 125—134
- ⁵⁰ Сквозной сюжет исследований Ю. В. Андреева, от самых первых шагов в науке до последних, дан в посмертном

- издании — «Мужские союзы в дорийских городах-государствах» СПб 2004, 336 сс., 43 илл.
- ⁵¹ Перевод и комментарий см. в журнале «Звезда», № 9 за 1998 год — Н. Н. Казанский и А. И. Янковский.
- ⁵² Н. Б. Янковская, Эрмитажные Чтения памяти Б. Б. Пиотровского СПб 2004, сс. 103—115
- ⁵³ Соответствие андурапу < DRR, как синонима «благостного млеча», рассмотрено подробно в статье Н. Б. Янковская, Казначейство города Ашшура — пролог империи («возвращение к матери» = AMA-R-GI), сб. памяти И. М. Дьяконова, История и Языки Древнего Востока, СПб 2002, сс. 353—363.
- ⁵⁴ И. Т. Канева, Шумерский язык, СПб 1996 (идет переиздание в 2005 году).
- ⁵⁵ Цитата из пушкинского переложения молитвы Ефрема Сирина, которая завершается универсальной формулой глубокой, самоотверженной, религиозности: «Но дай мне зресть мои, о Боже, прегрешенья! И дух смирения, терпения, любви и целомудрия мне в сердце оживи».
- ⁵⁶ Н. Б. и А. И. Янковские, «Скрытое единство» — со-поставление гирек для балансных платежей собрания Государственного Эрмитажа (Египет и Месопотамия), ВДИ 1995, сс. 127—133. В моей статье «К проблеме оптовой торговли Камиша. Мельчайшая денежная единица», ВДИ 1986\2 сс. 17—24, посвященной дроблению основной учётной единицы денежного обращения (сикля), показано соответствие 1\180 доли сикля, составляющего в целом ~ 8 г, как условных денег, исчисляемых казначей-

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

Н. Б. Янковская

МАНИФЕСТАЦИЯ ВЛАСТИ...

ствами в серебре. Практически эта доля соответствует 1 сиклю меди, металла разменных денег реального обращения на внутреннем рынке. Именно эту дробь (PRS = «фарес»), известную под названием *uṭṭātu*, в буквальном переводе «пшеничное зернышко», как я думаю, имеет в виду формула «мене-текел-фарес». Пятнадцать «зернышек» обычно сбрасывали со счета добросовестному компаньону. В упреках частной деловой переписки торговцев это считалось «грошовой» уступкой, но и ту было не просто получить. Игра слов мистического толкования фразы опирается на смысл истинных терминов: мина «вес», как таковой; сикль — отлагольная форма (*šql*) со значением «отвешивать — платить», расхожая монета в Израиле наших дней. С учётом чередования звонкого и глухого *r\l f*, различаемых еврейской графикой лишь по наличию или отсутствию точки внутри знака, возникло написание глагола *parāsu* «рубить» в форме *fares*. Рубили не только серебряный лом, но и монеты. Перефраз с подменой реального «сикля» формой «текел» отсылает толкователя к кругу очистительных обрядов с целью подтверждения доверия, поддержки (!) — см. W. von Soden, *Akkadisches Handwörterbuch*, SS. 1307, 502 ff. Все вместе взятое заставило меня обратиться к этой формуле в ее первоначальном смысле, не требующем натяжек. Они утвердились в богословии задолго до возникновения ассириологии, как науки, использующей гигантское количество клинописных архивов, раскопанных и обработанных в течение XX века. Не исключен и простенький совет, начертанный са-

жей факела — аналог нашему: «Копейка рубль бережет», для аккадского языка характерен нажим на последнем слове, в отличие от русского.

А.В.Немировская

Отклик на статью В. В. Емельянова «О происхождении Энкиду в аккадском эпосе (к интерпретации Gilg.Ep. I ii 35-35A)»

В ПРЕДЫДУЩЕМ выпуске сборника «Ассириология и египтология» на страницах 86—97 была опубликована статья В. В. Емельянова «О происхождении Энкиду в аккадском эпосе (к интерпретации Gilg. Ep. I ii 35—35a)». По поводу этой публикации хотелось бы высказать некоторые соображения, касающиеся как формальной стороны вопроса, так и содержательной.

В своей статье В. В. Емельянов предложил собственную интерпретацию следующего фрагмента аккадской версии Эпоса о Гильгамеше:

[lul-la] -a ^dEN. KI. DÙ ib-ta-ni qu-ra-du
i-lit-ti qul-ti ki-ṣir ^dNIN. URTA (Parpola 1997, I:86—87)

Во-первых, с самого начала вызывает недоумение нумерация обсуждаемого фрагмента, которая приводится в заголовке и далее повторяется в самой статье.

На странице 94 в примечании 3 автор указывает на то, что «текст эпоса цитируется по новейшему изданию (SBEG) — имеется в виду издание финского ассириолога С. Парполы (Parpola 1997) — однако по непонятной причине дает другую нумерацию, использованную в свое время И. М. Дьяконовым (Дьяконов 1961, 9). В указанном примечании В. В. Емельянов добавляет: «У Парполы иная нумерация строк, и наша строчка здесь разбивается на две — 86 и 87». Зачем было совмещать цитирование аккадского текста по изданию С. Парполы с использованием нумерации иной, нежели у С. Парполы, остается неясным.

Во-вторых, В. В. Емельянов говорит об одной строчке, в то время как речь идет об одной строфе, состоящей из двух параллельных конструкций, которые, находясь в отношениях семантико-синтаксического параллелизма, могли быть записаны и в одну строку, и в две (George 2003, 544, I:103—104). В последнем случае каждая из конструкций записывалась с новой строки, поэтому предлагаемое В. В. Емельяновым на странице 92 и в примечании 6 на странице 94 отнесение существительного *qu-ra-du* ко второй конструкции выглядит неубедительно.

Ошибкачным является также выдвинутое автором статьи грамматическое обоснование предлагаемого им нового членения анализируемой строфы. На странице 94 в примечании 6 В. В. Емельянов пишет: «Именно так понимает строчку И. М. Дьяконов в последней вер-

ции своего перевода: “Слепила Энкиду, создала героя. Порожденье полуночи, воин Нинурты...” (Дьяконов 1981, 124). Однако, здесь есть одна новая особенность: переводчик синтаксически отделяет одно полустишие от другого, полагая, что со слова *i-lit-ti* начинается следующее предложение. Это невозможно, поскольку слово стоит в родительном падеже. Кроме того, нельзя перевести *qu-ra-du* как “героя”, поскольку это слово стоит в именительном падеже. Так что, если и разделять предложения в строчке, то начиная с *qu-ra-du* “(Он) — герой...”».

Отмечая, что *qu-ra-du* «нельзя перевести как «героя», автор статьи, вероятно, хотел сказать, что это существительное не может являться дополнением. Однако в аккадском языке I тысячелетия до н. э., на котором написана исследуемая версия Эпоса о Гильгамеше, формы именительного и винительного падежа единственного числа мужского рода часто совпадают, так что окончание —*i* может иметь и подлежащее, и прямое дополнение (GAG §63e).

Что касается существительного *i-lit-ti*, с которого якобы не может начинаться предложение, то стоит оно не в форме родительного падежа, как предполагает В. В. Емельянов, а в форме сопряженного состояния (*status constructus*) с так называемым нависным (облегчительным) гласным —*i* — типичной для многосложных основ, оканчивающихся на удвоенный согласный, либо на два разных согласных (GAG §64h).

Следовательно, В. В. Емельянов совершенно напрасно уличает И. М. Дьяконова в незнании элементарных грамматических правил аккадского языка. Более того, соединив собственные грамматические домыслы с переводом И. М. Дьяконова, на странице 88 автор делает вывод: «Получается еще туманнее: «герой — порожденье полуночи, воин Нинурты»». Таким образом, перевод И. М. Дьяконова сначала передергивается, а потом этот передернутый перевод именуется «туманным», хотя в процитированном выше примечании 6, которое относится именно к приведенной фразе, В. В. Емельянов все-таки приводит подлинный перевод И. М. Дьяконова.

В соответствии с новейшим научным критическим изданием Эпоса о Гильгамеше (George 2003) обсуждаемая строфа выглядит так:

ina šēri(edin) ⁴en-ki-dù ib-ta-ní qu-ra-du

i-lit-ti qul-ti ki-şir ⁴nin-urta

In the wild she created Enkidu, the hero,
an offspring of silence, knit strong by Ninurta. (George 1999; 2003,
I: 103—104)

К этой строфе в издании Эндрю Джорджа имеется подробный лексический комментарий, касающийся понимания существительного *qul-ti* и выражения *ki-şir ⁴nin-urta*. Упомянутая распространенную трактовку первого как ‘ночная тишина’ (предложена В. фон Зоденом; она же отражена в переводе И. М. Дьяконова), а также ‘гончарная глина’ (через исправление на *kul-<la>-ti* в CAD K 506), Э. Джордж весьма остроумно и логич-

но предлагает понимать выражение *ilitti qūlti* «отприск молчания» как метафору сверхъестественного появления на свет Энкиду, не рожденного земной женщиной, которая кричит, испытывая родовые муки (George 2003, 789, n. 104), а слепленного из глины богиней Арурой.

Таким образом, реконструированное в издании С. Парполы в первой половине строфы [*lul-la*]-а ‘первочеловек, первозданный человек (созданный богами)’ (CDA 185) выглядело бы идеальным поэтическим параллелизмом к *ilitti qūlti*. Однако Э. Джордж приводит действительно сохранившийся текст, в соответствии с которым на самом деле в начале строфы следует обстоятельство места *ina šēgi* ‘в степи, пустоши’ — то, что по-русски называется ‘в чистом поле’, т. е. вдали от людей, на лоне природы, отсюда выражение, встречающееся в том же Эпосе о Гильгамеше *erēš šē[ri]* ‘возделывать степь’ (George 2003, I:132), то есть ‘заниматься охотой на диких животных’ (ср. известную фразеологию *eqlam, kiřiam erēšum* ‘возделывать поле, сад’ (CDA 75).

В параллель к словосочетанию *kişir* Ninurta Э. Джордж приводит аккадские имена собственные типа ‘*kişir* + имя бога’, ‘имя бога + *kuşuršu/kuşranni*’, ‘имя бога+ *kāşir*’. Словари аккадского языка интерпретируют употребление существительного *kişru(m)* ‘узел, связка, крепление’ и форм глагола *kaşāru(m)* ‘заязвывать, связывать, соединять’ в подобных словосочетаниях как метафору поддержки, оказываемой человеку тем или иным божеством. «As the champion of the

gods and the epitome of the young hero, Ninurta is a god associated with successful feats of arms, particularly in single combat with a mighty rival (e. g. Anzû, Asakku). Enkidu, whose physical being has been given cohesion by Ninurta, will be the champion of the people of Uruk and will meet with Gilgameš in single combat» (George 2003, 789 n. 104). Кроме того, этот эпитет Энкиду предвосхищает образ *kişru ša Anîm*, символизирующий Энкиду в вящих снах Гильгамеша и интерпретируемый как ««ком» Ану», то есть твердое вещество небесного происхождения, метеорит. Метеориты, как замечает Э. Джордж, в эпоху бронзы были важным источником качественного железа (George 2003, 789, n. 104; 793 n. 124—5//151—2).

Из всего изложенного выше следует, что предлагаемый на странице 92 указанной статьи «новый» перевод В. В. Емельянова «...герой — порождение зловещей тишины, территории Нинурты-Нергала», ради которого, вероятно, и была написана статья, с точки зрения грамматики и лексики аккадского языка, а также — поэтической структуры Эпоса, не имеет под собой серьезных оснований.

В соответствии с новейшим на сегодняшний день научным критическим изданием Эпоса о Гильгамеше (George 2003), более или менее адекватный перевод рассмотренной строфы на русский язык мог бы выглядеть, примерно, так:

В глухи Энкиду создала, героя,
Рожденного (в) тиши, храбреца, (как) Нинурта.

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

Литература

- Ассириология и египтология — Ассириология и египтология.
Сб. статей / Отв. ред. Н. В. Козырева. СПб., 2004.
- Дьяконов 1961 — Эпос о Гильгамеше («О все видавшем»).
Перев. с акк. И. М. Дьяконова. М.-Л., 1961. (Переизд. в:
Дьяконов 1981, 122—194).
- Дьяконов 1981 — Я открою тебе сокровенное слово. Литература
Вавилонии и Ассирии. Сост. В. К. Афанасьевой и И. М.
Дьяконова. М., 1981.
- CAD — The Assyrian Dictionary. Oriental Institute of the University
of Chicago. Chicago—Glückstadt, 1956 ff.
- CDA — Black J., George A., Postgate N. A Concise Dictionary of
Akkadian. Wiesbaden, 2000.
- GAG — Soden W., von. Grundriss der akkadischen Grammatik /
/ Analecta Orientalia. 33. 3. ergänzte Auflage unter Mitarbeit
von W. R. Mayer. Roma, 1995.
- George 1999 — George A. The Epic of Gilgamesh. Allen Lane The
Penguin Press. 1999.
- George 2003 — George A. R. The Babylonian Gilgamesh Epic.
Introduction, critical edition and cuneiform texts. Oxford
Univ. Press. 2003.
- Parpola 1997 — Parpola S. The Standard Babylonian Epic of
Gilgamesh. Cuneiform text, transliteration, glossary, indices
and sign list. The Neo-Assyrian Text Corpus Project. University
of Helsinki. 1997.

Крылова Ю. В.

Хозяева саркофагов
Эль-Берше

ИСТОРИЯ ВОПРОСА. В XV nome Верхнего Египта, недалеко от современной деревушки Эль-Берше расположен один из крупнейших некрополей времени Среднего царства, некрополь города Гермополя, столицы заячьего нома. В найденных здесь гробницах номархов и их приближенных было обнаружено большое количество деревянных прямоугольных саркофагов, декорированных снаружи и изнутри. Из 53-х памятников в 22-х дно саркофага содержит некую изобразительно-текстуальную композицию.

Многие археологи проявляли интерес к Эль-Берше. Уже в 1891-92 годах Египетский исследовательский фонд организовал туда экспедицию, отчет о которой до сих пор является базовым материалом (Newberry 1892-1895). В последующие годы в этом регионе проводились активные незаконные раскопки, после чего многие европейские и американские музеи обогатили свои кол-

лекции египетскими древностями. Приблизительно в это же время (1897-1902 гг.) Эль-Берше исследовали Г.Даресси (Darressy 1900) и А.Камаль (Kamal 1901). И, наконец, следует отметить экспедицию Г. Райзнера в 1915 году.

Многочисленные находки, сделанные в ходе этих экспедиций, привели к последующим публикациям, которые и показали, что из обнаруженных здесь памятников стало предметом наибольшего интереса для ученых. В первую очередь их заинтересовали тексты, записанные на стенках саркофагов эпохи Среднего царства, которые в большом количестве были найдены и в Верхнем и в Нижнем Египте. Так получилось и с саркофагами из Эль-Берше.

В 1904 П.Лако опубликовал саркофаги из Каирского музея, среди которых были и памятники времени Среднего царства (автор, однако, датировал их Новым), содержащие тексты заклинаний и рисунок-план на днищах (Lacau 1904-1906). Издатель дал несколько прорисовок оформления dna и перевод отдельных заклинаний, считая всю композицию одной из версий Книги Мертвых. Однако, годом раньше немец Х. Шак-Шакенбург опубликовал днище (единственное, что сохранилось) от деревянного саркофага, хранившегося в Берлинском музее. Автор отметил, что прямоугольное пространство dna было поделено на два регистра, которые в свою очередь, дополнительно делились на части. В центре верхнего регистра располагались две зигзаго-

образные линии черного и голубого цветов. Именно благодаря этим линиям Х. Шак-Шакенбург и назвал памятник *Книга двух путей* (Schack-Schackenburg 1903).

Книга двух путей – это некая изобразительно-текстуальная композиция, которая отражает представления древних египтян об Инобытии. Этот памятник давно занял в науке свое место наряду с *Книгой Мертвых, Амдуат*, и другими *Книгами*, содержащими мировоззренческую концепцию. Данное сочинение просуществовало недолгий период между царствованиями Аменемхета I и Сенусерта III, то есть, примерно 120 лет. Любопытно, что *Книга мертвых* появившись в XVII династию, окончательно сформировалась лишь к XXVI-ой. Тогда как *Амдуат* зафиксирована впервые при Тутмосе III уже как разработанное произведение. Такой она сохранилась вплоть до поздних времен. Однажды появившись, она уже, практически, не редактировалась, как и *Книга двух путей*.

Уникальность последней состоит и в том, что она появилась именно на днищах саркофагов. В эпоху Среднего царства деревянные прямоугольные саркофаги обычно декорировались внутри, но оформлять днище саркофагов было совершенно не характерно для того времени. Свод заклинаний, записанных на днище внутри графически выделенных ячеек, был неоднократно переведен и прокомментирован многими учеными, тогда как изобразительная композиция практически не рассматривалась.

Язык изображения зримой действительности ко времени Среднего царства уже сформировался и сложился в некую систему. В тоже время именно в эпоху Среднего царства появились первые попытки изобразить нечто фантастическое, и памятники из Эль-Берше, в данном случае, наиболее яркий пример. Собственно, *Книга двух путей* – это первая попытка изобразить фантастический мир Инобытия. Однако это сочинение все же выбивается из ряда, так называемой Загробной литературы, в том числе, благодаря своему ярко выраженному локальному характеру, присущему только ей. Этот памятник известен только из некрополя Эль-Берше, а более поздние *Книги* были широко распространены по всему Египту. Возможно, именно такая исключительная локальность определяет своеобразие формы и содержания *Книги двух путей*, которые до сих пор остаются малоизученными.

Описание погребений. На сегодняшний день некрополь Эль-Берше достаточно хорошо раскопан и исследован. И хотя Бостонский Музей изящных искусств и сегодня проводит там археологические раскопки, но базовыми отчетами по этому месту до сих пор являются труды П.Ньюберри, Г.Даресси и А.Камаля.

В целом некрополь образуют 10 гробниц классического типа, характерного для эпохи Среднего царства, и 17 шахтных погребений. При этом шахты не всегда расположены автономно, некоторые были выкопаны в уже существовавших гробницах. Закономерно, что

только номархи могли себе позволить постройку гробницы, и то не всегда. Иногда родственники правителей размещали свои шахты на территории гробницы номарха. Так в гробнице номарха Аменемхета, помимо его собственной шахты, было обнаружено погребение и его брата, тоже номарха Джхутинехта VI. А в гробнице Джхутинехта V в одной шахте были размещены два саркофага, номарха и его жены (BMFA 1987).

Саркофаги, которые были обнаружены в некрополе Эль-Берше деревянные, прямоугольные, разной степени декорированности. Покойников в эпоху Среднего царства обычно хоронили в двух сакофагах (это утверждение справедливо для высших сословий, потому как мы располагаем археологическими данными только о погребениях такого уровня). Оба декорировали, видимо, по одному принципу, с четырех сторон. Однако, чаще внешний саркофаг был оформлен менее разнообразно, чем внутренний. Вопрос сравнения декора изучен неполно и требует отдельного исследования.

Большинство памятников можно археологически привязать к определенному типу погребения, что и представлено в следующей таблице.

Условные сокращения:

С – саркофаг декорирован снаружи по всем 4-ем стенкам,

В – саркофаг декорирован внутри по четырем стенкам,

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

Ю. В. Крылова

ХОЗЯЕВА САРКОФАГОВ ЭЛЬ-БЕРШЕ

Д – днище саркофага содержит композицию *Книги двух путей*. В скобках приводится музейный атрибут памятника, где В = Bersheh, название некрополя, № по музейной нумерации и сокращенное название музея (Во = Бостонский музей изящных искусств, С = Каирский музей, Ве = Берлинский музей, Р = Лувр, в Париже, Л = Британский музей в Лондоне).

Таблица 1

Датировка	Хозяин гробницы, его статус	Характер гробницы	Степень декорированности Саркофагов
Ментухотеп II	Аха-нех I (номарх)	Гробница	—
Ментухотеп IV	Нехри I (номарх)	Гробница	—
Ментухотеп IV	Джхути-нехт IV (номарх)	Гробница	C,B,Д (B1Bo-B2Bo)
Аменемхет I	Джхути-нехт V (номарх)	Гробница	C,B,Д (B1Bo-B2Bo)
Аменемхет I	Кай (брать номарха)	Шахта в чужой гробнице	C,B,Д (B6C)

Аменемхет I	Джхути-нехт (жена номарха)	Гробница	C,B (2шт) C,B,Д (B4Bo)
Сенусерт I	Нехри II (номарх)	Гробница	C
Сенусерт I	Сат-хедж-хетеп (жена номарха)	Шахта	C,B,Д (B3C-B4C)
Аменемхет II	Джхути-нехт VI (номарх)	Гробница	C,B,Д (B15C) C,B (2шт)
Аменемхет II	Аменемхет (номарх)	Гробница	C,B,Д (B9C-B10C) C,B
Сенусерт II	Анху (придворный)	Шахта	C,B
Сенусерт II	Сат-ипи	Шахта	C
Сенусерты II-III	Джхути-хотеп (номарх)	Гробница	—
Сенусерты II-III	Сен(придворный)	Шахта	C,B,Д (B3L-B4L)
Сенусерты II-III	Гуа (придворный)	Шахта	C,B,Д (B1L-B2L)
Сенусерты II-III	Нефри (придворный)	Шахта	C,B,Д (B6C-B17C) C,B

Сенусерты II-III	Сепи (придвор- ный)	Шахта	<i>C,B,D</i> (B1C) <i>C,B</i>
Сенусерты II-III	Сепи (при- дворный)	Шахта	<i>C,B,D</i> (B1P- B2P) <i>C,B</i>
Сенусерты II-III	Джхутихотеп (придвор- ный)	—	<i>C,B,D</i> (B5C)
Сенусерты II-III	Сен	—	Сохранилось только <i>D</i> (B1Be)
Сенусерты II-III	Иха(при- дворный)	—	<i>C,B,D</i> (B12C- B13C)

Итак, саркофаги номарха Джухтинехта V и его жены (B1Bo-B2Bo) были обнаружены в погребальной шахте гробницы. Саркофаги номарха Аменемхета также происходят из шахты гробницы. Остальные же памятники были обнаружены в шахтных погребениях.

Погребальный инвентарь гробниц-шахт, в которых были найдены интересующие нас памятники, типичен для времени Среднего царства. Он, в основном, состоит из ящика для каноп, стола для жертвоприношений, который изготовлен из картонажа, и на котором размещены глиняные жертвы, и большого количества моделей различных барок.

Шахта 20 (B3C-B4C): эта шахта, расположенная на значительном расстоянии от самого некрополя, была разграблена. Однако, известно, что там были обнаружены остатки моделей барок и куски керамики, бусы (Daressy 1900, 37).

Шахта 14 (B1C): здесь были найдены деревянный ящик с четырьмя канопами, четыре модели барок (Daressy 1900, 37).

Шахта 13 (B17C): обнаружен только ящик для каноп (Daressy 1900, 39).

Шахта 15 (B1P-B2P): найдены ящик с канопами, макет стола для жертвоприношений с жертвами, две целых барки и одна поврежденная, обломки керамики (Kamal 1901, 235).

Шахта 11 (B3L-B4L): была сильно разграблена и погребальный инвентарь не сохранился (Kamal 1901, 235).

Шахта 12 (B1L-B2L): обнаружен только ящик с канопами (Kamal 1901, 239).

Погребальный инвентарь был обнаружен и в шахте гробницы Джухтинехта и его жены (B1Bo). Характер инвентаря тот же: ящик с канопами и 24 модели барок. Инвентарь шахты 21(B9C): ящик с канопами и 8 моделей барок (Kamal 1901, 253).

Оставшиеся четыре саркофага невозможно сегодня привязать археологически, и соответственно, нет возможности определить их погребальный инвентарь.

Хозяева саркофагов. Из 14 человек, которым принадлежали указанные саркофаги, 6 связаны родственными узами. Самые ранние памятники, датированные временем Аменемхета I, принадлежали номарху Джхутинехту V, его брату Каи и его жене Джхутинехт (Willems 1988, 105). Сын Каи, номарх Нехри II был женат на женщине, носившей имя Сатхеджхетеп, и, именно ей принадлежат два саркофага, датированные временем Сенусерта I. Они были обнаружены в шахте гробницы на верхушке склона горы, обращенной к долине, на которой находится основная масса погребений, ее захоронение расположено как бы на отшибе. Хотя ни эта могила, ни другие захоронения не дают свидетельств о семье Сатхеджхетеп, можно определить, кем она была. Две женщины с таким именем известны из Эль-Берши. Одна — жена номарха Нехри II и мать правителей Джхутинехта VI и Аменемхета. Другая — одна из дочерей номарха Джхутихотепа (Willems 1988, 154). Стилистически саркофаг Сатхеджхетеп строго соотносится с саркофагами Среднего царства. По датировке Х. Вильямса он занимает промежуточную позицию между саркофагами времени Аменемхета I и Аменемхета II. Так как вторая из упомянутых женщин жила во время правления Сенусертов II и III и Аменемхета III, вероятней всего, что первая женщина и есть владелица саркофага. Возможно, ее муж Нехри II был на службе до 31 года правления Сенусерта I, хотя определить более точно невозможно (Willems 1988, 113).

У Сатхеджхетеп было четыре сына, из которых двое стали номархами, Джхутинехт VI и позднее Аменемхет (Willems 1988, 115). На днищах их саркофагов, датированных временем Аменемхета II, также помещена Книга двух путей. Неизвестно, были ли дети у Джхутинехта VI и Аменемхета, но у их родного брата Каи родился сын, ставший впоследствии, пожалуй, самым известным и могущественным из номархов XV нома. Это Джхутихотеп. К сожалению, до нас не дошел его саркофаг, однако, известны саркофаги, принадлежащие членам его двора. Их гробницы-шахты расположены прямо перед гробницей самого Джхутихотепа, образуя единый погребальный комплекс. Оставшиеся 12 саркофагов с декорированным днищем как раз и принадлежали приближенным этого номарха. Эти памятники датированы эпохой Сенусерта II-Сенусерта III (Willems 1988, 125).

Большинство саркофагов, найденных в Эль-Берше, происходит из серии так называемых «дочерних захоронений» при гробнице N2 номарха Джхутихотепа. Саркофаг самого правителя в Эль-Берше не обнаружено, но сохранилось большое количество погребений его подчиненных. Их гробницы были найдены Г.Даресси на северной стороне долины, как раз перед входом в гробницу номарха. Подобное расположение характерно для погребений высоких чиновников (Nweberry 1892-1895, 153). Пять шахт фактически образуют неотъемлемую часть гробничного комплекса Джхутихотепа, располагаясь на передней площадке. Более того, поскольку

шахты образуют ровный ряд, можно заключить, что они были вырублены в соответствии с одной строительной программой. Эти наблюдения говорят о том, что ни одна из шахт не могла быть выполнена раньше, чем начались работы над гробницей номарха. Единственный археологический отчет о раскопках этих захоронений принадлежит Даресси (Daressy 1900, 35).

Так, начальник войска Сепи был похоронен в одной из указанных шахт. Также в шахте был найден еще один саркофаг, хозяин которого — военачальник с тем же именем. Мы не знаем другого человека с тем же титулом, но имя Сепи упоминается в гробнице Джхутихотепа. Возможно, владелец второго саркофага жил позже, так как памятник не оформлен внутри, что характерно для конца XII династии. Более того, камера, где он располагался, кажется, была построена позднее. Ничто не указывает на то, что эти начальники были в родстве, но они вполне могли представлять разные поколения одной семьи (Willem 1988, 125).

Ни о семье «главного врачевателя» Гуа, ни о семье «врачевателя» Сену ничего неизвестно, но и тот и другой носили одинаковые титулы. Возможно, они оба принадлежали к успешному поколению одной и той же семьи. Видимо, о Гуа есть упоминание в гробнице номарха Джхутихотепа. На одном из рельефов, где изображены три человека, от имени одного сохранился только один знак, который дает возможность интерпретировать его

как последний в имени Гуа. Двух других людей на этом рельефе звали Сепи (Newberry 1892–1895, pl XXII).

Г. Редер идентифицировал жреца по имени Иха с его тезкой номархом, который жил в Первый переходный период (Roeder 1959, 156), однако эта гипотеза кажется не особенно убедительной при знакомстве с результатами тщательного анализа декора саркофага (Willem 1988, 78). Палеография ясно указывает на XII династию. И, хотя формула жертвоприношений типологически относит этот памятник к саркофагам более раннего периода, и по внутреннему и по внешнему оформлению этот саркофаг похож на ранние модели, но как полагают, он составляет комплект с другим саркофагом, который типологически соотносим с памятниками, датированными временем Сенусерта II и III, поэтому и B12C относят к этому времени (Willem 1988, 35).

Сведения о хозяевах саркофагов дает также титулatura номархов и придворных, известная из надписей не только в некрополе Эль-Берше, но и из каменоломен в Хатнубе, древнейшем карьере, где добывали алебастр (Newberry 1825–1829). Так, писец Иха именует себя «начальник писаний в пер-анех», что может говорить о возможности существования в Гермополе Дома жизни в эпоху Среднего царства. Все номархи, на саркофагах которых обнаружена Книга двух путей, называли себя «великий пяти». Этот титул, как пишет Б. Тураев, являлся жреческим, что говорит о том, что номархи исполняли также и жреческие обязанности в храме Тота

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

(Тураев 2002, 45). И номархи, и знать Гермополя довольно часто носили титулы жреческого характера. Так, Каи называет себя « подносящим птиц к3 Тота...приносящим огонь Тоту, возлюбленным Тота, созерцающим его быков» (Newberry 1892-1895, pl XXIII, XXII). Один из титулов Джхутихотепа: «прекрасный помещением в храме» (Newberry 1892- 1895, pl II, 13), Нехри носит титул «созерцающий красоты владыки мест..» (Newberry 1892-1895, pl XXI, 3). Уже упомянутый Иха, который не был номархом, все же называет себя « созерцающим умиrottворяющего богов» и «начальником писаний в Доме жизни» (Newberry 1892-1895, pl XXI).

Можно попытаться графически представить родственные связи хозяев изучаемых саркофагов, а также построить некую диаграмму, которая будет отражать интенсивность появления саркофагов, на днищах которых помещена *Книга двух путей*, за весь период ее существования. Обе схемы приведены ниже.

Анализ данных по некрополю Эль-Берше не только подтверждает номовый характер *Книги двух путей*, но и по-новому ставит вопрос о значении Гермополя, города, где, собственно, и жили хозяева интересующих нас саркофагов.

Гермополем этот древнеегипетский город назвали греки. Они отождествляли египетского Тота с Гермесом, что и отразилось в названии. Однако, египетское имя города Хемену, Хмун, «город восьми». Среди дошедших до нас древнеегипетских мифах о сотворении мира

Ю. В. Крылова

ХОЗЯЕВА САРКОФАГОВ ЭЛЬ-БЕРШЕ

есть один, который происходит из Гермополя (Sethe 1929, 15). Согласно этому мифу при рождении Солнца из лотоса присутствовали четыре пары божеств (Матье 1996, 155). Эти божества, вероятно, и стали той «восьмеркой», именем которой египтяне и назвали город. Б. Тураев ссылается на тексты, которые говорят, что «Солнце-Ра воссияло из Ермополя...» (Тураев 2002, 41). Так, или иначе, но город получил свое название благодаря Огдоаде, которая имела в Хмуне свой храм и свой культ (Тураев 2002, 32). Хорошо известно также, что Гермополь был городом Тота. Об этом свидетельствуют не только многочисленные древнеегипетские тексты, но и тот факт, что эпитет « владыка Града Восьми» был одним из основных эпитетов Тота.

К сожалению, пока не обнаружено археологических объектов города времени Древнего и Среднего царства. До нас дошли только переделки поздних времен, о чем свидетельствуют результаты раскопок германской экспедиции 1929 — 1933 годов (Roeder 1959). Однако, мы все же можем отметить некоторые особенности в топографии города, интересные в контексте *Книги двух путей*. Так, в заклинаниях, записанных на саркофагах из Эль-Берше встречается некое место под названием « Остров пламени». В Текстах саркофагов на этом острове совершается суд над усопшим (Демидчик 2001, 21). При этом, в Гермополе существовало место с таким названием. Этот «остров» располагался на северо-востоке города, возле храмов Тота и Амона. Для нас важно, что на-

против располагался некрополь Эль-Берше. Во времена Нового царства это было место, где разыгрывались мистерии Ра (Roeder 1959, 36, 169). Возможно, этот топоним был связан с ритуалом перехода в Инобытие и был тесно связан с обоими мирами, земным и потусторонним (Демидчик 2001, 22). Возможно, речь идет о том же самом месте, которое упоминает Б.Тураев (Тураев 2002, 202), называя его «Озером двух огней». Автор полагает, что так называли целый квартал, реально существовавший в Гермополе. В эдфусском списке рядом с названием «Озеро двух огней», как детерминатив выступает знак здания, а сам текст повествует о посаженных в этом квартале священных деревьях Тота (Тураев 2002, с 203).

Все это связывает напрямую владельцев саркофагов из некрополя Эль-Берше с храмовыми службами. Возможно, такой акцент на жреческой составляющей их социального статуса говорит не только о желании подчеркнуть свою личную значимость, но и об особенностях интеллектуальной среды, существовавшей в Гермополе в эпоху Среднего царства. Широко известно, что именно жрецы Домов жизни составляли идеологические трактаты в различные моменты египетской истории. Само же появление и существование *Книги двух путей* в XV Заячьем nome может стать еще одним свидетельством своеобразия идеологической мысли в Гермополе.

Литература

- Демидчик 2001 — Демидчик А.Е. Древнеегипетские «Отцы и дети» в 38 заклинании «Текстов Саркофагов»// Христианские традиции и культура России. Материалы научно-практической конференции, с. 13-25. Новосибирск, 2001г.
- Матье 1996 — Матье М.Э. Избранные труды по мифологии и идеологии древнего Египта. Москва, 1996.
- Тураев 2002 — Тураев Б.А. Бог Тот. Санкт-Петербург, 2002.
- Daressy 1900 — Daressy G. Fouilles de Deir El Bircheh// ASAE, 1900.
- Kamal 1901 — Kamal A. Sur les fouilles executees a Deir-el-Bershe// ASAE, 1901
- Lacau 1904-1906 — Lacau P. Sarcophages anterieurs au Nouvel Empire, Vol. I-II// Catalogue general des Antiquites egyptiennes du Musee du Caire, 1904-1906.
- Newberry 1892-1895 — Newberry P.E., Fraser G.W. El-Bersheh. Part I-II// ASE, 1892-1895.
- Roeder 1959 — Roeder G. Hermopolis 1929-1939. Hildesheim, 1959.
- Schack-Schackenburg 1903 — Schack-Schackenburg H. Das Buch von den Zwei Wegen des seligen Toten. Leipzig, 1903.
- Sethe 1929 — Sethe K. Atum und die acht Urgötter von Hermopolis. Berlin, 1929.
- Willem 1988 — Willem H. Chests of Life. A Study of the Typology and Conceptual Development of Middle Kingdom Standard Class Coffins, Leiden, 1988.

АССИРИОЛОГИЯ И ЕГИПТОЛОГИЯ

Список сокращений

ASAE — Annales du Service des Antiquites de l'Egypte.

ASE — Archeological Survey of Egypt.

BMFA — Bulletin of the Museum of Fine Arts .